

Генри Райдер Хаггард

Скиталец

Генри Райдер Хаггард

Скиталец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125064

Аннотация

«Шумно плещут и пенятся огромные валы безбрежного моря, омывая подошвы гор.

Тихо скользит по волнам корабль, огибая острова и несясь вперед во мраке ночи. У корабля только одна мачта и широкий коричневый парус, на котором вышита золотом звезда; его корма стоит высоко над водой и похожа на клюв птицы, нос выкрашен в ярко-красный цвет...»

Книга также выходила под названием «Мечта Мира».

Содержание

Глава I. Безмолвный остров	6
Глава II. «Мечта мира»	14
Глава III. Одиссей убивает сидонцев	20
Глава IV. Кровавое море	29
Глава V. Царица Мериамун	35
Глава VI. История царицы Мериамун	42
Глава VII. Видение царицы	53
Глава VIII. В святилище смерти	60
Глава IX. Пророчество Апура	73
Глава X. Страшная ночь	81
Глава XI. Бронзовые ванны	91
Глава XII. Комната царицы	105
Глава XIII. Храм погибели	114
Глава XIV. Стражи-охранители священных врат	127
Глава XV. Тени в свете солнца	138
Глава XVI. Отделение духа Реи	145
Глава XVII. Пробуждение спящего	152
Глава XVIII. Клятва Скитальца	162
Глава XIX. Пробуждение Скитальца	171
Глава XX. Мщение Курри	178
Глава XXI. Возвращение Фараона	187
Глава XXII. На одре мучений	197
Глава XXIII. Сон фараона	207

Глава XXIV. Голос мертвеца	215
Глава XXV. Сожжение святилища	226
Глава XXVI. Последний бой Одиссея	233
Глава XXVII. До тех пор, когда Одиссей вернется	243

Генри Райдер Хаггард Скиталец

***

Глава I. Безмолвный остров

Шумно плещут и пенятся огромные валы безбрежного моря, омывая подошвы гор.

Тихо скользит по волнам корабль, огибая острова и несясь вперед во мраке ночи. У корабля только одна мачта и широкий коричневый парус, на котором вышита золотом звезда; его корма стоит высоко над водой и похожа на клюв птицы, нос выкрашен в ярко-красный цвет.

На веслах корабль несется так же легко, как при западном ветре.

На деке корабля стоит человек и смотрит вперед. Он невысокого роста, но крепко сложен, широкоплеч и, по-видимому, очень силен. У него синие глаза, темные вьющиеся волосы рассыпаются из-под красной матросской шапки по пурпуровому плащу, застегнутому золотою брошью. В его темных локонах мелькают серебряные нити, а борода совсем побелела. Вся душа его в глазах, он следит, не уставая, не покажется ли из темноты огонь маяка на лежащем впереди острове или дымок из-за далеких холмов, но ждет напрасно: ни огня, ни дыма, ни звука голосов, ни крика птиц, ничего. На острове царит мертвая тишина.

Вот корабль приблизился к берегу, на котором не было и признака жизни. Лицо человека омрачилось. Глаза его потухли, он, казалось, постарел от заботы, сомнений и тоски

по родному дому.

Ни один человек не мог так любить свой дом, как он, Одиссей, сын Лаэрта, прозванный Улиссом, возвращавшийся теперь из своего второго странствия. Весь мир знал о его первом путешествии. Десять лет скитался он по морю после взятия Трои и добрался до дома, переодетый нищим. Дома он встретил злобу и насилие врагов, убил их в своем собственном доме и снова завоевал свою жену, однако и после того не нашел покоя и отдыха: на нем тяготело проклятие. Он должен был выполнить свою задачу, странствовать до тех пор, пока не достигнет той страны, где люди не знали вкуса соли и не слыхали о существовании соленого моря.

Тогда он должен был принести жертву богу моря и вернуться домой. Он стерпел проклятие, выполнил все должное, чтоб умиловить разгневанное божество, относившееся раньше к нему по-дружески, и после всевозможных приключений приближался к родине. Итак, побывав в чудных странах, теперь он возвращался от Ворот Солнца и Белой скалы, из Обиталища душ, из страны народа Снов.

Но на его родном острове было тихо и пустынно, как нигде, берега казались пустыней в лучах рассвета.

Корабль остановился в хорошо знакомой гавани, закрытой скалами от ветра. Скиталец не обернулся назад, не сказал ни одного слова на прощание своему экипажу, схватился рукой за ветку огромного оливкового дерева и прыгнул на берег, здесь встал на колени, поцеловал родную землю и,

покрыв голову плащом, начал молиться, чтобы найти дома мир и покой, верную, любимую жену и достойного сына.

Но молитва его не была услышана. Поднявшись после молитвы на ноги, странник оглянулся назад, но в гавани не было и следа корабля, а в море не было заметно белевшего паруса. Кругом царила тишина, даже дикие птицы не приветствовали его своим криком.

«Солнце только что взошло, и люди не успели проснуться», – подумал Скиталец и скрепя сердце пошел по тропинке на холм, через скалы, тянувшиеся по острову. Взбираясь по холму, он надеялся, как прежде, найти дом своего верного слуги, свинопаса, и узнать от него о родном доме. Вот и избушка его. Дубовый крепкий частокол весь поломан. Ни признака дыма из трубы, даже собаки не выбежали навстречу. Дверь в избушку была открыта настежь, но в ней было совсем темно. Паутина висела с потолка, всюду пыль и запустение. Очевидно, люди давно не входили сюда.

Скиталец крикнул, но ему ответило только эхо. Тогда он вошел внутрь, надеясь найти пищу, а может быть, искру тлевшего огня под сухими листьями. Но нет. Холодный мрак, подобный смерти, царил повсюду.

Скиталец снова вышел на воздух под теплые лучи солнца и пошел по направлению к городу Итаке. Он видел сиявшее, как прежде, безбрежное море. Но на нем не видно было парусов. На полпути ему встретились ольховая роща и бассейн, вода которого вытекала из старого фонтана Нимф.

Теперь бассейн был изломан и зарос мхом, вода промыла в нем трещины и ушла в море. Путешественники не совершали здесь жертвоприношений, и огонь на алтаре Нимф давно погас. Трава покрыла остатки пепла, жертвенный камень зарос плющом.

Скиталец спешил вперед с тяжелым сердцем. Скоро он увидел высокую кровлю своего дома. Но и здесь не шел дым из трубы, широкий двор зарос сорной травой. Там, где посредине двора когда-то стоял алтарь Зевса, находилась большая куча какой-то белой пыли, около которой росла безобразная трава, редкая, как волосы на голове прокаженного.

Скиталец вздрогнул, заметив в куче почерневшие человеческие кости, подошел ближе, и – о, ужас! – куча оказалась останками мужчин и женщин. Очевидно, здесь хорошо поработала смерть, масса народа погибла от чумы. Трупы их были сожжены, а те, кто свалил их сюда, вероятно, убежали, так как людей не было видно нигде. Даже двери были открыты, но никто не входил и не выходил из них. Дом был мертв так же, как люди, которые когда-то жили в нем.

Скиталец помедлил минуту на месте, где старый Аргас когда-то приветствовал его. Одиноко стоял он, опираясь на свой посох. Вдруг луч солнца упал на кучу костей, и что-то ярко заблестело в ней. Скиталец тронул концом своего посоха кучу, и к его ногам упала кость руки, на которой блеснуло золотое запястье. На запястье была выгравирована характерная надпись.

При виде ее несчастный в ужасе упал на землю, узнав золотое запястье, несколько лет тому назад привезенное им в подарок жене своей Пенелопе. Он обессилел и долго рыдал, собирая прах своей жены и посыпая им голову. Долго лежал он на земле, кусая руки, проклиная богов и судьбу; лучи солнца жгли его, но он даже не двинулся с места, когда ветерок на закате солнца зашевелил его волосы.

Солнце закатилось, и стало темно. На востоке медленно всплыл серебристый месяц. Неподалеку раздался крик ночной птицы. Черные крылья мелькнули в воздухе, и хищная птица клюнула шею Скитальца. Он пошевелился, взмахнул рукой, схватил птицу и с силой бросил ее на землю. Страдания его были так невыносимы, что он начал искать у пояса нож, чтобы убить себя, но ножа не было. Тогда он встал, шатаясь, и стоял, озаренный лучами месяца, словно лев у разрушенного дворца забытых королей. Ослабев от голода и тоски, он прислонился к дверям собственного дома и смотрел на высокий каменный порог, где когда-то он сидел, переодетый нищим, и где убил оскорбителей своей жены.

Теперь жена его умерла. Все было кончено, и навсегда. При свете луны дом казался ему каким-то страшным призраком... Там не было людей, не было тепла, света и любви. Столы были свалены там и сям в большом зале, кресла из слоновой кости сломаны. Повсюду валялись остатки похоронного пира, опрокинутые кубки и блюда. Лунные лучи скользили по стенам, сверкая на клинках оружия и бронзе.

Вдруг одна знакомая вещь привлекла внимание Скитальца. Это был лук Эврита, из-за которого великий Геракл убил гостя в своем доме, ни один смертный не мог согнуть его. Скиталец берег драгоценный лук, не взял его с собой на корабль, а оставил дома как дорогую память об убитом друге! Теперь, когда дом его мертв, когда нет в нем ни жены, ни ребенка, ни слуг, только этот лук, казалось, приветствовал его. Это был удивительный волшебный лук! В нем обитал дух, который предвещал битвы. Перед всяким несчастьем лук странно звучал целую ночь. Его тонкий, пронзительный голос звенел, как струна, и гудел, как стрела. В то время, когда Скиталец стоял и смотрел на оружие, лук зазвенел. Сначала звуки были слабы, но, по мере того как он прислушивался, они становились сильнее, явственнее. Это пение звучало в его ушах и сердце.

Это была песнь смерти, и эти звуки впервые нарушили тишину заброшенного дома.

Ясно и гулко поет стрела
Вещую песнь волшебного лука, и звучит, как стрела.
Пронзительно раздается ее песнь:
Пустите нас, пустите насытиться телом человека!
Быстрые, жадные, летим мы издалека,
Словно хищная птица на кровавый пир после битвы.
Мы наполним собою воздух
Подобно каркающим стаям хищных воронов.
Словно снежные хлопья, гонимые ветром,

Мчим мы и несем с собой смерть.

Услышав эту музыку, Скиталец понял, что война близко. Он знал, что его стрелы быстро полетят в цель и насытятся человеческой кровью, протянул руку и взял лук.

Наконец он разразился слезами. Слезы потекли ручьями из его глаз. Он долго и непрерывно плакал, потом встал и пошел, потому что голод заговорил в нем сильнее тоски, любви и желаний.

Через узкую дверь он прошел в потайную кладовую дома, которая была выстроена им самим. С трудом отыскал он дверь, так как и здесь все заросло травой, и нашел запас зерна. Дом был богат запасами и провизией, когда появилась чума. Странник поел и вынул из сокровищницы прекрасное золотое вооружение несчастного Париса, сына Приама. Царь Менелай после разгрома Трои подарил его своему дорогому гостю Одиссею. Скиталец надел на себя золотое вооружение и взял меч с бронзовым клинком и серебряным наконечником. Любовь к жизни вернулась к нему теперь, когда он поел, выпил воды и слышал песнь волшебного лука. Он был жив и надеялся жить, хотя дом его был заброшен, жена умерла, и сын Телемах исчез, и никто не мог ничего сказать о нем.

Одевшись, он выбрал себе два копья, почистил их, привязал за плечами колчан со стрелами, взял свой большой лук и ушел из родного дома, ушел навсегда. Никогда нога его не ступит сюда более!

Пусть зарастает травой, пусть морской ветер поет над ним
погребальную песнь!

Глава II. «Мечта мира»

Ночь была светла и тиха. Только шум воды нарушал царившую кругом тишину. Скиталец вышел из своего дома и пошел к морю, поглядывая вокруг. Везде было темно и тихо. Многие из домов были совсем разрушены, так как за чумой последовало землетрясение. Там и сям по дороге виднелись ямы, и лунный свет, пробиваясь в трещины домов, бросал причудливые и странные тени. Наконец Скиталец добрался до храма Афины, богини войны. Кровля храма упала, колонны пошатнулись, пол зарос диким тимьяном. Он подошел к двери другого храма, на алтарь которого когда-то приносили много жертв. То был храм Афродиты, богини любви.

В открытую дверь до него донесся нежный запах ладана и курений, что-то блеснуло в серебристых лучах месяца... Медленно шел Скиталец, чувствуя себя усталым, словно в полусне, потом спрятался в тени длиной миртовой аллеи, опасаясь, что морские разбойники, быть может, пируют в развалинах забытого храма.

Нет, ни одного звука не доносилось до него, ни пения, ни танцев... Все было тихо и пустынно.

Набравшись мужества, он вошел в священное место. Высокие бронзовые жаровни не дымились куреньем, факелы не горели в руках золотых фигур, стоявших в храме Афродиты. Но что это? Грезил ли он наяву или был это отблеск лунного

света? Весь храм купался в огненном сиянии. Пламя выходило не из алтаря, а горело неугасимым, божественным огнем. Стены с нарисованными на них сценами любви, резные колонны и своды – все это пламенело ярким сиянием огня.

Скиталец испугался, поняв, что божество близко. Он склонил голову, закрыл лицо и сел у алтаря. Спал ли он или грезил, он сам не знал, но ему явственно слышался шелест и шепот миртовых и лавровых деревьев, и чье-то холодное дыхание повеяло ему в лицо.

Он вздрогнул, волосы на голове зашевелились. Вдруг наступила тишина. Затем раздался голос. Он знал, что это голос божества: боги часто говорили с ним прежде, он слышал музыкальный голос Афины, царицы мудрости и войны, нежный лепет Цирцеи, дочери Солнца, и дивную речь Калипсо. Теперь до него доносились слова нежнее воркования голубки, слаще сна.

– Одиссей, ты не знаешь меня, но я твоя госпожа, и ты должен быть моим слугой! Где же твоя богиня Афина? Зачем преклоняешь ты колена перед дочерью Зевса?

Скиталец не ответил, только склонил голову в глубокой тоске. Между тем таинственный голос продолжал:

– Смотри, твой дом опустел, твой очаг холоден! Ночные птицы нашли приют под твоей кровлей.

У тебя нет ни ребенка, ни жены, ни родины, твоя богиня Афина забыла тебя. Много жертв приносил ты ей, а мне принес ли хоть пару голубей? Или она забыла тебя потому, что

серебристые нити появились в твоих темных волосах? Разве мудрая богиня так же изменчива, как нимфы? Разве она любит человека только в расцвете юности? Я не знаю и не понимаю этого! Знаю только, Одиссей, что ты должен склониться передо мной и служить мне. Я покоряю себе все живущее: богов, людей и животных. Не думал ли ты избежать Афродиты? Ты никогда не любил так, как я внушаю людям любить. Ты никогда не слушался меня, не знал радостей и горя любви! Ты только терпел ласки Цирцеи, дочери Солнца, и скучал в объятиях Калипсо. Что касается твоей умершей жены Пенелопы, ты любил ее законной любовью, но не пылкой страстью. Она была твоим другом, твоей хозяйкой, матерью твоего сына. С ней соединяются все воспоминания твоей родины. Но она умерла, ребенка нет, твоя родина – только груда костей и развалин. К чему послужили все твои странствования, труды и приключения? Что нашел ты? Ты жаждешь найти то, что ищет все человечество – «Мечту мира». Никто не может найти ее, не нашел и ты, Одиссей. Твои друзья умерли, страна опустела, все погибло, осталась одна надежда. Перед тобой лежит новая жизнь, без забот и воспоминаний прошлого. Хочешь ли ты быть моим слугой?

Голос становился все нежнее, слышался все ближе, дивное благоухание коснулось Скитальца. Дыхание богини коснулось его шеи, ее волосы смешались с его темными локонами.

– Теперь, Одиссей, – продолжал голос, – пожертвуешь ли

ты один час для меня? Не бойся, ты не увидишь меня. Подними голову и взгляни на «Мечту мира»!

Одиссей поднял голову и увидел дивное видение. Это была девушка, не похожая на смертную женщину, в полном расцвете красоты, юности, почти дитя, прекрасная, как богиня. Сама Афродита могла бы позавидовать ее чудной красоте!

Она была тонка и стройна, как молодая пальма, в ее глазах светилось спокойствие и невинность младенца. Девушка держала на голове блестящую бронзовую урну, словно она несла воду из колодца.

Скиталец узнал ее: он видел ее, когда путешествовал в страну ее отца, царя Тиндара, встретил ее, когда она шла с реки. Но тогда он был молод, и глаза его любовались красотой Елены, сердце жаждало ее, прекраснейшую из женщин, и он просил ее руки. Но Елена была отдана другому человеку, Менелаю.

Созерцая юную Елену, Скиталец чувствовал, что помолодел, что любит красавицу страстной и юной любовью.

Видение растаяло, исчезло... Из тумана появилась новая картина. Он увидел самого себя, переодетого нищим, сидевшего в огромном освещенном зале, а женщина мыла ему ноги и умащала его голову благовонным маслом. Лицо женщины было прекрасно, но печально.

И вспомнилось Одиссею, как прокрался он в город Трои, в дом Приама, чтобы проследить троянцев, как Елена, пре-

краснейшая из женщин, омыла его ноги и помазала голову маслом. Пока он смотрел, видение исчезло в тумане. Он склонил голову, упал на колени перед алтарем богини и воскликнул:

– Где под солнцем живет златокудрая Елена?

Голос богини, казалось, прошептал ему на ухо:

– Разве я не правду говорила, Одиссей? Разве ты не служил мне, разве не любовь спасла тебя в Трое в ту ночь, когда даже мудрость не могла помочь тебе?

– О да, богиня!

– Слушай же! – продолжал голос. – Я буду милостива и добра к тебе. У тебя нет ничего – ни дома, ни родины, но я вдохну в твое сердце забвение всех печалей и любовь к той, которая была твоей первой любовью в дни твоей юности! Елена еще живет на земле. Я пошлю тебя искать ее, и ты будешь долго воевать и странствовать. Ты найдешь ее в далекой стране, среди странного народа, и храбрейший, и мудрейший из мужей будет в объятиях прекраснейшей из женщин. Но помни, Одиссей: ты должен отдать свое сердце только Елене, а не другой женщине. Вот тебе знак, по которому ты узнаешь Елену в волшебной стране среди женщин, занимающихся колдовством. На груди Елены сияет драгоценный камень, большая звезда, мой дар ей в ночь ее свадьбы с Менелаем. С этой звезды каплют красные капли, похожие на кровь, текут на ее платье и исчезают, не запачкав его.

Ты узнаешь ее по этой звезде любви и поклянешься ей

в любви и верности. Если же ты, Одиссей, нарушишь свою клятву, то никогда в жизни не увидишь златокудрую Елену. Ты умрешь от воды тихой смертью! Но раньше ты будешь в объятиях прелестной Елены!

– Богиня, как может это быть, – возразил Скиталец, – если я один на этом острове? У меня нет ни корабля, ни спутников, чтобы переплыть море?

– Не бойся! – ответил голос. – Все в руках богов. Иди из моего храма и усни. Спи и отдыхай – твоя сила вновь вернется к тебе, и раньше заката солнца ты будешь уже плыть на поиски «Мечты мира». Теперь же выпей эту чашу на моем алтаре! Прощай!

Голос замер, словно далекая музыка. Скиталец очнулся, поднял голову, но свет исчез, и серые предрассветные сумерки смотрели в окна храма. На алтаре стояла золотая чаша, наполненная до краев красным вином. Скиталец взял чашу и выпил волшебный напиток. О чудо! Сердце его согрелось надеждой, забылись все прежние печали, горести и тоска по любимым существам, которых не было в живых.

Он встал и пошел легкой походкой молодого человека, держа в руке оба копья и неся на спине свой лук, затем, дойдя до большой скалы, лег и заснул глубоким сном.

Глава III. Одиссей убивает сидонцев

На востоке занималась заря. Новый день начинался над спокойной гладью моря. Лучи солнца озарили верхушки холмов, играя на золотом вооружении спящего Скитальца. В это время невдалеке показался черный корабль, быстро бежавший к берегу на веслах. Нетрудно было узнать в нем корабль сидонских купцов, удивительно жадного и корыстного народа. На носу корабля находились две фигуры богов, большеголовых карликов с огромными ртами и кривыми ногами.

Корабль возвращался из Альбиона, от ворот великого моря, и вез богатую кладь. На дне корабля рядом с рулевым стоял капитан, худой, зоркий моряк, который издали заметил золотое вооружение Скитальца. Он не мог ясно разглядеть, что блестело так ярко в лучах солнца, но всякое золото привлекало его, как железо притягивает к себе руки героев. Капитан приказал направить корабль к берегу. Подойдя ближе, моряки увидели спящего человека в блестящем золотом вооружении. Пошептались купцы, рассмеялись, вышли на берег, захватив с собой канат и веревку, на которой сделали петлю и узел, лассо, чтобы было удобнее захватить спящего, затем влезли на утес, чтобы набросить петлю и втащить человека в золотом вооружении на свой корабль, увезти его к

устью египетской реки и продать в рабство. Коварные и жадные сидонцы любили ловить мужчин и женщин и продавать их за золото или серебро. Они успели захватить много царских сыновей, которые умерли в неволе, тоскуя по родине.

Тихо двигаясь вперед, сидонцы ползли по траве и наконец очутились около спящего Скитальца. Но последний и во сне почуял их приближение, повернулся и сел, недоуменно оглядываясь кругом. Не успел он, однако, опомниться, как петля очутилась на его шее. Его повалили и потащили. Но он вскочил на ноги, издал свой воинственный клич и бросился на купцов, схватившись за меч. Те, что стояли ближе к нему, отпустили веревку и убежали, но остальные тащили веревку изо всей силы. Если бы руки Скитальца были свободны, он мог бы вытащить меч и покончить с ними, но его руки были стянуты петлей. Долго не могли они справиться с ним, хотя те из них, что убежали, успели вернуться и помогали тащить веревку. Наконец они осилили его и потащили за собой, шаг за шагом, пока он не запнулся и не упал. Тогда они кинулись на него, схватили и связали веревками, затянув их морским узлом. Но добыча обошлась им дорого, и двое не вернулись на свой корабль, так как Скиталец раздавил одного коленями, а другого убил страшным ударом ноги.

Наконец он ослабел, и разбойники потащили его на корабль, где и бросили на фордек.

Корабль поплыл вперед. Ветер был попутный. С легким сердцем отправились купцы в путь. Они умели вести дело с

дикими племенами, жившими на острове Альбион, закупили достаточно и олова, и золота, и стекла, а теперь в довершение всех своих приключений им удалось захватить человека, за вооружение которого можно получить царский выкуп. Прекрасное путешествие! Прекрасный попутный ветер!

Путь их был длинный, по хорошо знакомым водам. Они прошли Кефалению, многие другие острова и лесистую местность Закинфа, которая принадлежала Одиссею. Но он лежал молча, тяжело дыша, и поднял голову, только чтобы взглянуть на заходящее солнце, которое скрывалось за утесами родной Итаки.

Корабль шел вдоль берега, мимо многих забытых городов. Глубокой ночью добрались они до Пилоса, издалека заметив огни, горевшие в домах города.

Когда они достигли южного пункта, где встречаются два ветра, разразилась буря, и шторм погнал их на скалы. Долго боролся корабль с волнами и не мог войти в гавань, долго бросало его во все стороны. Люди хотели спасти корабль, выбросить за борт весь груз, но капитан защищал сокровище с мечом в руке: он решил или утонуть, или плыть вперед на корабле, добраться до Сидона, города цветов и пальм, выстроить там белый домик среди пальмовой рощи и навсегда отказаться от моря. Он дал клятву в этом и не позволил им бросить Скитальца за борт, как те хотели. «За него можно взять хорошие деньги!» – кричал капитан.

Наконец буря прекратилась, люди ободрились, соверши-

ли жертвоприношения, налив вина перед фигурами богов-карликов на носу корабля, и зажгли куренья на маленьком алтаре, потом, насмехаясь над пленником, повесили его меч и щит на мачту, а колчан и лук взяли себе как трофей победы. Купцы думали, что пленник не понимает их языка, но тот хорошо понимал, так как побывал во многих странах и знал многие языки. Потом матросы принесли пленнику пищи и вина. Он поел, и его сила вернулась к нему. Тогда он знаком пояснил им, чтобы они несколько ослабили связывавшую его веревку, так как у него затекли ноги. Они пожалели его и несколько ослабили узлы веревок. Одиссей лег на спину и отдыхал.

Так плыли они к югу и видели много странного, на пути своем встречали корабли с невольниками, молодыми мужчинами и женщинами из Ионии, которые были похищены работоторговцами. Сидонцы очень спешили и однажды ночью бросили якорь у маленького островка, близ устья Нила.

Скиталец начал обдумывать план бегства, хотя надежды на успех было мало. Он лежал в темноте и не мог спать. Часовой стоял поблизости, не сводя с него глаз. Тогда пленник притворился спящим. Много мыслей бродило в его голове, и ему казалось теперь, что видение богини было только сном. Ему придется жить в рабстве, быть невольником, работать на египетских рудниках до самой смерти. Вдруг он услышал слабый звук сверху из лука, висевшего на мачте над его головой. Песнь лука проникла ему в сердце.

О! Час близится,
Время летит,
И враги убегут
От острых стрел.
Пусть хищные птицы летят
К тем, кто спит и кого ожидает смерть!
Пронзительно и громко
Поют острые стрелы.
Песнь лука звучит, как струна.

Пение затихло, и к Скитальцу вернулись надежды: он знал теперь, что не будет рабом, что час освобождения близок. Узлы веревок не мешали ему. Давно, в дни его странствий, Калипсо, горячо любившая его, научила его завязывать узлы, которых не может развязать ни один человек, и развязывать все узлы, завязанные людьми. Он припомнил теперь ее уроки и, забыв о сне, потихоньку развязывал веревки и узлы. Он мог уйти теперь, если бы ему удалось убежать незамеченным, доплыть до острова и спрятаться в кустарнике. Но душа его жаждала отмщения не менее, чем свободы. Он решил завладеть кораблем со всеми сокровищами и поехать к египетскому царю.

С этой мыслью он лежал, оставив веревки на руках и ногах, как будто они были крепко завязаны.

Так пролежал он до утра, когда пришли матросы и снова начали смеяться над ним. Один из них взял блюдо с чечеви-

цей, поднес его Скитальцу и сказал на финикийском языке:

– Могущественный господин, ты – один из сонма богов, удостой принять нашу жертву! Разве вкусный запах не ласкает обоняние господина? Почему не хочет он дотронуться до жертвы?

Сердце Одиссея закипело гневом и негодованием, но он сдержался и улыбнулся.

– Почему не подходишь ты ближе, друг мой, – произнес он, – чтобы я мог ощутить запах жертвы?

Моряки удивились, услышав, что он говорит на их языке. Человек, державший блюдо, подошел ближе и, словно дразня собаку, то подносил к нему блюдо с чечевицей, то отнимал его прочь. Но едва он успел подойти ближе, как Скиталец вскочил на ноги, причем веревки упали к его ногам, и ударил матроса по голове кулаком. Удар был так силен, что проломил голову матросу. Последний ударился о мачту, причем крепкая мачта пошатнулась, упал и тут же умер. Тогда пленник схватил с мачты свой лук, меч, надел колчан на плечи и побежал на нос корабля. Корабль был узок, и, прежде чем матросы опомнились от изумления, Скиталец стоял уже позади алтаря богов-карликов, натянув стрелу и гневно смотря на врагов. Панический страх охватил сидонцев.

– Увы! Что мы сделали! – вскричал один из матросов. – Мы схватили и связали бога! Наверное, это бог Лука, которого зовут Аполлоном. Мы должны высадить его на остров

и просить пощады, чтобы он не послал нам бури и волн!

– Нет, нет, рабы! – кричал капитан. – Это вовсе не бог, а обыкновенный человек, а его вооружение стоит больших денег!

Он приказал матросам пробраться на дальний конец корабля и оттуда бросать копья в пленника, сам также вооружился длинным копьем. Это были длинные, острые пики, и ничто не могло противостоять им. Матросам вовсе не нравилось приказание капитана: достать копья значило приблизиться к луку со стрелами. Только пять человек пошли на бак, где стоял пленник. Он пустил стрелу, потом другую. Двое матросов упали, один был убит копьем, а двое остальных убежали назад.

– Собаки! – закричал Одиссей на языке сидонцев. – Это было ваше последнее путешествие. Никогда более не продадите вы в рабство ни одного человека!

Моряки столпились в кучу, советуясь, что делать с ним.

Стрелы градом летели в них, один матрос упал, остальные восемнадцать убежали вниз: на палубе им негде было спрятаться от стрел.

Солнце взошло и ослепительно засияло на золотом вооружении Одиссея. Он стоял один наверху, держа лук наготове. Кругом царила тишина, корабль качался на якоре. Вдруг несколько человек показалось на дальнем конце корабля со щитами в руках. Копья полетели в Скитальца. Он уклонился от одних, другие отскочили от его кольчуги и воткнулись

в туловища богов-карликов. Глаза его зорко следили за движением врагов. Вдруг он заметил тень между ним и палубой корабля, взглянул и увидел человека, взобравшегося на мачту сзади и готового поразить его. Скиталец схватил копье и бросил его в человека. Оружие воткнулось в руки матроса, и он беспомощно повис на мачте, взывая о помощи к товарищам. Теперь стрелы пленника полетели в людей, стоявших на палубе; одни побежали, крича, что он бог, а не человек, другие бросились в море и поплыли к острову.

Скиталец не стал более ждать, выхватил меч и бросился за ними с криком, похожим на крик морского орла. Меч его летал вправо и влево, поражая всех на своем пути. Многие упали, другие бросились за борт, только капитан корабля, понимая, что все потеряно, повернулся и бросил копье в лицо Скитальца. Копье воткнулось в золотой шлем и слегка задело голову. Скиталец прыгнул на капитана и ударил его рукояткой меча с такой силой, что тот упал без чувств, затем связал ему руки и ноги и привязал к железному крюку. После этого он подошел к человеку, беспомощно висевшему на мачте.

– Что подельываешь, друг? – кричал насмешливо Скиталец. – Ты желаешь остаться со мной, а не хочешь уйти с товарищами? Оставайся же там и смотри на устье реки и на рынок, где ты хотел продать меня за хорошие деньги!

Но несчастный матрос уже умер от страха и страданий. Скиталец, расстегнув свое золотое вооружение, снял его, до-

стал свежей воды, чтобы помыться, золотой гребенкой причесал свои длинные темные локоны и собрал все стрелы, воткнувшиеся в трупы, обратно в колчан. Когда все это было сделано, он снова надел свое вооружение, но, несмотря на свою силу, не мог вытащить осколка копья из своего золотого шлема. Подкрепившись пищей и выпив вина, он сделал возлияние на алтарь богов и оттащил прочь огромный камень, к которому был привязан корабль, затем взялся за руль и при свежем северном ветре направил корабль к южному рукаву Нила.

Глава IV. Кровавое море

Теперь и Скиталец почувствовал себя усталым. Солнце стояло высоко на небе. Корабль быстро несся вперед. Но вдруг небо потемнело и воздух наполнился шумом и шелестом бесчисленных крыльев. Казалось, что все птицы, жившие в этой стране, слетелись сюда и неслись над морем, крича и шумя на разные лады.

В темной массе птиц ясно выделялись белоснежные лебеди. При виде их Скиталец схватил свой лук и пустил стрелу в лебедей. Один из них камнем упал в воду позади корабля.

Скиталец ожидал этого, но – о ужас! – вода вокруг раненого лебедя покраснела, как кровь. Серебристые крылья и белоснежные перья лебедя покрылись красными пятнами. Скиталец с удивлением смотрел на это зрелище, заметив, что красная пена плыла с юга, от устьев Нила, что позади корабля вода приняла кроваво-красный цвет. Скиталец подумал, что на берегах Нила была какая-то битва, что бог войны разгневался и окрасил кровью священную реку и море. Но где была война, туда рвалось его сердце, и он направился прямо к устью реки.

Было два часа пополудни, солнце ослепительно сияло на небе, как вдруг произошло что-то неожиданное. Солнце сделалось кроваво-красным и окуталось туманом, черным, как ночь. На юге стояло черное облако, похожее на гору, окайм-

ленное огненным сиянием. Никогда во всю свою жизнь, за время всех своих странствований Одиссей не видел такого мрака. Он не мог видеть ни корпуса, ни мачты своего корабля, ни мертвого человека на палубе, ни капитана, громко стонавшего внизу и призывавшего богов. Только впереди корабля, на горизонте, виднелся просвет голубого неба да маленький остров, где он убил сидонских купцов, белел вдали, словно сделанный из слоновой кости.

На севере, откуда он ехал, синело ясное небо, высокие вершины гор, белели храмы богов. А на юге, куда он направлялся, стояла мрачная туча и царила темнота. Он знал, что там будет война людей и богов, что он найдет там последние объятия любви.

Забывая о предстоявших опасностях, Скиталец рвался вперед: он не знал страха, будучи из тех людей, которые не сворачивают с намеченного пути. Он пошел к алтарю богов, где еще дымилось куренье, своим мечом расколол несколько стрел и рукояток в мелкие щепки, положил их в жаровню и поджег. Огонь ярко вспыхнул и озарил лица мертвых людей, лежавших на палубе.

Это было самое странное путешествие в его жизни, в обществе мертвецов, среди непроглядной темноты. Ветер дул порывами. Наступила какая-то безрассветная ночь. Но на сердце его было легко, ему казалось, что он стал снова мальчиком. Забылись все прочие печали, когда он выпил напиток богини и упился наслаждением битвы.

Он схватил лиру мертвого сидонца и запел торжествующую песнь.

Хотя свет солнца погас во мраке,
Хотя народ мой исчез с лица земли,
Хотя я плыву по священному морю
Навстречу золотым лучам солнца,
Хотя я одинок и никому не известен,
Сердце мое, терпи, не страшись!..

Пока он пел, в темноте появился красноватый свет, и корабль помчался к этому свету. Скоро Скиталец увидел два столба пламени с узким промежутком между ними. Корабль прошел между ними. Огненные столбы вблизи оказались огромными горами, а за ними виднелась гавань. Когда корабль приблизился к гавани, Одиссей увидел огни на лодках, и моряк с одной из лодок заговорил с ним на египетском языке, спрашивая, нужно ли лоцмана, чтоб провести корабль в гавань.

– Да, да! – воскликнул Одиссей.

Лодка пошла к кораблю. Лоцман вошел на корабль, держа факел в руке. Когда его глаза упали на мертвого человека, на капитана, привязанного к железному крюку, на золотое оружие героя, на его лицо, он в ужасе отступил назад, думая, что сам бог Осирис на корабле Смерти явился в Египет. Но Скиталец просил его не бояться, говоря, что он приехал с богатым грузом и с драгоценными дарами фараону. Лоц-

ман скрепя сердце принялся за дело, и между двумя столбами огня корабль проскользнул в тихую гавань великой египетской реки. Затем по совету лоцмана корабль был направлен к храму Оракула в Танисе – верное убежище чужеземцев, где ничто не могло потревожить их. Но сначала нужно было выбросить мертвых сидонцев за борт, так как египтяне ненавидели трупы. Один за другим мертвецы полетели в воду. Отвратительное зрелище!

В воде кишели огромные, чудовищные рыбы, набросившиеся на мертвые тела. Страшно было видеть, как они бросились на добычу, хватали ее и разрывали на куски в непроглядном мраке, при отблеске далекого огня. Казалось, это была страшная река смерти, обжитая чудовищами и всеми ужасами смерти. В первый раз в жизни сердце Скитальца замерло от страха. Тогда он вспомнил, что даже птицы в испуге летели прочь отсюда...

Когда мертвецы были выброшены, Одиссей, совсем измученный, заговорил с лоцманом, спрашивая его, отчего вода в море сделалась красной, была ли война в стране и везде ли царит такая темнота, как здесь. Тот ответил, что войны нет, все мирно и тихо, но страна переполнена лягушками, змеями и ящерицами, что целых три дня вода священной реки Сихор окрашена в кроваво-красный цвет, и мрак распространился над всей страной. Однако причины всех этих ужасов лоцман не знал.

Народ толковал, что боги разгневались на Кеми (Египет),

но за что, он не мог сказать этого. Очевидно было, что божественная Хатхор, богиня любви, разгневалась на поклонение, воздаваемое в Танисе другой богине или женщине поразительной красоты. Лоцман добавил, что она появилась в стране несколько лет тому назад неизвестно откуда, была почитаема, как богиня, и исчезла так же таинственно, как появилась. Теперь она видима всем людям и обитает в своем храме. Люди поклоняются ее дивной красоте и чтут ее как богиню. Была ли она богиней или смертной женщиной, лоцман не знал, но богиня любви разгневалась на нее и послала на землю мрак и гадов.

Народ, живший по берегам моря, роптал и говорил, что надо просить чужеземную Хатхор уйти из страны, если она действительно богиня, или побить камнями, если она простая женщина. Но обитатели Таниса клялись, что лучше умрут все до одного, чем позволят оскорбить несравненную красоту своей богини. Некоторые уверяли, что колдуны, пришедшие сюда из пустыни и поселившиеся в Танисе, которых называли Апура, причинили все эти бедствия своим колдовством. «Кстати, – добавил лоцман, – эти варвары гораздо умнее и могущественнее всех египетских жрецов».

Рассказ лоцмана был короток. В это время темнота немного рассеялась, и туча поднялась, так что зеленые берега реки открылись взору Одиссея. Мрак исчез, и яркий полдень засиял над страной Кеми. Шум и звуки жизни донеслись из города: мычание скота, шум ветра, шелестевшего в листве

пальм, всплески рыбы в ручье, голоса людей, перекликавшихся на берегах, и гул толпы в храме великого бога Ра, повелителя Солнца.

Скиталец помолился своим богам и возблагодарил Аполлона, Гелиоса и Афродиту. В конце концов лоцман привел корабль к набережной. Наняли гребцов, и лодка весело понеслась при солнечном свете по каналу к Танису, убежищу чужеземцев.

Когда корабль остановился, Скиталец вышел на берег, ласково приветствуемый бритыми жрецами храма.

Глава V. Царица Мериамун

Новые вести летят быстро. Скоро фараон, находившийся со своим двором в Танисе, заново отстроенном городе, узнал, что в Кеми приехал человек, похожий на бога, в золотом вооружении, один на корабле смерти. За эти годы белые варвары с моря и островов нередко приходили в Египет, опустошали поля, захватывали женщин и исчезали на своих кораблях. Фараон удивился всей этой истории и, узнав, что чужестранец нашел приют в храме Оракула, сейчас же послал за своим главным советником.

То был древний жрец по имени Реи, носивший высший титул в стране. Он служил еще в царствование фараона-отца, божественного Рамсеса II, и был любим и уважаем и Менептой, и царицей Мериамун. Фараон поручил ему посетить убежище чужеземцев и привести приезжего к нему. Реи приказал запрячь мула и отправился к храму Оракула.

Когда он прибыл туда, жрец встретил его и повел в комнату, где Одиссей ел хлеб, запивая его вином. Он встал при входе Реи, одетый в свое золотое вооружение. Позади него на бронзовом треножнике лежал шлем с воткнутым в него осколком копья. Глаза Реи остановились на шлеме, и он был так удивлен, что едва расслышал приветствие Скитальца. Наконец он любезно ответил ему, но глаза его продолжали блуждать по шлему.

– Это твой шлем, сын мой? – спросил он, взяв шлем в руку.

Голос его дрожал.

– Да, мой собственный, – ответил Скиталец, – хотя копье воткнулось в него недавно в ответ на удар моего меча.

Он засмеялся.

Старый жрец приказал выйти всем служителям храма, и, уходя, они слышали, как он бормотал молитву.

– Мертвый сказал правду, – пробормотал он, переводя взор от шлема на лицо Скитальца, – мертвые говорят редко, но никогда не лгут!

Сын мой, ты ел и пил, – сказал великий жрец Реи, – теперь я могу, как старый человек, спросить тебя: откуда ты родом, где твоя родина и кто твои родители?

– Я родом из Алибаса, – отвечал Скиталец, предпочитая рассказать о себе вымышленную историю, – я из Алибаса, сын Полипемона, мое имя Эперит.

– Откуда явился ты один на корабле смерти с массой сокровищ?

– Сидонские купцы владели этими сокровищами и умерли за них, – отвечал Скиталец, – они ехали издалека и погибли. Они не довольствовались тем, что имели, а захватили меня в плен, когда я спал. Но боги даровали мне победу над ними, я взял в плен капитана, захватил весь богатый груз, много мечей, кубков и привез в дар фараону. Пойдем со мной и выбери себе что пожелаешь!

С этими словами Одиссей повел старика в сокровищницу храма, где хранилось много даров от чужеземцев: золото, дорогие ткани, слоновая кость, чаши и ванны из серебра. Среди всего этого богатства сокровища Одиссея выделялись своей роскошью, и глаза старого жреца заблестели от жадности.

– Возьми, что тебе нравится, прошу тебя! – говорил Одиссей.

Сначала жрец отказывался, но Скиталец заметил, что он не спускал глаз с чаши из прозрачной яшмы, привезенной с берегов Северного моря, украшенной курьезными фигурами людей, богов и огромных рыб, совершенно неизвестных здесь, и подал чашу жрецу.

– Ты должен взять ее, – сказал он, – на память от друга и твоего гостя.

Реи взял чашу, поблагодарил и поднес к свету, чтобы полюбоваться ее злотистым цветом.

– Мы похожи на детей, – сказал он, улыбаясь. – Я старый ребенок, которого ты порадовал новой игрушкой. Фараон просит тебя прийти к нему. Но если ты хочешь сделать мне удовольствие, сын мой, прошу тебя, выдерни осколок копья из твоего шлема, прежде чем увидишь царицу.

– Прости меня, – возразил Скиталец, – но я не хотел бы трогать моего шлема, да мне и нечем вытащить копье. Потом это острие, отец мой, будет свидетельствовать о правдивости моего рассказа, и я должен оставить его на шлеме.

Жрец вздохнул, склонил голову, сложил руки и начал молиться:

– О Амен, в твоих руках начало и конец всякого дела! Облегчи тяготу скорби и печали! Пусть исполнится все виденное ей! Молю тебя, Амен, пусть десница твоя не ляжет всей тяжестью на твою дочь Мериамун, царицу Кеми!

Затем старый жрец приказал приготовить для Одиссея колесницу, на которой они отправились во дворец фараона. За ними последовали жрецы, которые несли дары, приготовленные для фараона, а к колеснице привязали несчастного капитана сидонцев. Мимо большой толпы прошли они в зал аудиенций, где на золотом троне восседал фараон. Около него справа находилась прекрасная царица Мериамун, которая смотрела рассеянным, усталым взором. Подойдя к трону, жрецы поклонились до земли, подведя капитана; царь ласково улыбнулся, приняв в дар невольника.

Затем принесли дары: золотые чаши, дорогие мечи и ожерелья для царицы Мериамун, несколько воротников, богато расшитых шелками и золотом, – работы сидонских женщин.

Царица Мериамун приняла все это и устало улыбнулась. Капитан сидонцев громко застонал, когда увидел свое богатство в руках другого, все свои драгоценности, ради которых он рисковал жизнью. В конце концов фараон пожелал увидеть чужеземца. Скиталец подошел к трону без шлема, во всем блеске своей мужественной и богоподобной фигуры.

Он был невысок, но очень силен и хорошо сложен, и хотя

не обладал уже красотой юности, но лицо его дышало мужеством, отвагой закаленного в боях воина, глаза горели огнем сильной и страстной души. Редкая женщина могла устоять против этих глаз.

Когда он вошел, ропот удивления пробежал по залу, все глаза устремились на него, кроме глубоких, темных очей безучастной ко всему Мериамун. Но когда она подняла глаза и взглянула на него, то побелела, как мертвец, и схватилась за сердце. Даже фараон заметил перемену в ее лице и спросил ее.

– Ничего, это от жары и запаха благовоний! – отвечала она. – Приветствуй же чужеземца!

Между тем она держалась рукой за золотую бахрому трона, чтоб не упасть.

– Добро пожаловать, странник! – вскричал фараон. – Добро пожаловать. Как зовут тебя, где живет твой народ, где твоя родина?

Склонившись перед фараоном, Одиссей повторил свой вымышленный рассказ, добавив, что его зовут Эперит из Алибаса, рассказал также, как был захвачен сидонцами, как дрался с ними и плыл по морю, а в заключение показал свой шлем с воткнутым в него осколком копья.

Когда Мериамун увидела шлем, то вскочила на ноги, словно собираясь уйти, и упала назад, побледнев еще более.

– Царица... помогите царице... ей дурно! – закричал Реи, не спускавший с нее глаз.

Одна из прислужниц царицы, очень красивая женщина, подбежала к ней, встала на колени и начала согревать ей руки, пока Мериамун не очнулась.

– Оставь! – произнесла она сердито. – Пусть раб, который держит куренья, будет хорошенько наказан! Я останусь здесь, я не пойду к себе! Оставь!

Испуганная прислужница тотчас же отошла. Фараон приказал слугам увести капитана сидонцев и убить его на рыночной площади. Но Курри, так звали того, бросился к ногам Одиссея, моля о пощаде. Скиталец был добр теперь, когда пыл битвы миновал и кровь его текла спокойно в жилах.

– Милости, фараон Менепта! – вскричал он. – Прошу тебя, окажи милость, пощади этого человека! Он спас мою жизнь, когда матросы хотели бросить меня за борт, позволь же мне уплатить ему свой долг!

– Я пощажу его ради тебя! – отвечал фараон.

Курри отдали царице Мериамун, чтоб служить ей и делать для нее вещи из золота и серебра.

Скитальцу отвели комнату в царском дворце. Фараон был очень доволен, что чужеземец так красив и силен.

Одиссей вышел из зала аудиенций вместе с Реи; царица Мериамун снова подняла глаза и взглянула на него. Бледное лицо ее ярко вспыхнуло. Одиссей заметил страх и краску Мериамун, заметил ее красоту, но подумал, что она больна, однако, оставшись наедине со старым жрецом, спросил его об этом, попросив объяснить ему страх и смущение царицы.

– Мне показалось, – добавил он, – что царица узнала меня, как будто видела мое лицо, и испугалась меня, но я никогда в жизни не видел ее. Она очень красива, но кажется больной!

Сначала, пока Одиссей говорил это, Реи улыбался, но потом смутился и молчал. Видя его смущение и вспомнив, что он настоятельно просил его вытащить острие копья из шлема, Скиталец закидал его вопросами. Тогда частью от усталости, частью из уважения к нему, а может быть, потому, что тайна тяготила его сердце, старик увел Скитальца в свою комнату во дворце и рассказал ему историю царицы Мериамун.

Глава VI. История царицы Мериамун

Реи, жрец бога Амена, начал свой рассказ нехотя и медленно, но скоро увлекся и стал рассказывать с увлечением, присущим старым людям.

– Царица прекрасна, – сказал он, – видел ли ты кого-нибудь красивее в своих странствиях?

– Она очень хороша, – ответил Скиталец, – я желал бы, чтоб она была здорова и счастлива на троне!

– Вот об этом-то я и хочу говорить с тобой, хотя рассказ мой может стоить мне жизни! – сказал Реи. – Но легче будет на сердце, когда я скажу тебе, и может быть, ты можешь помочь и мне и ей, когда узнаешь все! Фараон Менепта, ее супруг, – сын божественного Рамсеса, вечно живущего фараона, сына Солнца, почивающего в Осирисе.

– Он умер? – спросил Одиссей.

– Он живет вечно на лоне Осириса, – ответил жрец, – и царица Мериамун – его побочная дочь.

– Брат обвенчан с сестрой! – воскликнул с удивлением Одиссей.

– Таков обычай царственного дома со времен детей Хора. Старинный обычай! Священный обычай! – продолжал Реи. – Но женщины, которые узаконивают обычаи, часто наруша-

ют их. Из всех женщин Мериамун выделяется своим послушанием, остается верной старым обычаям. Брат ее, фараон Менепта, имел много сестер, но Мериамун прекраснее всех. Она так хороша, что народ назвал ее «Дитя Луны», очень умна и не знает страха. Случилось так, что она изучила, что редко бывает среди наших женщин, всю тайную мудрость нашей древней страны. За исключением царицы Тайя, никто не знает больше Мериамун, я научил ее многому...

Он помолчал немного.

– Я занимался с ней с самого детства, – продолжал он, – был ее другом и учителем, и после отца и матери она любила меня больше всех. Любит она немногих. Меньше всех привязана она была к своему царственному брату Менепте. Она бойка и жива, а он тих, и речь его медлительна. Она не знает страха, а он боится войны. С самого детства она смеялась над ним, над его речью, превосходила его всем, даже в бегах и играх, хотя это было нетрудно, так как наш божественный фараон не отличается остроумием и догадливостью. Еще ребенком она сожалела и завидовала, что он будет носить двойную корону Египта, будет могущественным властителем страны, тогда как она вынуждена жить в бездействии и бедности.

– Но странно, почему из всех своих сестер он избрал именно ее? – сказал Одиссей.

– Да, странно, и произошло это удивительным образом! Божественный Рамсес пожелал женить сына. Менепта всяче-

ски противился этому, но воля отца – это воля богов. Божественный Менепта был очень искусен в одной древней египетской игре. Это игра в деревянные пешки, очень любимая в Кеми. Конечно, игра в пешки вовсе не женское дело, но Мериамун не хотела уступить своему брату и поручила мне вырезать ей из твердых корней кипариса пешки.

Я вырезал их своими собственными руками, и каждый вечер она играла со мной, а я был лучшим игроком в то время.

Однажды на закате солнца ее брат Менепта вернулся с охоты на львов в очень дурном расположении духа, так как охота была неудачна. Он велел подать вина, выпил его у ворот дворца и стал еще мрачнее.

Направляясь в свои комнаты во дворец, Менепта шел, размахивая своим хлыстом, как вдруг обернулся и заметил Мериамун. Она сидела под большими пальмовыми деревьями и играла со мной в пешки, одетая в белую с пурпуром одежду, с золотой змейкой в темных, как ночь, волосах, прекрасная, как Хатхор, богиня любви, или сама Исида.

Я – старый человек и скажу, что не было женщины прекраснее Мериамун, и нет такой на свете, хотя наш народ толкует об удивительной красоте «Чужеземной Хатхор».

Одиссей вспомнил о рассказе лоцмана, но промолчал.

– Божественный князь Менепта увидел Мериамун, – продолжал Реи, – и подошел к нам. Ему надо было на чем-нибудь излить свой гнев. Я встал и низко поклонился ему, Мериамун небрежно откинулась на спинку кресла, грациозным

движением своей нежной руки смешала деревяшки и приказала своей прислужнице, госпоже Натаске, собрать их и унести. Но глаза Натаски украдкой следили за князем.

– Приветствую тебя, царственная сестра! – сказал Менепта. – Что ты делаешь с этим? – он указал кончиком хлыста на деревянные. – Это не женская игра, и эти деревянные вовсе не сердца мужей, которыми можно играть по своему желанию. Эта игра не требует большого остроумия. Займись своим вышиванием, и это будет лучше.

– Привет тебе, царственный брат, – ответила Мериамун, – мне смешно слышать, что эта игра не требует остроумия. Твоя охота не удалась, займись же игрой, которую боги помогли тебе преодолеть!

– Это пустяки, – отвечал Менепта, бросаясь в кресло, с которого я встал, – но я хорошо играю и сумею дать тебе «храм», «жреца», пятерых «лодочников» и обыграю тебя. («Храм», «жрец» – так называются в игре деревянные, Скиталец, – добавил Реи.)

– Я принимаю вызов! – вскричала Мериамун. – Но мы будем играть три раза! Моей ставкой будет священная змейка на моем челе против твоего царственного уреуса. Кто выигрывает, пусть носит то и другое!

– Нет, госпожа, – осмелился я сказать, – это слишком высокая ставка!

– Высока ставка или низка, а я согласен, – ответил Менепта. – Моя сестра слишком долго смеялась надо мной. Она

увидит теперь, что вся ее женская хитрость не поможет ей превзойти меня в игре, что сын моего царственного отца, будущий фараон, – выше всякой женщины. Я принимаю твой вызов, Мериамун!

– Хорошо князь, – вскричала она, – после солнечного заката ты найдешь меня в моей первой комнате. Возьми с собой писца, чтоб отмечать игру. Реи будет судьей. Но не пей вина сегодня вечером! Иначе я выиграю твою ставку!

Менепта ушел, а Мериамун громко засмеялась. Но я предвидел беду. Ставки были слишком высоки, игра слишком неожиданна. Мериамун не хотела слушать меня, она всегда своенравна.

Солнце зашло, и два часа спустя Менепта пришел в сопровождении писца, найдя Мериамун уже готовой к игре. Перед ней на столе лежала квадратная доска. Он молча сел и спросил, кто начнет игру.

– Погоди, – возразила Мериамун, – надо приготовить ставки!

Сняв с головы царственную змейку, она распустила свои дивные волосы и передала мне свою ставку.

– Если я проиграю, – заметила она, – то никогда не буду носить царственный уреус!

– Пока я жив, ты не будешь его носить! – отвечал Менепта, снимая свой уреус и подавая мне.

Между обоими уреусами была значительная разница. На короне Мериамун была одна змея, а Менепты – двойная.

– Да, Менепта, – произнесла Мериамун, – быть может, Осирис, бог смерти, ожидает тебя, он ведь любит великих людей. Начинай игру!

При этих зловещих словах Менепта нахмурился, но с готовностью начал игру. Мериамун играла спокойно и небрежно. Менепта выиграл первую игру и с криком: «„Фараон“ умер!» – сбросил пешки с доски.

– Каково я играю! – сказал он насмешливо. – Совсем поженски: вы умеете нападать, но не защищаться.

– Не хвались, Менепта! – перебила Мериамун. – У нас две игры впереди. Я начинаю!

Вторую игру выиграла Мериамун и, крикнув: «„Фараон“ умер!» – сбросила пешки с доски. Менепта нахмурился, пока я устанавливал доску и пешки, а писец отмечал игру.

Очередь была за Менептой начинать третью игру.

– Клянусь священными богами, – вскричал он, – я принесу им богатые дары в знак победы над тобой!

– Клянусь священной богиней мести, – ответила Мериамун, – которой я молюсь ежедневно, я выиграю!

– Тебе бы надо клясться головой кошки, – произнес он насмешливо.

– Да, это верно, в особенности если кошка одолжит мне свои когти. Играй же, князь Менепта!

В конце игры после долгой борьбы, когда Мериамун потеряла большую часть своих пешек, лицо ее вдруг озарилось радостью. Казалось, она что-то придумала.

Пока Менепта велел принести вина и пил его, она полулежала в своем резном кресле, не сводя глаз с доски, потом сделала такой удачный ход, так тонко выполнила намеченный ею план игры, что Менепта стал в ступик и проиграл. Напрасно призывал он богов и клялся соорудить небывалый по роскоши храм.

– Боги не слышат тебя! – смеялась Мериамун.

Тогда он начал проклинать все и всех и пил вино.

– Глупцы ищут мудрости в вине, но только мудрецы находят ее! – продолжала она. – Смотри, царственный брат, «„Фараон“ умер», я выиграла и победила в твоей любимой игре. Реи, слуга мой, дай мне этот уреус, не мой, нет, а двойной, тот который проиграл мне. Я надену его, он мой теперь, Менепта! Я победила тебя!

Мериамун встала, выпрямилась во весь рост и стояла так, освещенная светом ламп, с царственным уреусом на челе, смеясь над Менептой и протягивая ему свою маленькую руку для поцелуя. Она была так прекрасна, что Менепта перестал клясть богов и судьбу свою и удивленно смотрел на нее.

– Клянусь Пта, ты очень хороша! – вскричал он. – Я прощаю отцу его мысль сделать тебя моей супругой и царицей!

– А я никогда не прощу ему этого! – возразила Мериамун. Но Менепта выпил слишком много вина.

– Ты будешь моей царицей, – произнес он, – и поэтому я поцелую тебя! По праву сильнейшего я это сделаю! – и прежде чем Мериамун успела отскочить, обнял ее и поцело-

вал прямо в губы.

Мериамун побледнела, как мертвец. Сбоку у нее висел кинжал. Она быстро схватила его и ударила им Менепту. Если бы тот не успел отступить, то, наверное, был бы убит. Вместе с этим она крикнула: «Вот тебе, князь, твой поцелуй!»

Ей удалось только проколоть его руку, и я схватил ее и удержал от вторичного удара.

– Змея! – произнес Менепта, побледнев от страха и ярости. – Я еще поцелую тебя, все равно, хочешь ли ты этого или нет! А за рану ты мне дорого заплатишь!

Она тихо засмеялась: ее гнев прошел. Я побежал за врачом, чтоб перевязать руку Менепты.

– Царственная госпожа, что ты наделала? – сказал я Мериамун, когда вернулся к ней. – Ты знаешь, что твой божественный отец предназначил обвенчать тебя с Менептой, которого ты ранила!

– Я не хочу этого, Реи! – ответила она. – Не хочу этого тупицу, который называется сыном фараона. Кроме того, он мой сводный брат, и я не могу быть женой брата. Сама природа возмущается против этого обычая!

– Это нельзя изменить, госпожа! Таков обычай страны и царственного дома, такова воля твоего отца. Боги, твои предки, были обвенчаны согласно этому обычаю: Исида стала супругой Осириса. Великий Аменемхат установил его и за ним все праотцы и весь их род. Подумай только, я говорю это тебе потому, что люблю тебя, как родную дочь, ты не можешь

избежать этого, ведь ложе фараона – это ступень к царскому трону. Ты любишь власть, а это ворота могущества. Быть может, хозяин ворот умрет и ты будешь одна сидеть на троне!

– Ах, Реи, ты говоришь, как советник царей! Как я ненавижу его! Ведь я могу руководить им, я знаю это! А наша игра сегодня ночью... Все будущее было на этой доске. Смотри: его диадема на моем челе! Быть может, так должно быть, я отдамся ему, хотя ненавижу его. Я начну новую игру, и ставкой будет жизнь, любовь и все, что мне дорого, и выиграю... Уреус будет принадлежать мне, так же как двойная корона древнего Кеми, и я буду править страной, как Хатшепсут, великая царица. Я сильна, а сильному боги даруют победу!

– Да, – ответил я, – смотри, госпожа, чтоб боги не обратили силу твою в слабость. У тебя слишком страстная душа, а страсть в женском сердце – это дверь, в которую входит безумие. Сегодня ты ненавидишь, берегись, чтоб эта ненависть не обратилась в любовь!

– Любовь! – произнесла она насмешливо. – Мериамун не полюбит, пока не найдет человека, достойного своей любви! И тогда... Тогда любовь ее разрушит все, и горе тому, кто станет на ее пути! Прощай, Реи!

Вдруг она заговорила со мной на другом языке, которого никто не знал, кроме меня и ее, – на мертвом языке мертвого народа Страны Скал, откуда вышли наши отцы.

– Я иду, – произнесла она, и я задрожал при ее словах, потому что ни один человек не говорит на этом языке, когда

у него добрые мысли на уме, – я иду просить совета у того... ты знаешь... – она дотронулась до царственного уреуса.

Я бросился к ее ногам и обнял ее колени, крича:

– Дочь моя, дочь моя! Не совершай этого страшного греха! Молю тебя, за все блага мира не буди того, кто почивает в Осирисе, не призывай к жизни то, что мертво и холодно!

Она кивнула головой и ушла...

Старый жрец побледнел, говоря это.

– Что же она задумала? – спросил Скиталец.

Реи закрыл лицо руками и некоторое время молчал.

– Да, не буди и ты того, кто почивает в Осирисе, Скиталец! – произнес он наконец. – Язык мой запечатан. Я сказал тебе больше, чем надо было. Не спрашивай! Вот они идут! Пусть бог Ра и Амен пошлют им свое проклятие! Пусть Аменти поглотит их. Пусть зловещая рыба Собек вонзит в них свои зубы и пожрет их!

– За что ты проклинаешь их, Реи, и кто они такие? – спросил Одиссей. – Я слышу пение и шаги людей!

В самом деле, до них доносился топот ног и слова песни.

– Это проклятые богохульники, колдуны и рабы Апура, – сказал Реи, когда музыка и пение замерли вдали. – Их колдовство сильнее нашей мудрости: их предводитель был одним из наших жрецов и изучил тайны нашей мудрости. Они ходят и поют только перед бедой. Еще до рассвета мы узнаем что-нибудь новое. Да истребят их боги! Хорошо было бы, если б царица Мериамун позволила им уйти отсюда наве-

гда в пустыню, как они желают, но она хочет закалить сердце
царя!

Глава VII. Видение царицы

Наступило молчание. Реи молчал, пока шум и пение не стихли вдали.

– Я должен сказать тебе, Эперит, – произнес он, – чем кончилась история Менепты и Мериамун. Она смирила свою гордость перед отцом и братом, согласившись исполнить желание отца, но заявила свои условия. Ее должны считать во всем равной фараону – такова цена ее руки; и во всех храмах, во всех городах Кеми Мериамун провозгласили вместе с Менептой наследницей короны Верхнего и Нижнего Египта. Торг был заключен, и цена назначена. После этого Мериамун очень изменилась. Она перестала смеяться над Менептой, стала кроткой и покорной его воле. Время шло, и в начале месяца разлития вод назначен был день свадьбы. Побочная дочь фараона с величайшей пышностью была обвенчана с его сыном. Но рука Мериамун, когда она стояла у алтаря, была холодна, как рука мертвеца. Гордо и холодно смотрела она, когда ехала в золотой колеснице через большие ворота Таписа. Только когда она услышала, что громкие крики народа «Мериамун! Мериамун!» совсем заглушили крики «Менепта!» – она тихо улыбнулась. Холодная, гордая, сидела она в своем белом одеянии на пиру фараона и ни разу не взглянула на супруга, который ласково смотрел на нее.

– Наконец долгий пир закончился, началась музыка, пе-

ние, но Мериамун, извинившись, встала и ушла, сопровождаемая своими прислужницами. У меня было тяжело на сердце, я печально прошел в свою комнату и занялся делом, я ведь строю храмы и дворцы в стране! Едва я успел сесть, как в дверь постучали, и вошла женщина, закутанная в тяжелый плащ. Она сбросила плащ: передо мной стояла Мериамун в своем подвенечном платье.

– Не пугайся, Реи, – произнесла она, – я освободилась на один час и пришла посмотреть, как ты работаешь. Не противоречь мне, я люблю смотреть на твое морщинистое лицо, на котором лежит отпечаток мудрости и познаний. Еще ребенком я наблюдала, как ты чертил планы великолепных храмов, которые переживут и нас, и, может быть, наших богов. Ах, Реи, ты мудрый человек, ты избрал себе благую участь и строишь здания из крепкого камня и украшаешь их стены по произволу твоей фантазии. Но я, я строю здание в тайниках человеческого сердца, и моя воля написана во мраке сердца. Когда я умру, воздвигни мне памятник необычной красоты, какого не было никогда, и сделай надпись: «Здесь, в этом храме гордости, обитает измученный строитель его – царица Мериамун».

– Не говори так, – сказал я, – разве сегодня не твоя свадебная ночь? Зачем ты пришла сюда теперь?

– Зачем? Вероятно, я снова превратилась в ребенка! Слушай, Реи, во всем обширном пространстве страны Кеми нет женщины, более потерянной, опозоренной и несчастной,

чем царственная Мериамун, которую ты так любишь! Я пала ниже той, которая подметает улицы своим платьем, потому что чем возвышеннее душа человека, тем глубже его падение. Я продалась постыдно, и цена моего падения – это власть. О, будь проклята судьба женщины, которая может достигнуть высоты только своей красотой! Будь проклят тот, кто посоветовал мне это, проклятие и мне самой, совершившей тяжкий грех! Оттолкни меня, Реи, ударь, плюнь мне в лицо, мне, царственной Мериамун, продавшей себя за царскую корону. О, я ненавижу его, ненавижу и заплачу ему стыдом за стыд, ему – этому клоуну в царском одеянии! Смотри сюда! – Она вытащила из складок платья белый цветок, известный только мне и ей. – Два раза сегодня покушалась я покончить о собой с помощью этого смертоносного цветка, сбросить с себя весь стыд и позор. И только одна мысль удержала меня: я, Мериамун, должна пережить его, разбить всюду его статуи, вычеркнуть его имя из писем каждого храма в стране Кеми... Я... – Она залилась вдруг горькими слезами, она, которая не умела плакать.

– Оставь! – продолжала она. – Это злобные слезы. Мериамун – властительница своей судьбы, а не судьба властвует над ней. А теперь господин мой ожидает меня, и я должна уйти. Поцелуй меня, старый друг, пока я еще та Мериамун, которую ты знаешь и любишь, и больше не целуй меня никогда! В конце концов, все это хорошо для тебя, ведь если Мериамун будет царица Кеми, то ты будешь первым санов-

ником в стране и будешь стоять на ступенях моего трона. Прощай!

Она бросила белый смертоносный цветок в огонь жаровни и ушла, оставив меня с тоской на сердце. Я узнал, что Мериамун не похожа на других женщин и выше их в зле и добре.

На следующую ночь я снова сидел и работал. Снова раздался стук в мою дверь, вошла женщина и сбросила свой плащ. Это опять была Мериамун, но бледная, расстроенная.

– Разве князь, твой супруг... – начал я, встав с места.

– Не говори мне о супруге, Реи, – перебила она меня. – Вчера ночью я наговорила тебе глупостей, потому что ум мой помутился... Забудь это все... Я жена, счастливая супруга и царица!

Она улыбнулась так странно, что я отступил назад.

– Послушай, – продолжала она. – Мне снился страшный сон, ты мудр и знаешь все, объясни мне его смысл и значение. Я спала и вдруг увидела человека, которого во сне любила более всего на свете. Мое сердце билось только для него, моя душа была его душой, и я знала, что полюбила его на всю жизнь. Фараон был моим супругом, но я не любила его. Вдруг с моря явилась женщина прекраснее меня, красота ее была изменчивее и выше красоты утренней зари, восходящей за горами. Она также любила этого богоподобного человека, и он любил ее. Мы боролись за его любовь, состязаясь в красоте, мудрости, в волшебстве. Сначала одна победила, потом другая, в конце концов победа осталась за

мной. Я легла на брачное ложе и обняла холодный труп... Я проснулась, опять заснула и увидела себя в другом одеянии, говорящей на другом языке. Передо мной стоял человек, которого я любила, и та, другая женщина поразительной красоты... Потом я снова превратилась в Мериамун, и снова мы с ней начали бороться, чтоб овладеть сердцем этого мужа, но на этот раз она победила меня. Я уснула и опять проснулась в другой стране, чудесной, непохожей на Кеми, которую, мне казалось, я знала давно. Там я жила среди могил, темные лица смотрели на меня, и все гробницы были покрыты надписями на мертвом языке – языке страны, откуда пришли наши отцы. Все мы изменились, и снова я и та прекрасная женщина начали бороться, и я, казалось, победила ее, но вдруг целое море огня хлынуло на меня, и я проснулась. Во сне я громко кричала, призывая богов на помощь... Снова смежились очи мои, и ворота прошлого широко раскрылись предо мной. Мне казалось, что тысячи и тысячи лет тому назад я и этот человек возродились из ничтожества и пустоты, смотрели друг на друга и любили друг друга несказанной любовью и клялись страшной клятвой в любви и вечной верности. Мы не были простыми смертными, а обладали нечеловеческой силой и красотой, и наше счастье было счастьем богов. Оно было нарушено страшным голосом того, кого я потревожила, Реи, не послушавшись твоего совета. Поцелуй нашей любви пробудил то, что спало сном смерти. Мы не знали богов, не поклонялись им, обожая друг друга

и думая, что мы будем жить вечно. И боги разгневались на нас. Страшный голос произнес: «Вы двое, живущие одной жизнью, дополняющие один другого! Ваши поцелуи разбудили того, кто спал сном смерти, пламя вашей любви согрело то, что было холодно. Вы забыли богов, даровавших вам жизнь, любовь и радость! Приготовьтесь к своей участи! Теперь вас будет не двое, а трое! Уходите из этого священного места на землю! Облекитесь в смертную оболочку, переходите от жизни к жизни, живите, любите, ненавидьте, умирайте! В своем ослеплении вы познаете все: стыд, любовь, гибель и возрождение до тех пор, пока наказание ваше будет окончено, покров вашей слепоты спадет с ваших глаз, и вы снова будете великими, снова будете двое, составляющие одно целое!» Мы задрожали, прижимаясь друг к другу, а голос продолжал: «Вы двое, составляющие одно целое! Пусть тот, чей голос вы слышали, разлучит вас... Будьте трое!» Пока голос говорил это, я была в отчаянии и совершенно обесилела, а около человека, которого я любила, очутилась та прекрасная женщина, увенчанная блеском своей красоты и лучезарной звездой. Нас стало трое. Он, тот, кого я любила, взглянул на прекрасную женщину: та улыбнулась и протянула к нему руки. В эту минуту, Реи, я узнала всю горечь ревности и проснулась дрожа. Объясни, Реи, мое видение, растолкуй мне его!

– О, госпожа, – ответил я, – это выше моего понимания, я не могу растолковать тебе, хотя готов помочь тебе во всем!

– Я знаю, ты любишь меня, Реи. Пусть забудется этот сон: он послан не богами, а Сетом, мучителем. Пусть совершится все это, я готова, похожая на пылинку в руках судьбы. Быть может, я взлечу на верхушку храма, или буду истоптана ногами рабов, или поглощена мраком... Я не люблю своего супруга, будущего фараона, и никогда не буду любить его. Когда сердце холодно, то рука сильна, и я согласилась быть царицей, которая может вести фараона за бороду, согласилась быть первой во всей древней стране Кеми потому, что я родилась не для того, чтоб служить. Да, я буду править и ждать конца. Смотри, Реи... Лучи Панды заливают ярким блеском дворы, улицы, города и раздробляются сиянием на лоне вод. Я – дитя Луны... Слеза моя затопит всю страну Кеми...

Она ушла. На лице ее играла странная и загадочная усмешка, похожая на улыбку великого сфинкса Гаремку, очи которого таинственно глядят в глубь пустыни...

– Странная царица! – сказал Одиссей, когда Реи замолчал. – Но что я могу сделать для нее?

– Больше, чем думаешь! – отвечал Реи. – Но дай мне кончить рассказ и тогда поймешь!

Глава VIII. В святилище смерти

– Божественный фараон Рамсес умер и почил в Осирисе. Своими собственными руками я закрыл его гроб и положил его в великолепную гробницу, где он будет спать непробудным сном до дня пробуждения. Менепта и Мериамун воссели на древний престол Кеми. Мериамун относилась очень холодно к фараону, хотя тот исполнял все ее желания. Детей у них не было, и скоро красота ее наскучила царю. Но она умела властвовать над ним и правила всей страной. Что касается меня, я был ее главным советником, она беседовала со мной, удостоив меня больших почестей и сделав командиром легиона бога Амена. Однажды Мериамун устроила роскошный пир, на котором присутствовал фараон. Около него сидела Натаска. Это была женщина, приближенная к особе царицы, очень красивая, но нахальная и смелая, сумевшая завоевать на час расположение фараона. Он выпил много вина на пиру и коснулся губами руки Натаски, но царица Мериамун не обращала на них внимания. Между тем Натаска, выпившая также немало теплого вина, становилась все смелее. Отпив вино из золотой чаши, она передала ее рабу и велела поднести царице, крикнув ей: «Выпей из моей чаши, сестра моя!» Все присутствовавшие поняли смысл ее поступка и слов: Натаска открыто называла себя женой фараона, равной царице. Конечно Мериамун мало заботилась

о любви царя, но она любила власть и могущество и потому при дерзких словах рабыни нахмурилась, в темных глазах ее загорелся мрачный огонек.

Она взяла золотую чашу и поднесла ее к своим губам, затем наполнила свою чашу вином, сделала вид, что отпила из нее и тихо сказала Натаске:

– Выпей в ответ из моей чаши, Натаска, слуга моя, потому что скоро ты будешь, может быть, выше царицы!

Глупая женщина взяла поднесенную ей евнухом золотую чашу, не поняв лживых слов Мериамун, и выпила вино, но затем со страшным криком упала мертвая на стол. Все присутствовавшие пришли в ужас, не смея сказать слова, а Мериамун насмешливо и мрачно улыбалась, смотря на темно-волосую голову Натаски, безжизненно лежавшую среди цветов на столе. Фараон стал бледным от ярости и крикнул стражу, чтобы схватить царицу. Но та движением руки приказала страже отойти.

– Не смейте дотронуться до помазанной царицы Кеми! – произнесла Мериамун. – Ты, Менепта, не забывай нашей брачной клятвы! Смеют ли твои возлюбленные бросать мне вызов и называть меня сестрой? Если мои глаза были слепы, то уши открыты! Молчи! Она получила заслуженное, ищи себе другую!

Фараон молчал, испугавшись Мериамун, которая сидела спокойно, играя ожерельем на своей груди и наблюдая, как рабы унесли с пира мертвое тело Натаски. Один за другим

все испуганное общество разошлось, остались только фараон, Мериамун да я, жрец Реи.

– Отвратительная женщина! – заговорил фараон, дрожа от страха и гнева. – Будь проклят тот день, когда я заметил твою красоту! Ты победила меня, но берегись! Я – фараон еще и твой господин и клянусь тем, кто почивает в Осирисе, если ты еще раз сделаешь что-нибудь подобное, я сниму с тебя корону царицы, отдам тебя на мучения, и душа твоя последует за той, которую ты убила!

– Фараон, берегись! – ответила гордо Мериамун. – Протяни только палец ко мне, и ты осужден! Ты не можешь убить меня, а я сумею одолеть тебя, клянусь великой клятвой! Клянусь тем, кто почивает в Осирисе, осмелюсь только поднять руку против меня, осмелюсь помыслить о предательстве – и ты немедленно умрешь! Меня трудно обмануть: у меня есть слуги, которых ты не можешь видеть и слышать. Я кое-что знаю, Менепта, из волшебств царицы Тайи. Иди своей дорогой и предоставь меня моей судьбе. Я – царица, останусь царицей и во всех государственных делах имею право голоса, как ты! Мы будем жить отдельно теперь: ты ведь боишься меня, Менепта, а я не люблю тебя!

– Пусть будет так, как ты сказала! – проворчал испуганный фараон. – Проклят тот день, когда мы встретились! С сегодняшнего дня мы чужие друг другу! Я знаю твою силу, Мериамун, дарованную тебе злыми богами. Тебе нечего бояться, я не убью тебя: брошенное копьё часто ранит того,

кем оно брошено. Реи, слуга мой, ты был свидетелем наших брачных клятв, слушай же теперь, мы берем их назад. Мериамун, царица древней Кеми, отныне ты не жена мне. Прощай! – И фараон ушел, подавленный страхом.

– Да, – произнесла Мериамун, смотря ему вслед, – я более не жена Менепты, но все еще царица Кеми. О старый друг, как мне надоело все! Странная участь моя! У меня есть все, кроме любви, и все мне надоело. Я тосковала по власти, эта власть в моих руках, а что такое власть? Мираж... Мне наскучила моя безрадостная жизнь... О, если б один час пламенной любви – и потом умереть! Скажи мне, Реи! Осмелишься ли ты идти к мертвецам?

Она схватила меня за рукав и прошептала мне на ухо несколько слов.

– Ах, царица, я знаю... Там все покончено...

– Да, все и навсегда. Но знаешь, она еще не совсем застыла, эта Натаска, которую я убила, а я обладаю искусством вызывать ее дух обратно, пока она не совсем захладеет, и узнать из ее уст будущее... Там, у Осириса, перед ней открыто все будущее...

– Нет, нет, – вскричал я, – это святотатство. Мы потревожим смерть, и боги разгневаются на нас!

– Я хочу этого, Реи! Если ты боишься, не ходи, я пойду одна, так как хочу узнать все. Если я умру при этой попытке, напиши на моей гробнице: «В поисках сущности бытия она нашла смерть!»

– Нет, царица, – воскликнул я, – ты не пойдешь одна! Я кое-что смыслю в этом и, может быть, сумею оградить тебя от зла. Если ты хочешь идти, я последую за тобой!

– Хорошо. Сегодня ночью тело унесут в святилище храма Осириса, близ больших ворот, чтобы по обычаю оно дожидалось там прихода бальзамировщиков. Пойдем скорее, Реи, пойдем в храм Смерти!

Мериамун ушла в свои комнаты, закуталась в темную одежду. Мы поспешили к храму, где нас окликнула стража.

– Кто идет? Именем священного Осириса говорите, кто идет!

– Реи, строитель, жрец бога Амена, а с ним другой человек! – ответил я. – Откройте дверь!

– Нет, не откроем. В храме есть некто, кого нельзя беспокоить!

– Кто же там?

– Та, которую убила царица!

– Царица послала нас взглянуть на ту, которую убила!

Жрец окинул взглядом закутанную фигуру Мериамун около меня.

– Пропуск твой, благородный Реи!

Я показал ему царскую печать, и он с поклоном отворил двери. Войдя в храм, я зажег приготовленные восковые свечи.

При свете свечей мы прошли через зал и подошли к занавесу у святилища. Здесь я потушил свечи, так как никакой

другой огонь, кроме того, что горит на алтаре, не может проникать в святилище. Сквозь занавес мы видели свет.

– Открой! – сказала Мериамун. Я открыл, и мы вошли в святилище. На алтаре ярко горело священное пламя, озаряя внутренность храма. Это был один из маленьких храмов Таписа; свет не достигал до стен, и мы едва могли различить на них фигуры богов. Но большая сидячая статуя Осириса была ярко освещена. Она была сделана из черного камня с короной на голове. В руках статуи был посох и страшный наказующий бич. На его священных коленях лежала белая обнаженная фигура мертвой Натаски. Она склонила голову на священную грудь Осириса, длинные волосы ее висели до полу, руки были прижаты к сердцу, мертвые глаза смотрели в темноту.

В Таписе существует обычай класть ночью внезапно умерших людей высокого происхождения на колени статуи Осириса.

– Смотри, – тихо сказал я царице, поддаваясь впечатлению священного места, – смотри, вот она, час тому назад красивая, благодаря тебе одета теперь нетленным величием смерти! Подумай! Ужели ты хочешь вызвать назад дух той, которую ты освободила от уз земли? Нелегко это сделать, царица, несмотря на все твое искусство, и если она даже ответит тебе, то мы можем умереть от ужаса и страха!

– Нет, – ответила Мериамун, – я не боюсь. Я знаю, как вызвать Ку из его мрачного царства и послать его обратно

туда. Я ничего не боюсь, а если ты боишься, Реи, то уйди и оставь меня одну!

– Я не уйду, – возразил я, – но повторяю тебе, это святотатство!

Мериамун замолчала, подняла руки вверх и стояла так спокойно и неподвижно. Взяв посох, я сделал круг вокруг нас, вокруг алтаря и статуи Осириса и произнес священные слова, чтобы охранить нас от великого зла в этот час.

Мериамун бросила в огонь алтаря горсть порошка. Она сделала это три раза, и каждый раз огненный шар поднимался от алтаря кверху в воздух. Когда три огненных шара взлетели в воздух над головой статуи Осириса, Мериамун трижды громко вскричала:

– Натаска! Натаска! Натаска! Страшным именем смерти призываю тебя! Вызываю тебя с порога обители смерти! Вызываю тебя от ворот правосудия! Вызываю тебя сюда от двери осуждения. Во имя звена, соединяющего жизнь со смертью, приказываю тебе прийти сюда и ответить мне на мой вопрос!

Мериамун умолкла, но ответа не было. Только статуя Осириса холодно улыбалась, и труп Натаски на его коленях смотрел широко раскрытыми глазами в темноту.

– Это нелегко, – прошептал я, – но ты знаешь страшное слово. Если не боишься, произнеси его, или уйдем отсюда!

– Я скажу! – ответила она, и, подойдя к статуе, Мериамун закрыла лицо руками и ухватилась за мертвую ногу Натаски.

Я распростерся на полу и также закрыл лицо, так как услышать страшное слово с непокрытым лицом – значит умереть.

Тихим шепотом Мериамун произнесла страшное слово, которое нельзя написать, отзвук которого имеет силу пролетать огромное пространство и долетать до ушей мертвецов, обитающих в Аменти. Произнесенное шепотом страшное слово загремело, как гром, под сводами храма. Казалось, страшная буря с ветром разразилась над нами, так что крыша здания затряслась и стены храма зашатались.

– Откройте лицо свое, смертные! – вскричал страшный голос. – И смотрите на тех, которых вы осмелились вызвать!

Я встал, сбросил плащ с лица и упал в ужасе. Около круга, который я начертил своим посохом, толпилось множество мертвецов. Бесчисленные, как песок пустыни, они смотрели на нас своими мертвыми глазами. Огонь на алтаре погас, но свет лился из глаз мертвецов, из глаз мертвой Натаски.

Я, Реи, хорошо знал, что если поддамся страху, то умру, и призвал в сердце своем Осириса, чтобы защитить нас. Едва я успел произнести его священное имя, как все тысячи мертвецов склонились перед его статуей.

– Мериамун, – произнес я, собрав все силы, – не бойся, но будь осторожна!

– Зачем я буду бояться? – ответила она. – Только потому, что на один час наши глаза видят тех, которые живут в другом и знают все наши тайны? Я не боюсь! – Она смело подошла к краю круга.

– Привет вам, духи смерти, среди которых и я буду находиться когда-нибудь! – закричала Мериамун.

Мертвецы отступили, и к ней из темноты вытянулись огромные черные руки, стремившиеся, казалось, схватить ее.

Мериамун засмеялась.

– Нет, злой дух, – произнесла она, – ты не можешь проникнуть за пределы этого круга – это выше твоих сил! Натаска! Еще раз заклинаю тебя жизнью и смертью, приди сюда, ты которая была слугой, а теперь стала «выше царицы»!

Пока она говорила, от мертвой женщины, лежавшей на коленях Осириса, отделилась другая фигура, совершенно подобная Натаске, и встала перед нами. Но тело продолжало лежать на коленях Осириса, так как это была Ка¹.

– Что тебе надо от меня? – заговорила устами Натаски Ка. – Что ты хочешь от меня, ты, погубившая мое тело? Зачем беспокоишь меня?

– Я хочу, чтобы ты поднял завесу будущего... Говори, что ожидает меня, я приказываю тебе!

– Нет, Мериамун, этого я не могу, я – Ка, обительница гробницы, я должна охранять дух Натаски во все время ее смерти, вплоть до возрождения. Я ничего не знаю о будущем. Спроси того, кто знает!

Мериамун снова три раза выкрикнула имя Натаски. Вдруг на голову статуи Осириса села большая птица с золотым опе-

---

¹ Душа.

рением, голова ее была головой женщины и походила на Натаску. Это был Баи.

– Что хочешь ты от меня, Мериамун? – заговорил он. – Зачем ты вызвала меня из другого мира, ты, погубившая мое тело?

– Я хочу, чтобы ты сказал мне, что ожидает меня в будущем. Говори, приказываю тебе!

– Нет, Мериамун, – ответил Баи, – я не могу и не знаю. Я – Баи и летаю от смерти к жизни и от жизни к смерти, пока не наступит час пробуждения. Я ничего не знаю о будущем, спроси того, кто знает!

В третий раз Мериамун начала вызывать Натаску. Раздался звук, похожий на вой ветра, и сверху спустился огненный язык прямо на чело мертвой Натаски. Глаза всех мертвецов уставились на этот огненный язык. И мертвая Натаска заговорила, хотя губы ее не шевелились.

– Что ты хочешь от меня, Мериамун? Как осмелилась ты беспокоить меня, ты, погубившая мое тело, зачем вызвала меня с порога обители смерти?

– О ты, Ку, я вызвала тебя потому, что мне надоела моя скучная жизнь и я хочу узнать будущее! – ответила царица. – Скажи мне, заклинаю тебя великим словом, имеющим власть отверзать уста мертвых, ты, все знающий, скажи, что мне ждать в будущем?

– Любовь будет бременем твоей жизни, а смерть – бременем твоей любви! – ответил страшный Ку. – Смотри, с се-

вера приближается некто, кого ты любила и будешь любить, пока не выполнится все предначертанное. Вспомни сон, который приснился тебе на ложе фараона! Мериамун, велика твоя слава, твое имя известно на земле, и в Аменти знают тебя! Высока твоя участь, но путь твой покрыт кровью и скорбью. Я все сказал, отпусти меня!

– Хорошо, – возразила царица, – но погоди уходить! Прежде всего приказываю тебе страшным словом, великим звеном, связующим жизнь и смерть, скажи мне, буду ли я здесь, на земле, обладать тем, кого люблю?

– В грехе, скорби, Мериамун, ты будешь обладать им. Стыд и ревность будут терзать тебя, когда его отнимет от тебя та, которая сильнее тебя, хотя ты очень сильна, та, которая красивее тебя, хотя ты очень хороша. Ты будешь очень страдать! Но она скроется от тебя вместе с тем, кто принадлежит вместе и тебе, и ей. Наступит день, и ты отплатишь ей мерой за меру, злом за зло!

– Хорошо, Ку, подожди! Покажи мне лицо моей соперницы, лицо того, кто будет моей любовью!

– Трижды можешь ты спрашивать меня, о ты, бесстрашная царица, – отвечал страшный Ку, – трижды могу я ответить тебе, а потом прощай, пока не встречу тебя на пороге вечности. Смотри же теперь в лицо Натаски, которую ты убила!

Мы начали смотреть на мертвое лицо. Вдруг лицо это начало изменяться и засияло поразительной красотой, красо-

той несказанной. Казалось, то была чудная красота спящей женщины. Потом над головой Натаски мы увидели тень мужчины, охранявшего ее сон. Но лицо его не было видно, оно было скрыто под золотым шлемом, в котором торчал бронзовый конец сломанного копья. Он был одет в блестящее золотое вооружение народа, живущего у северного моря, и темные локоны его падали по плечам, подобно лепесткам гиацинта.

– Смотри на свою соперницу и на того, кого ты полюбишь! Прощай – сказал Ку мертвыми губами Натаски, и когда он умолк, прекрасное лицо женщины исчезло, огненный язык растаял в воздухе, и глаза всех мертвецов посмотрели друг на друга, словно они прошептали что-то.

Некоторое время Мериамун стояла молча, потом, словно очнувшись, подняла руку и вскричала:

– Уходи, ты Баи! Исчезни, Ка! – Огромная птица с золотыми перьями вспорхнула и поднялась вверх, а Ка приблизилась к ногам мертвой Натаски и исчезла.

Мериамун покрыла голову плащом и еще раз произнесла ужасное слово. Она произнесла его громко, и храм снова наполнился ревом бури. Потом она сбросила плащ. На алтаре горел яркий огонь, на коленях Осириса лежала холодная Натаска. Кругом царила мертвая тишина.

Мериамун схватила меня за руку.

– Теперь все кончено, – произнесла она тихо, – и я страшно боюсь того, что должно случиться. Уведи меня отсюда,

Реи, я не могу более!

С тяжелым сердцем увел я ее из храма. Вот почему, Странник, царица смутилась, когда явился человек в золотом вооружении, шлем которого был проткнут осколком копья.

Глава IX. Пророчество Апура

– Все это произошло по воле богов! – произнес Одиссей, когда Реи закончил свой рассказ. Некоторое время он сидел молча, потом поднял глаза и взглянул на старого жреца.

– Странный рассказ, Реи! Много морей я прошел, во многих странах побывал, видел много народов и слышал голоса бессмертных богов, но никогда не слыхал ничего подобного. Заметь себе, когда я увидел прекрасную царицу, я удивился тому, что она как-то странно взглянула на меня, как будто знала меня. Если ты сказал правду, Реи, она полагает, что видела меня в своих снах и видениях. Кто этот человек с длинными темными локонами, одетый в золотое вооружение, с золотым шлемом на голове, в который воткнул осколок копья?

– Передо мной сидит этот человек, – сказал Реи, – или, может быть, я созерцаю бога!

– Нет, я не бог, – ответил улыбаясь Одиссей, – хотя сидонцы сочли меня за бога. Отгадай мне эту загадку, мудрый жрец.

Престарелый Реи смотрел в землю, бормоча молитву дрожащими губами.

– Ты человек, – произнес он, – и пришел из-за моря, чтоб внушить любовь царице Мериамун и осудить себя на смерть. Это я знаю, остальное мне неизвестно. Молю тебя, чужезе-

мец, ты пришел к нам с севера в золотом вооружении, твое лицо сияет мужественной красотой, ты – сильнейший из людей! Прошу тебя, уйди назад, уйди назад за море, откуда ты пришел...

– Разве человек может уйти от своей судьбы? – спросил Одиссей. – Если смерть моя придет, так должно быть! Но помни, Реи, я не искал любви Мериамун!

– Все равно ты найдешь ее! Кто ищет любовь, тот теряет ее, а кто не хочет искать, тот находит!

– Я приехал завоевать любовь другой женщины, – сказал Одиссей, – и буду искать эту любовь, пока не умру!

– Пусть боги помогут тебе найти ее, и страна Кеми будет спасена от великой скорби! Но здесь, в Египте, нет женщины прекраснее Мериамун, и ты должен искать где-нибудь дальше. А теперь, Эперит, я должен идти совершать службу в храме священного Амена, так как я верховный жрец. Но тебя фараон приказал мне привести на пир во дворец!

Реи повел Одиссея боковым входом во дворец фараона, близ храма бога Пта. Но прежде указал ему приготовленную для него прекрасную комнату, богато украшенную, уставленную креслами из слоновой кости и ложами из серебра, с роскошной постелью.

Одиссей отправился в царские бани, где темноокие девушки вымыли его, умастили душистым маслом и увенчали цветами лотоса. Потом Реи повел его, в полном вооружении, в переднюю комнату дворца и оставил тут, говоря, что вер-

нется, когда пир окончится. Зазвучали трубы, загремели барабаны.

Вошли прекрасная царица Мериамун и божественный фараон Менепта в сопровождении придворных дам и мужчин. Все они были увенчаны розами и цветами лотоса. Царица была в царском одеянии из вышитого шелка, с плеч ее спускалась пурпурная мантия, а на шее и руках блестели золотые запястья.

Она была прекрасна своим бледным лицом и чудными гордыми очами, которые, казалось, дремали под тенью длинных шелковистых ресниц. Мериамун шла, сияя гордой и царственной красотой, а позади шел фараон, высокий, болезненный человек с мрачным лицом. Одиссею показалось, что у него тяжело на сердце, что забота и страх перед бедой вечно терзают его.

Мериамун ласково взглянула на чужеземца.

– Привет тебе, чужеземец! – произнесла она. – Ты явился на наш пир в воинственном одеянии?

– Прости, царственная госпожа, – ответил он, – но если бы я вздумал снять вооружение, мой лук запел бы мне песнь о скорой войне. И вот я пришел на пир в полном вооружении!

– Разве твой лук умеет предсказывать, Эперит? – сказала царица. – Я слышала о таком оружии от менестреля, который пришел к нам с берегов Северного моря и пел песнь о волшебном луке Одиссея!

– Ты хорошо делаешь, что не снимаешь вооружения,

Странник, – сказал фараон, – если твой лук поет о войне, то мое сердце также говорит мне, что война будет!

– Следуй за мной, Странник! – сказала царица.

Он последовал за ней и за фараоном. Они пришли в великолепный зал, украшенный резьбой по стенам. Одиссею никогда не приходилось видеть такого богатого зала. На возвышении сел фараон, рядом с ним царица Мериамун, а подле нее Скиталец в золотом вооружении. Он прислонил свой лук к креслу из слоновой кости.

Пир начался. Все ели и пили вдоволь. Царица говорила мало, но глаза ее не переставали следить за гостем из-за низко опущенных ресниц.

Вдруг, пока они пировали и веселились, двери в конце комнаты широко раскрылись. Стража в ужасе отскочила, и у дверей остановились два человека.

Лица их были смуглы, худы, истощенны, носы походили на клюв орла, а глаза были желты, как глаза льва. Одежда их состояла из звериных шкур, перевязанных у пояса ремнем. Они подняли свои обнаженные руки, в которых держали посохи. Оба человека были стары, один имел длинную белую бороду, другой был выбрит, подобно египетскому жрецу. Когда посохи поднялись, стража отступила, и все присутствовавшие закрыли лица, за исключением Мериамун и Скитальца. Даже фараон не смел взглянуть на них, только сердито пробормотал себе в бороду: «Клянусь Осирисом, эти Апура снова явились сюда! Смерть тем, кто пропустил

их сюда!»

Один из них, бритый, как жрец, громко вскричал:

– Фараон! Фараон! Фараон! Слушай слово Иеговы. Отпустишь ли ты народ?

– Не отпущу!

– Фараон! Фараон! Фараон! Слушай слово Иеговы! Если ты не отпустишь народ, все перворожденные в Кеми, от князя до раба, от быка до осла, будут перебиты! Отпустишь ли ты народ?

– О фараон, отпусти народ! – громко закричали все присутствовавшие.

– Великие скорби и несчастья обрушатся на Кеми! О фараон, отпусти народ!

Сердце фараона смягчилось, и он готов был отпустить народ, как вдруг Мериамун повернулась к нему.

– Ты не должен отпускать народ! – произнесла она. – Поверь, что все бедствия Кеми причинили вовсе не эти рабы, не бог этих рабов, а чужеземная богиня, которая живет в Танисе. Не бойся, трус! Какое у тебя малодушное сердце! Вели богине уйти отсюда, но не отпускай этих рабов! Нам нужно строить города, и эти рабы будут работать для нас!

– Вон отсюда! – вскричал фараон. – Приказываю вам уйти. Завтра ваш народ будет послан на тяжелую работу, и спины их окрасятся кровью от ударов ремня! Я не отпущу народ!

Оба человека громко вскрикнули и, подняв посохи, ис-

чезли из комнаты. Никто не смел наложить на них руку.

Скиталец удивился, что фараон не приказал убить непрошенных гостей.

– Знаешь, Эперит, – сказала Мериамун, заметив его удивление, – великие бедствия постигли нашу страну. Царь думает, что эти колдуны послали на нас все беды, но я знаю, что Хатхор, богиня любви, разгневалась на нас из-за той женщины, что живет в Танисе и выдает себя за богиню!

– Зачем, царица, – спросил Скиталец, – терпите вы у себя в городе эту лживую богиню?

– Зачем? Спроси об этом фараона. Вероятно, потому, что красота ее поразительна и кто увидит хоть раз ее, тот поклоняется ей и почитает, как богиню. Если ты хочешь узнать об этом подробнее, спроси фараона, он знает храм лживой богини, знает того, кто охраняет ее!

– О фараон, могу я узнать всю правду? – обратился Скиталец к царю.

Менепта взглянул на него, сомнение и тревога отразились на его лице.

– Я скажу тебе правду, странник! Такой человек, как ты, путешествовавший во многих странах, поймет мой рассказ и поможет мне. При жизни моего отца, священного Рамсеса, однажды в храме божественной Хатхор появилась женщина чудесной красоты. Когда жрецы храма смотрели на нее, то одному она казалась мрачной, другому светлой, и перед каждым человеком изменялась ее чудная красота. Она улы-

балась и пела, зажигая любовь во всех сердцах. Но если хоть один мужчина подходил к ней ближе и пытался обнять ее, он отступал, как ужаленный, а если повторял попытку, то умирал. Тогда люди перестали смотреть на нее как на женщину и начали поклоняться ей, приносить жертвы и молиться, как богине. Прошло три года. В конце третьего года богиня исчезла. От нее не осталось и следа, и только память ее свято чтилась людьми. Прошло двадцать лет. Отец мой умер, и я наследовал его престол. Однажды из храма прибежал вестник. «Хатхор вернулась в Кеми, – кричал он, – богиня вернулась к нам!»

Я пошел взглянуть на нее. Перед храмом собралась огромная толпа народа, а на портике храма стояла сама богиня, сияя ослепительной красотой. Она пела чудные песни, и голос ее проникал в сердце человека. Месяц за месяцем она пела свои песни, и множество людей мечтали заслужить ее милость и любовь, но у дверей храма невидимая стража строго охраняла вход. Если смельчак пытался ворваться силой, слышался звон мечей, и он падал мертвым, хотя на нем не находили ран. Это правда, странник, я сам хотел войти туда и был оттолкнут ее стражей. Но я один из всех людей, кто, видя ее близко и слыша ее голос, не сделал вторичной попытки войти в храм и уцелел!

– Ты любишь жизнь больше других людей! – сказала царица. – Ты хотел завоевать также это чудо, но твоя жизнь тебе дороже ее красоты, и ты не решился обнять ее. Да, Эперит,

она причина всех наших бедствий. Все мужи влюбляются в нее и бесятся от любви. Когда она стоит на портике храма и поет, они плачут, молятся и рвут на себе волосы, рвутся к ней и умирают. Проклята наша страна, проклятие принесла нам эта женщина! Пока не найдется человек, который пройдет сквозь стражу, встанет перед ней лицом к лицу и убьет ее, горе и бедствия будут терзать страну Кеми! Быть может, ты, странник, окажешься этим человеком? – Мериамун загадочно взглянула на него. – Тогда прими мой совет: не ходи туда, ты будешь околдован, и мы потеряем великого человека!

– Быть может, госпожа, моя сила и милость богов помогут мне в этом деле. Но, пожалуй, эту женщину легче уговорить словами любви и поцелуями, чем убить ударом меча, если она не принадлежит к числу смертных!

Мериамун покраснела и нахмурилась.

– Зачем ты говоришь это? – сказала она. – Будь уверен, что, если бы я увидела это чудо, она была бы убита и предназначена в невесты Осирису!

Одиссей понял, что царица Мериамун завидовала красоте и славе той, которая обитала в храме Таниса, и замолчал, умея молчать, когда это было нужно.

Глава X. Страшная ночь

Пир был испорчен: страх омрачил лица присутствовавших. Женщины и мужчины молчали, смех лишь изредка нарушал тишину в зале. Скиталец пил мало, ожидая, что будет дальше. Царица наблюдала за ним и одна из всего общества была довольна пиром. Вдруг боковая дверь отворилась, и все испуганно повернули головы. Но страх их был напрасен. Вошли слуги, внесли изображение смерти, как это полагалось на пиру, и поставили резную деревянную статуэтку перед фараоном, крича: «Пей вино, царь, веселись, скоро ты будешь взят смертью! Пей и веселись!»

Менепта, все время молчавший, взглянул на изображение смерти и горько засмеялся.

– Сегодня мы не нуждаемся в этом напоминании! – вскричал он. – Смерть близка, да, смерть близка! – с этими словами он упал в свое золоченое кресло, поставив чашу с вином на стол.

– Разве ты муж? – сказала Мериамун тихо. – Муж ли ты, чтобы так пугаться? Разве в первый раз сегодня мы слышим имя смерти? Вспомни великого Менкау-ра, старого фараона, построившего пирамиду Гер. Он был кроток и справедлив, боялся богов, и они показали ему смерть. Испугался ли он, дрожал ли? Нет, он обратил ночь в день, он веселился и прожил еще много лет, наслаждаясь любовью, вином и все-

ми утешами жизни. Будьте веселы, мои гости, хотя бы веселье наше продолжалось только один час! Пейте вино и будьте мужественны!

– Ты говоришь верно, – сказал фараон, – пейте и забудьте! Боги, посылающие смерть, дают нам вино, чтобы забыться! – Его мрачные глаза блуждали по залу, ища предлога придаться. – А ты, странник, – воскликнул он, – ты не пьешь! Я следил за тобой. Ты пришел с севера, и бледное солнце твоей страны не питает виноградных гроздьев. Ты холоден, любишь пить воду. Почему ты не ищешь забвения в вине, когда час твой близок? Пей же красное вино Кеми. Принесите кубок Пашта! – закричал он слугам. – Царь хочет пить из него!

Главный дворецкий фараона пошел в сокровищницу и принес огромный золотой кубок, сделанный в виде львиной головы, вмещавшей в себя 12 мер вина.

– Наполните его чистым вином! – вскричал фараон. – Ты побледнел при виде кубка, Скиталец? Я выпью за тебя, ты – за меня!

– Нет, царь, – сказал Скиталец, – я пробовал твое вино и не хочу его больше!

– Выпей же кубок за меня! – настаивал фараон.

– Прости меня, прошу тебя, – сказал Скиталец, – но вино делает умных людей глупыми, а сильных – слабыми, а нам сегодня, может быть, понадобятся и сила и разум!

– Дай мне кубок! – вскричал фараон. – Я пью за твою храбрость, Скиталец! – Он поднял кубок, встал и выпил его,

затем повалился в кресло, и голова его упала на грудь.

– Я не могу отказать царю в его просьбе! – сказал Скиталец, побледнев от гнева. – Дайте мне кубок! – Он взял кубок, встал и, сделав возлияние богам, произнес ясным голосом: – Пью за чужеземную Хатхор!

Царица взглянула на него, побледнев от негодования. Вдруг из лука послышался слабый звук, разросшийся в воинственную песнь, похожую на шум летящих стрел. Одиссей услышал пение лука, и глаза его загорелись воинственным огнем: он знал, что стрелы скоро полетят в осужденных. Фараон и Мериамун также услышали песнь лука. Царица удивленно смотрела на Скитальца.

– Рассказ менестреля был правдив! Это лук Одиссея, – сказала Мериамун, – слушай, Эперит, твой лук громко поет!

– Да, царица, – ответил Скиталец, – скоро полетят стрелы смерти! Зови стражу, враг близко!

Ужас превозмог опьянение фараона: он приказал страже идти, собрать всех товарищей и быть настороже. Мрачная тень легла на всех присутствовавших на пиру. Мертвая тишина воцарилась в зале, подобно тому, как бывает в воздухе перед грозой. Только Одиссей думал о предстоящей битве, да Мериамун неподвижно сидела в своем кресле и смотрела вдаль. Страх все сильнее охватывал сердца мужчин.

Вдруг, казалось, сильный порыв ветра пронесся по залу. Весь дворец содрогнулся, своды его закачались и раскрылись, и над головой присутствовавших появилась какая-то

фигура. Звезды ярко светили на небе. Потом своды закрылись снова, и люди с побледневшими лицами смотрели друг на друга. Даже неустрашимое сердце Одиссея замерло от ужаса.

Вдруг многие из присутствовавших в зале людей встали с мест и с криком попадали мертвыми на пол. Скиталец схватил свой лук. Те, кто остался в живых, сидели неподвижно, совершенно парализованные страхом. Только Мериамун была спокойна и холодно смотрела на все происходившее, так как не боялась ни смерти, ни жизни, ни богов, ни людей. Пока она сидела, а Скиталец осматривал лук, они слышали шум, топот множества ног, все возраставший и приближавшийся к ним. Скоро двери раскрылись и вбежала женщина в ночном одеянии, неся в руках обнаженный труп мальчика.

– Фараон! – вскричала она. – Фараон, и ты, царица! Взгляните, ваш сын умер... Ваш новорожденный сын мертв! О фараон! Царица! Он умер внезапно на моих руках!

Она положила мертвого ребенка прямо на стол, среди золотых сосудов, среди гирлянд цветов и золотых чаш с вином.

Фараон встал с места, разодрал свою пурпурную одежду и громко заплакал. Мериамун также встала и прижала к груди своего мертвого первенца. На нее было страшно смотреть, хотя глаза ее были сухи.

– Проклятие навлекла на нас эта злодейка, эта лживая Хатхор! – произнесла царица.

– Нет, нет, это не Хатхор, не наша священная Хатхор, ко-

тору ю мы почита ем, – закри чали присут ствов авшие, – это бог мрач ных Апу ра, кото рых ты, ца ри ца, не хо чешь от пу стить, по слал все бед ствия на го ло ву фа ра о на и на тво ю!

По ка они кри ча ли, шум извне все воз рас тал и уси ли вал ся, так что сте ны двор ца за тря сись. Раз дал ся страш ный ты ся че го ло сый вопль, ка ко го ни ко гда не раз да вал ось в Е ги пте.

Две ри сно ва отво ри лись, стра жу оттолкну ли в сто ро ну, и в за лу во шла тол па силь ных и рос лых чу же зем цев. Ли ца их бы ли блед ны, гла за блуж да ли. При ви де их Ск и та лец при шел в се бя: он бо ял ся бо гов, а не лю дей и, на тя нув лук, вскри чал:

– Оч нись, фа ра он, оч нись! Вра ги при шли. Вся ли тво я стра жа здесь?

– Да, все, кто ос тал ся в жи вых, – от ве чал ка пи тан те ло хра ни те лей, – ос тал ьные у мер ли!

Ед ва он успе л про из не сти эти сло ва, как в зал в бе жал че ло век. Это был стар ый жрец Ре и, ко ман дир ле ги о на А ме на.

– Слу шай, фа ра он, – вскри чал он, – твой на род у ми ра ет ты ся ча ми на ули цах. В до мах ца рит см ерть. В хра мах бо га И та и бо га А ме на бо ль шин ст во жре цов у мер ло!

– Все ли ты ска зал, ста рик? – вскри ча ла ца ри ца.

– Не все еще, ца ри ца! Сол да ты обезу ме ли от стра ха и у би ва ют на чаль ни ков; я сам ед ва спас ся от них. Они клян ут ся, что ты навлек ла см ерть на Е ги пет, так как не хо те ла от пу стить Апу ра. Ты ся чная тол па бе жит сю да, что бы у бить фа ра о на и те бя!

Фа ра он гром ко за сто нал.

– Возьми свое оружие, Эперит, война близка! – сказала Мериамун Скитальцу.

– Я не боюсь битвы и раздраженных людей, царица! – ответил тот. – Муж должен бояться только гнева богов. Стража, сюда! Сомкнитесь вокруг! Не бойтесь, не пугайтесь!

Его фигура была так величественна, лицо горело такой отвагой, что испуганная стража опомнилась, выстроившись двойным рядом около него. Каждый приготовил свой лук и стрелы.

Придворные фараона и уцелевшие гости спрятались позади солдат. Вдруг двери были вышиблены могучими ударами толпы, которая шумно ворвалась в зал. Тут были солдаты, бальзамировщики, кузнецы, почерневшие от копоти, и писцы, сторбившиеся над писанием, рыбаки, ткачи и даже прокаженные от ворот храма. Все они обезумели от страха; за ними следовали женщины с мертвыми детьми на руках. Толпа начала ломать золотую мебель, рвать шелковые драпировки, побросала золотые пиршественные чаши прямо в лицо испуганным женщинам, громко требуя крови фараона.

– Где фараон? – вопили они. – Давайте нам фараона и царицу Мериамун, мы уьем их! Наши первенцы умерли потому, что пророки Апура послали на нас проклятие за то, что фараон задержал их народ в стране Кеми!

Наконец они увидели фараона Менепту, трусливо прятавшегося за стражей, и царицу Мериамун, которая молча стояла перед ними. Она держала на руках мертвого сына и смот-

рела на толпу горевшими глазами, которые блестели ярче, чем ее уреус.

– Назад! – воскликнула она. – Назад. Не фараон и не я причинили вам столько горя и скорби! К нам также пришла смерть! Это ваша лживая Хатхор, которую вы почитаете, это чудо, которое внушает вам любовь. Из-за нее вы терпите все эти бедствия, она навлекла на вас смерть! Разружьте ее храм, убейте ее и освободите страну свою от проклятия!

Несколько минут толпа стояла молча, как лев, готовясь прыгнуть на добычу. Потом раздались крики: «Вперед, вперед! Убейте их, убейте! Мы любим нашу Хатхор и ненавидим вас. Вы навлекли на нас несчастье, и вы должны умереть!» – заорала толпа.

Они орали, бесновались, бросали камнями и палками в стражу. Высокий человек натянул тетиву и пустил стрелу прямо в грудь царицы. Мериамун сделала то, чего не сделала бы ни одна женщина. Спасаясь от смерти, она подняла перед собой тело мертвого сына и держала его, как щит. Стрела впиалась в нежное тельце ребенка.

Наконец она уронила труп на пол.

Тогда Скиталец испустил воинственный клич, облокотился на стол, оглянулся вокруг и пустил стрелу из своего лука. Стрела полетела прямо в того высокого человека, который целился в царицу, воткнулась в его грудь, окрасилась кровью и убила еще и другого, который упал мертвым. Снова полетела другая стрела, жужжа и гудя...

Толпа бросилась вперед. Воздух потемнел от множества стрел. Храбрость Скитальца воодушевила стражу. Солдаты дрались отчаянно. Но убийцы напирали сплошной стеной с криком и воплем. Шлем Скитальца сиял, как маяк во время бури. Свечи свалились из рук золотых фигур, стоявших у стола, драпировки загорелись, и черный дым наполнил весь зал. Но сквозь мрак, дым, вопли и шум стрел ясно слышалась воинственная песнь волшебного лука Одиссея.

Лук гудел, и стрелы, жужжа, летели на врагов.

Скоро запас стрел истощился, и Скиталец подумал что битва проиграна, потому что прибывали новые толпы врагов. Но он был опытен в войне и не растерялся. Капитан телохранителей фараона был убит. Скиталец встал на его место, выстроил солдат кругом и старался воодушевить их. Он сунул чей-то меч в руку фараона, приказывая ему сражаться за свою жизнь и за трон. Но тот, пораженный смертью сына и опьяненный вином, совсем упал духом и растерялся.

Царица Мериамун выхватила меч из его дрожащей руки и приготовилась к бою. Она считала недостойным себя сидеть, скорчившись, на полу, как сделали другие женщины, а стояла прямо, позади Скитальца, и не пряталась от стрел, летевших со всех сторон.

Фараон закрыл лицо руками и не шевелился. Убийцы лезли вперед с криком и воем.

Скиталец бросился на них с поднятыми мечом и щитом, за ним двинулась стража фараона.

Они боролись за свою жизнь и заставили отступить врагов, ударяя мечом направо и налево.

Второй раз хлынула толпа и снова была отброшена назад.

Однако скоро большая часть защитников фараона была убита, и силы их падали. Однако Скиталец продолжал воодушевлять их, хотя сердце его было полно ужаса. Царица Мериамун также убеждала солдат не уступать врагам и умереть с честью, как подобает храбрецам.

Снова завязался отчаянный бой. Скоро только один Скиталец остался защитником Мериамун и фараона. Вдруг откуда-то издалека донесся громкий крик, заглушивший звон мечей, стоны людей и весь шум битвы. «Фараон! Фараон! Фараон! – кричал голос. – Отпустишь ли ты мой народ?»

Толпа остановилась. Бой прекратился, все повернулись в ту сторону, откуда раздался голос. В конце зала среди мертвых и умирающих людей стояли два старика, держа в руках посохи.

– Это колдуны, колдуны Апура! – закричала толпа, отступая перед ними и забыв о битве.

Апура подошли ближе, не обращая внимания на груды мертвых тел, они шли по крови, по разлитому вину, мимо поваленных столов и остановились перед фараоном.

– Фараон! Фараон! Фараон! – прокричали они. – Все первенцы страны Кеми умерли от руки Иеговы. Отпустишь ли ты народ наш из Египта?

– Уходите, уходите вы все и весь ваш народ! – вскричал

фараон. – Уходите скорее, чтоб Кеми не видала вас более!

Толпа слышала эти слова и ушла из дворца. Мертвая тишина воцарилась в городе. Смерть носилась над Кеми. Люди умирали от ран и от внезапно появившейся чумы.

Тихо везде... Заснули люди. Сон принес им лучший дар богов – забвение.

Глава XI. Бронзовые ванны

Настало утро после страшной ночи. Реи пришел от царя к Скитальцу, но не застал его в комнате. Евнух сказал ему, что гость встал, спросил о Курри, бывшем капитане сидонского корабля, и прошел к нему.

Реи пошел туда и услышал стук молотка по металлу. В углу маленького двора у дворцовой стены стоял Скиталец с обнаженными руками, одетый не в свои золотые доспехи, а в легкий балахон, который носят обыкновенно египетские рабочие. Он наклонился над маленькой жаровней, на которой горел огонь, держа в руке молоток. Около него стояла маленькая наковальня, где лежал один из наплечников его золотого вооружения. Курри стоял подле него с инструментами в руках.

– Привет тебе, Эперит! – вскричал Реи. – Что ты делаешь с наковальней?

– Чиню свое вооружение, – отвечал Скиталец, улыбаясь. – Оно изрядно потерпело во время вчерашнего боя. – Он указал на свой продырявленный щит. – Сидонец, раздуй огонь!

Курри присел на корточки и стал раздувать огонь кожаным мехом, в то время как Скиталец нагревал металл и бил его молотком на наковальне, не переставая разговаривать с Реи.

– Странная работа для князя! – усмехнулся Реи, опираясь

на свой жезл с рукояткой в виде голубоватого яблока. – В нашей стране знатные люди не унижаются до работы!

– В каждой стране свои обычаи! – возразил Эперит. – На моей родине братья не женятся на сестрах, хотя во время своих странствований я встречал подобный же обычай на острове царя ветров. Мои руки хорошо служат мне, когда нужно, – продолжал он, – приходится ли косить весной зеленую траву, или править быками, или выпахать начисто борозды тяжелой земли, или строить дома и корабли, или заняться работой кузнеца, мои руки умеют все!

– Каков на войне, таков и в работе! – сказал Реи. – О, я видал, как ты умеешь воевать! Слушай, Скиталец, царь Менепта и царица Мериамун посылают тебе свой приказ!

Он вытащил сверток папируса, перевязанный золотыми шнурами, прижал его к своему лбу и низко поклонился.

– Что это за сверток? – спросил Скиталец, выбивая молотками из шлема острие копья.

Реи развязал золотые шнуры, развернул свиток и подал его Одиссею.

– Боги! Что это такое? – воскликнул Скиталец. – Тут разные рисунки! Как искусно сделаны изображения змей, человеческих фигур, сидя и стоя, топоров, птиц, животных!

Он подал свиток жрецу:

– Я ничего не понимаю. Отец мой! Что это означает?

– Фараон приказал своему главному писцу написать тебе этот приказ, которым он назначает тебя командиром легио-

на царских телохранителей... Он удостоивает тебя высокого титула, обещает дома, земли, целый город на Юге, который будет снабжать тебя вином, еще город на Севере, из которого ты будешь получать запасы зерна, если ты согласен служить ему!

– Никогда в жизни не служил я никому, – возразил Скиталец, покраснев, – хотя был осужден на продажу в рабство. Царь делает мне слишком много чести!

– Ты хотел бы уйти из Кеми? – спросил старый жрец.

– Я хотел бы найти ту, которую ищу, где бы она ни была! – ответил Скиталец. – Здесь или в другом месте!

– Какой же ответ должен я снести царю?

– Я подумаю! – сказал Скиталец. – Сначала надо посмотреть город, если ты согласен сопровождать меня! Во время прогулки у меня будет время обдумать ответ царю!

Говоря это, он успел наконец вытащить острие копья из своего шлема и, держа в руке, стал рассматривать его.

– Хороший клинок! – сказал он. – Я никогда не видал лучшего. Сидонец, – обратился он к Курри, – мне принадлежит твоя жизнь и осколок твоего копья. Я дарую тебе жизнь и возвращаю тебе кончик копья. Возьми его!

– Благодарю тебя, господин! – отвечал сидонец, засовывая копье за пояс. – Дар врага – злой дар! – пробормотал он сквозь зубы, едва слышно.

Скиталец надел свое вооружение и шлем.

– Пойдем, друг, покажи мне город! – обратился он к ста-

рому жрецу.

Реи уловил злую усмешку на лице сидонца и решил, что это злой и коварный человек, однако промолчал, позвал стражу и пошел вместе с Одиссеем к дворцовым воротам, чтобы вести его в город.

Странное зрелище представлял из себя город. Из роскошных домов, из бедных жилищ выходили ряды женщин-плакальщиц, громко причитавших и певших заунывные, скорбные песни смерти.

В некоторых кварталах, на дверях многих домов виднелись сделанные кровью знаки, и из этих жилищ доносились веселые голоса, слышались праздничные песни. Казалось, в городе жило два народа: один народ смеялся, другой плакал.

Из отмеченных кровью домов женщины выходили с пустыми руками или входили туда, неся драгоценности, золото, серебро, кубки, пурпурные материи и сбывая все это смуглым мужчинам и женщинам с ястребиными, черными глазами и острыми носами. Эти люди уходили, входили, шумели, кричали, толкались среди плачущих женщин и мужчин Кемии.

Какой-то высокий парень ухватился за посох жреца Реи.

– Одолжи мне твой посох, старик, – сказал он, – одолжи на время моего путешествия. Когда я вернусь, ты получишь его обратно!

Скиталец повернулся к парню и так взглянул на него, что тот отступил назад.

– Я видел тебя, – бормотал парень, уходя, – видел прошлой ночью и слышал песню твоего лука. Ты не из народа Кеми, я знаю!

– Что такое происходит в твоей стране, старик? – спросил Скиталец. – Я вижу что-то странное. Никто не хочет поднять руку, чтобы спасти свое добро от воров и грабителей!

Жрец громко застонал.

– Тяжелые дни переживает Кеми, – произнес он, – Апура грабят народ, прежде чем уйти в пустыню!

Едва он успел произнести эти слова, как мимо них прошла высокая плачущая женщина. Муж ее, сын и брат умерли от чумы. Она происходила из царского дома, была богато одета и украшена золотом и дорогими камнями. За ней по направлению к храму бога Пта следовали рабы, на шее которых блестели золотые цепи.

Две женщины Апура увидели ее и подбежали к ней.

– Отдай нам твои золотые украшения! – кричали они.

Без слова, молча женщина сняла с рук золотые кольца, запястья и бросила их к ногам просивших.

Женщины Апура сейчас же подобрали все.

– Где теперь твой муж, сын и брат? – кричали они насмешливо. – Ты, происходящая из дома фараонов? Ты платишь нам теперь за нашу работу, за те кирпичи, которые мы таскали для ваших домов, за палку, которая в руках смотрителя колотила нас по спине? Хорошо, мы возьмем! Скажи, где твой муж, твой сын и брат теперь?

Они ушли, смеясь, а бедная осиротевшая женщина горько заплакала.

Много странного видел Одиссей, гуляя по городу со жрецом. Сначала он хотел отнять все награбленное и возвратить по принадлежности, но жрец Реи строго запретил ему это во избежание неприятностей. Они пошли дальше.

Всюду царила смерть, скорбь и слезы. Здесь мать оплакивала своего ребенка, невеста – любимого жениха. Там Апура с мрачными лицами орали во все горло, звеня священными амулетами, снятыми с умерших людей, а на углу улицы водовоз горько плакал, причитая над своим убитым осликом, зарабатывавшим ему дневное пропитание.

Наконец Скиталец и жрец Реи подошли к храму, находившемуся неподалеку от храма бога Пта. Он был выстроен из черного сиепского камня, на котором были выгравированы изображения священной богини Хатхор. Одна из фигур ее имела голову коровы, другая – лицо женщины, но в руках всегда находились цветы лотоса, а на шее драгоценное ожерелье.

– Здесь, в этом храме, обитает чужеземная Хатхор, за которую ты пил вчера ночью! – сказал Реи. – Это было дерзким вызовом с твоей стороны – пить за нее при царице, которая ненавидит ее, считая причиной всех бедствий Кеми, хотя, в сущности, она неповинна в этом! Колдуны Апура навлекли на нас все наши несчастья!

– Показывалась ли Хатхор сегодня? – спросил Странник.

– Мы спросим об этом жрецов. Следуй за мной, Эперит!

Они прошли аллею сфинксов, стоявших вдоль кирпичной стены, и подошли к воротам башни. Жрец, стоявший здесь, при виде Реи, любимца фараона, широко распахнул ворота перед ними. Пройдя ворота, они остановились у второй башни, и Реи указал Скитальцу портик храма, на котором обыкновенно стоит и поет Хатхор, пока сердца слушателей не растают. Здесь они постучали в дверь и вошли в зал, где собрались жрецы, громко оплакивавшие своих умерших. Увидя Реи, пророка бога Амена, и Скитальца в блестящем золотом вооружении, они замолчали. Старейший из них выступил вперед и поклонился Реи.

Реи взял Скитальца за руку, познакомил его с жрецом и рассказал обо всех его подвигах, добавив, что он спас жизнь фараона, царицы и всех тех, кто уцелел на пиру.

– Скажи мне, – обратился Реи к жрецу, – когда госпожа Хатхор будет петь наверху башни? Чужеземец хочет видеть и слышать ее!

Жрец храма богини Хатхор низко поклонился Скитальцу.

– На третье утро от сегодняшнего дня священная Хатхор появится на портике храма, – ответил он, – но ты могущественный господин, пришедший к нам с моря, послушай моего совета и, если ты не бог, не дерзай взглянуть на ее дивную красоту! Если ты хоть раз увидишь ее, ты погибнешь и участь твоя будет участью несчастных, которые видели ее, полюбили и умерли ради нее!

– Я не бог, а человек, – ответил Скиталец, смеясь, – но, может быть, я осмелюсь взглянуть на нее поближе, несмотря на ее стражу, если сердце мое велит мне посмотреть на нее!

– Ты найдешь смерть и конец всем своим странствованиям! – возразил жрец. – Следуй за мной, я покажу тебе людей, мечтавших завоевать любовь Хатхор! – С этими словами он взял Скитальца за руку и повел через переходы в глубокую и мрачную келью, где золотое вооружение посетителя засияло и заблестело, как свет лампы. Эта келья была сделана в стене, и слабый свет едва проникал в нее. Вдоль комнаты стояли бронзовые ванны, в которых лежали темные фигуры египтян.

При слабом свете было видно, как прислужники мыли тела их и натирали благовонным маслом, но когда Реи и Эперит подошли ближе, все прислужники убежали, как собаки убегают от ночного пира, услышав шаги прохожих.

Удивляясь странному зрелищу, Скиталец взглянул повнимательнее, и его мужественное сердце замерло от ужаса. В бронзовых ваннах лежали мертвецы, плававшие в дурно пахнувшем щелоке.

– Здесь лежат те, – сказал жрец, – кто осмелился проникнуть в святилище богини, где она день и ночь сидит и поет, перебирая струны золотой лютни. Один за другим пытались они обнять ее и умерли. Здесь они готовятся к могиле: мы устраиваем им богатые похороны!

– Да, – произнес Скиталец, – свет мира остался позади

меня, когда я плыл на корабле по кроваво-красной воде священного моря, направляясь в мрачную бездну Фароса. Много ужасов видел я в этой несчастной стране, каких не встречал нигде и никогда за время моих странствий!

– Предупреждаю тебя, – повторил жрец, – если ты последуешь их примеру, то будешь лежать в той ванне!

Скиталец еще раз взглянул на мертвецов и их прислужников и вздрогнул.

Конечно, он не боялся смерти на войне или на море, но здесь было совсем другое. Ему захотелось солнца и свежего воздуха, и он поспешно вышел из кельи, тогда как жрец только улыбался себе в бороду. Одиссей, выйдя на воздух, сейчас же успокоился и начал расспрашивать о Хатхор, где она живет и кем убиты ее поклонники.

– Пойдем, я покажу тебе! – отвечал жрец и повел его по узкой дорожке во двор храма. В центре двора находилось святилище. Это была большая комната, выстроенная из алебастра, свет в которую проникал через крышу. Перед огромными медными дверями висел занавес из дорогой ткани. Небольшая лестница вела из святилища на портик храма.

– В этом алебастровом святилище обитает наша священная богиня! – произнес жрец. – По этой лестнице она взбирается на портик храма. Через занавес мы каждый день подаем ей пищу, но никто из нас не смеет войти туда, никто не видал Хатхор лицом к лицу. Когда богиня кончает петь, то спускается обратно в святилище. Тогда медные двери рас-

творяются настезь, и толпа безумцев бросается к занавесу. Но прежде чем они успевают ворваться в святилище, падают замертво. Мы слышим звон мечей, и смельчаки умирают молча, в то время как Хатхор поет свои дивные песни!

– Кто же убивает их?

– Мы не знаем этого, чужеземец! Никто не знает. Подойди к двери святилища и слушай, быть может, ты услышишь пение Хатхор. Не бойся!

Скиталец недоверчиво подошел ближе, а жрец Реи стоял поодаль. Вдруг из святилища раздался звук чудного пения, и нежные, чистые ноты глубоко тронули сердце Одиссея, напомнив ему родную Итаку, счастливые дни юности. Он сам не мог дать себе отчета, почему сердце его сладко забилося.

– Слушай, – сказал жрец, – Хатхор поет!

Но пение скоро окончилось.

Тогда Скиталец задал себе вопрос: должен ли он сейчас войти в святилище и решить свою участь или переждать некоторое время, и в конце концов решил подождать, чтобы увидеть собственными глазами, что случится с теми, кто попытается подойти к Хатхор.

Простившись со старым жрецом, он вышел из храма вместе с Реи. Проходя по улицам, они опять видели Апура, которые грабили народ Кеми, и вернулись во дворец. Дома Скиталец долго раздумывал, как бы увидеть эту странную женщину, живущую в храме, и избежать бронзовой ванны. В глубоком раздумье он просидел до самой ночи, когда его при-

шли звать на ужин к фараону. Он отправился туда и, встретив фараона и Мериамун в первой комнате, прошел с ними в зал. Пиршественная комната была прибрана, всякий след битвы исчез, кроме нескольких пятен крови на полу и нескольких стрел, воткнувшихся в стены и потолок.

Мрачно было лицо фараона, да и все присутствовавшие также были печальны: смерть и скорбь царили в стране Кемии. Но царица Мериамун не плакала о своем сыне. Гнев терзал ее сердце за то, что фараон отпустил Апура. Пока они сидели и пировали, до них донесся топот бесчисленных ног, мычание скота и торжествующая песнь, подхваченная тысячами голосов.

Пение было так дико и безобразно, что Скиталец схватил лук и побежал к воротам дворца, опасаясь, что Апура бросятся грабить царскую сокровищницу. Царица Мериамун также пошла в ворота. Они оба стояли в тени ворот и скоро увидели огонь факелов. Кучка людей, вооруженных пиками, приближалась к ним, и свет факелов отражался на их золотых шлемах, украденных у египетских солдат. За ними шла толпа женщин, которые плясали, били в тимпаны и пели торжествующие песни.

На некотором расстоянии от них шел высокий чернородый человек, который нес на своих плечах большой вызолоченный гроб с резными изображениями на крышке.

– Это тело их пророка! – прошептала Мериамун. – Рабы! – вдруг крикнула она громко. – Вы умрете с голоду в пустыне

и будете тосковать по сытной пище Кеми. Ни одна душа из всех вас не увидит страны, куда вы стремитесь! Вы будете страдать от жажды, от голода, будете призывать богов Кеми, и они не услышат вас! Вы умрете, и ваши кости превратятся в пыль пустыни! Прощайте! Прощайте! Идите!

Когда Мериамун кричала это, ее взгляд был так ужасен, а слова так зловещи, что народ Апура задрожал и женщины перестали петь.

Скиталец посмотрел на царицу и изумился.

– Я не видал никогда женщины с таким жестоким сердцем! – пробормотал он. – Горе тому, кто встанет на ее дороге в любви или на войне!

– Они не будут больше петь у моих ворот! – сказала Мериамун с усмешкой. – Пойдем, Скиталец, нас ждут!

Она подала ему руку, и они прошли в пиршественный зал.

Долго прислушивались они, пока в темноте ночи шли Апура, бесчисленные, как морской песок. Наконец все ушли, и звуки шагов замерли вдали.

– Ты трус, Менепта, – заговорила раздраженно царица Мериамун, обращаясь к фараону, – труслив, как раб! Ты боишься проклятия ложной Хатхор, которую ты так почитаешь, и, к стыду своему, отпустил народ Апура. Теперь они ушли, проклиная страну Кеми, которая питала их, как мать питает дитя свое!

– Что же мне делать? – спросил фараон.

– Нечего делать, все сделано! – ответила Мериамун. – Что

ты посоветуешь, Скиталец?

– Чужеземцу трудно давать советы! – возразил Скиталец.

– Нет, говори!

– Я не знаю богов этой страны! – отвечал он. – Если народ Апура в милости у богов, то ничего не поделаешь! Если же нет, пусть фараон последует за ними, захватит их и перебьет. Это вовсе не трудно, они идут беспорядочной толпой и обременены пожитками и грузом!

Речь эта понравилась царице. Она захлопала в ладоши и вскричала:

– Слушайте, слушайте добрый совет! Фараон, слушай!

Теперь, когда Апура ушли, страх фараона исчез, он пил вино и становился все смелее. Наконец он вскочил на ноги и поклялся богами Аменом, Осирисом, Пта, своим отцом, великим Рамсесом, что нагонит Апура и перебьет их. Сейчас же фараон послал вестников собрать всех начальников войска и известить правителей других городов, чтобы они собрали своих воинов и готовились в поход. Потом фараон обратился к Одиссею:

– Ты не дал мне ответа еще. Хочешь ли ты служить мне и быть начальником отряда моих телохранителей?

Скитальцу вовсе не хотелось поступать на службу, но он искренно любил войну и битвы. Однако, прежде чем он успел ответить, царица Мериамун быстро взглянула на него.

– Мой совет тебе, Менепта, – произнесла она, – Эперит должен остаться в Танисе и быть начальником моих тело-

хранителей, пока ты уйдешь в поход и будешь преследовать Апура. Я не могу остаться без защиты в этой стране, и если он, этот сильный человек, будет охранять меня, я буду спать спокойно!

Скиталец вспомнил о своем желании взглянуть на прекрасную Хатхор, тем более что любил приключения и новизну, и ответил, что, если угодно фараону и царице, он останется и будет командовать стражей.

Фараон был очень доволен его согласием.

Глава XII. Комната царицы

На другой день ровно в полдень фараон выступил с войсками в поход. Они двинулись через пустыню к Красному морю, в том направлении, куда ушли Апура. Скиталец проводил их в колеснице жреца Реи, который поехал отдельно от войска. Многочисленность солдат удивила Скитальца, но он промолчал и только спросил жреца, все ли войска фараона двинулись в этот поход. Реи ответил, что тут только четвертая часть всего войска, так как нет ни одного наемного солдата из Верхнего Египта.

Скиталец ехал за фараоном, пока дорога не разделилась, затем простился с ним. Фараон подозвал его к себе.

– Клянись мне, Скиталец по имени Эперит, из какой бы ты ни был страны и где бы ни была твоя родина, клянись, что ты будешь честно охранять царицу Мериамун и мой дом, пока я буду в отсутствии! Ты красивее и сильнее других мужей, но мое сердце не доверяет тебе. Быть может, ты коварный человек и навлечешь несчастье на меня!

– Если ты так думаешь, фараон, – ответил Скиталец, – то не заставляй меня охранять царицу. Разве я не доказал тебе свою преданность, защищая тебя и твой дом от мечей разъяренной толпы?

Фараон посмотрел на него долгим недоверчивым взглядом, потом схватил за руку. Скиталец поклялся Афродитой,

Афиной и Аполлоном, что будет верно и честно служить ему во время его отсутствия.

– Я верю тебе, Скиталец, – сказал фараон. – Знай, если ты сдержишь свою клятву, то будешь щедро награжден, будешь вторым лицом после меня в стране Кеми, если же изменишь клятве, то умрешь!

– Я не прошу награды, – возразил Одиссей, – и не боюсь смерти, так как должен умереть и знаю это. Но я сдержу свою клятву!

Он низко поклонился фараону и сел в свою колесницу.

– Не оставляй нас, Скиталец! – воскликнули солдаты, видя, что он отправляется обратно.

Он выглядел таким победоносным в своем золотом вооружении, что казался солдатам богом войны, который покидал их.

Хотя сердце его стремилось за войском, так как он любил войну, он покорно возвратился во дворец к закату солнца.

В эту ночь он сидел на пиру рядом с царицей Мериамун. Когда пир закончился, она приказала ему следовать за собой и привела в свою комнату. Это была красивая, благоуханная комната, слабо освещенная светом ламп. Тут стояли богатые золоченые лежа, а на стенах были нарисованы сцены любви и войны чужеземных богов и царей.

Царица опустилась на вышитые подушки богатого лежа и приказала Одиссею сесть поближе, так, что ее одежда касалась его золотых лат. Он сделал это неохотно, хотя любил

красивых женщин. Сердце предостерегло его от темных загадочных очей царицы.

– Скиталец, мы многим обязаны тебе, мы в долгу у тебя за спасение нашей жизни! – начала царица. – Расскажи мне что-нибудь о себе, о твоей родине, о твоей стране, о войнах, которые ты вел. Скажи, как достал ты это золотое оружие? Несчастный Парис носил такое же, если менестрель сказал правду!

Скиталец искренно проклинал в душе и менестреля, и его песни.

– Менестрели лгут, царица, – сказал он, – и рассказывают старые сказки. Парис также мог носить мое оружие, как и всякий другой человек. Я купил его на Крите и ничего не знаю о его первом владельце. Воевал я часто и много, но вся добыча и женщины обыкновенно доставались царю, а нам – лишь удары мечей!

Мериамун слушала молча, мрачно усмехаясь.

– Странная история, Эперит, странная история! Ну, скажи хотя бы, как достал ты этот волшебный звенящий лук? Такой лук был только у Одиссея!

Скиталец беспомощно оглянулся, как человек, попавший в ловушку.

– Этот лук, госпожа? – ответил он. – Он достался мне чудесным образом. Я высадился с грузом железа на западный берег острова. Чума опустошила остров, я нашел в развалинах одного дома этот лук и взял себе. Хороший лук?

– Чудесная история в самом деле, чудесная история! – насмешливо произнесла царица. – Случайно ты купил вооружение Париса, случайно нашел лук, которым богоподобный Одиссей убил врагов в своем доме. Знаешь ли, Эперит, когда ты стоял в своем вооружении в нашем пиршественном зале, когда лук твой звенел, а стрелы, яростно жужжа, летели на врагов, я подумала, что это лук Одиссея. Слава его облетела весь мир, дойдя до Египта!

Она загадочно взглянула на него.

Лицо Скитальца омрачилось. Да, он слышал также об Одиссее, но не особенно верил слухам. Между тем царица приподнялась со своего ложа и, извиваясь, как змея, гибким движением приблизилась к нему, устремив на него свои задумчивые очи.

– Странно, странно, что Одиссей, сын Лаэрта, не знает ничего о своих подвигах. Ты, Эперит, ведь ты – Одиссей, я знаю это!

Скиталец был приперт к стене, но нашелся.

– Люди говорят, – произнес он, – что Одиссей странствовал на севере. Я видал его, но он выше меня ростом!

– Я тоже слышала, – возразила царица, – что Одиссей двуличный человек, как лисица. Взгляни мне в глаза, Скиталец, взгляни в мои глаза – и я скажу тебе, Одиссей ты или нет!

Она перегнулась вперед так, что ее роскошные волосы распустились, и уставилась ему в лицо.

Скитальцу было стыдно опустить глаза перед женщиной,

а встать и уйти он не мог и вынужден был смотреть ей в глаза. Пока она смотрела, голова его закружилась, кровь закипела в жилах.

– Обернись, Скиталец, – прозвучал голос царицы, и ему казалось, что этот голос звучал откуда-то издалека, – и скажи мне, что ты видишь!

Он обернулся и посмотрел в темный конец комнаты. Там блеснул слабый свет, подобный первым лучам зари. В этом свете он увидел фигуру в виде деревянной лошади, а за лошадью вдали виднелись огромные каменные башни, ворота, стены и дома города. В боку лошади отворилась дверь, и из нее выглянула голова человека в шлеме. Слабый свет озарил лицо человека, это было его собственное лицо! Скиталец вспомнил, как он прятался в лошади, стоявшей внутри стен Трои. Вдруг большая белая звезда, казалось, упала с неба на осажденный город, предвещая конец его.

– Смотри опять! – произнес голос Мериамун.

Он снова взглянул в темноту и увидел устье пещеры. Над широко разросшимися пальмами сидели мужчина и женщина. Месяц выплыл на небо, над высокими деревьями, над пещерой и озарил сидящих людей. Женщина была прекрасна, с вьющимися волосами, одетая в блестящее платье, но глаза ее были полны слез. То была богиня Калипсо, дочь Атласа. Мужчина был он сам, хотя лицо его было устало, измучено тоской по родине. Скиталец вспомнил, как сидел рядом с Калипсо однажды ночью на ее острове в центре морей.

– Смотри еще! – прозвучал голос Мериамун.

Снова взглянул он в темноту и увидел развалины своего дома на Итаке, кучу праха и костей. Около этих останков лежал человек в глубокой скорби и отчаянии. Когда он поднял голову, Скиталец узнал свое собственное лицо. Вдруг мрак распространился в комнате. Снова кровь прилила к его голове, и он увидел царицу Мериамун, сидевшую около него с мрачной улыбкой.

– Странные вещи ты видел, Скиталец? – спросила она. – Не правда ли?

– Да, царица, очень странные! Скажи мне, каким образом ты вызвала все эти видения?

– Силой моего колдовства, Эперит. Я искуснее всех колдунов, живущих в Кеми, и могу узнать все прошлое тех, кого люблю! – взглянула она на него. – Я могу вызвать тени прошлого и заставить их снова ожить. Разве ты не видел лицо Одиссея из Итаки, сына Лаэрта, твое собственное лицо?

Скиталец понял теперь, что увертываться больше нельзя, и поневоле должен был сказать правду.

– Да, царица, я видел свое собственное лицо – лицо Одиссея из Итаки и сознаюсь, что я никто другой, как Одиссей, сын Лаэрта.

Царица громко засмеялась.

– Велико же мое искусство, – произнесла она, – если я заставила сознаться хитрейшего из людей. Знай же, Одиссей, что глаза царицы Мериамун видят далеко! Скажи мне прав-

ду теперь, зачем ты приехал сюда? Кого ты ищешь?

Скиталец задумался. Он вспомнил сон Мериамун, о котором ему рассказывал Реи, вспомнил слова мертвой Натаски и испугался. Он отлично понимал, что был тем человеком, которого Мериамун видела во сне, но не мог принять ее любовь в силу своей клятвы фараону и потому еще, что должен был отдать свое сердце только «Мечте мира» – Золотой Елене.

Положение было отчаянное. Нужно было или нарушить клятву, или оскорбить царицу! Скиталец боялся гнева богов и решил как-нибудь вывернуться.

– Царица! – произнес он. – Я скажу тебе все! Я приехал с далекого севера в родную Итаку и нашел свой дом в развалинах, а всех людей умершими. От жены моей остался только прах. Ночью я видел во сне богиню Афродиту, которую здесь называют Хатхор; она приказала мне уехать и обещала, что я найду прекрасную женщину, которая ожидает меня и которую я полюблю бессмертной любовью!

Мериамун выслушала его, вполне уверенная, что она была той женщиной, которую Афродита обещала ему и послала искать. Прежде чем Одиссей успел что-либо сказать, она скользнула к нему, как змея, обвилась вокруг него, заговорив так тихо, что он едва мог слышать ее слова.

– Правда ли это, Одиссей? Действительно ли богиня послала тебя искать меня? И не одному тебе она сказала это. Я также ждала тебя, ждала того, кого должна была полюбить.

Как тяжела и скучна была моя жизнь, как пусто было сердце все эти годы, когда я тосковала по любви! Наконец ты пришел, я вижу того, кого видела в моих снах!

Мериамун приблизила свое лицо к лицу Одиссея, и ее сердце, ее глаза, ее губы говорили ему: «Люблю, люблю!»

Одиссей обладал стойким и терпеливым сердцем и не боялся опасностей. Но ему никогда не приходилось быть в таком положении: он был связан по рукам и ногам и попал в силки, из которых не мог вырваться. С одной стороны любовь, с другой – нарушенная клятва и потеря «Мечты мира», которой он никогда не увидит.

Однако даже теперь обычное мужество и хладнокровие не покинули его.

– Царица! – сказал он. – Мы оба грезили. Если ты видела во сне, что я должен быть твоей любовью, то проснулась уже супругой фараона. Фараон – мой хозяин, я дал ему клятву беречь и охранять тебя!

– Проснулась супругой фараона! – устало повторила Мериамун его слова. Руки ее соскользнули с его шеи, и она снова откинулась на ложе. – Я супруга фараона только по имени! Фараон для меня ничто, мы чужие друг другу!

– Все равно я должен сдержать свою клятву, царица, – ответил Скиталец. – Я клялся Менепте оберегать тебя от всякого зла!

– А если фараон не вернется более, тогда что, Одиссей?

– Тогда мы поговорим. А теперь, царица, ради твоей без-

опасности я должен осмотреть стражу!

Он молча поднялся с места и ушел.

Царица Мериамун посмотрела ему вслед.

– Странный человек! – прошептала она. – Он ставит свою клятву преградой между собой и той, которую любит и ради которой приехал издалека! И за это я уважаю его еще более! Ну, фараон Менепта, супруг мой, ешь, пей и веселись! Коротка будет твоя жизнь – я обещаю тебе это!

Глава XIII. Храм гибели

Тревожное чувство охватило Скитальца поутру, когда он вспомнил все, что видел и слышал в покое царицы; и опять он стоял на распутье, опять ему предстоял выбор между этой женщиной и той клятвой, которая для него священной всего. Правда, Мериамун прекрасна и умна, но он страшился ее любви, ее чародейства и страшился мщения в минуту гнева. Оставался один исход – оттягивать время, насколько возможно, дожидаться возвращения царя и тогда как-нибудь найти предлог покинуть город Танис и продолжать искать по свету «Мечту мира».

Где-то далеко, думал он, бежит таинственная река, о которой ходит столько преданий в стране. Она вытекает из земли Эфиопов, самых праведных из людей, за трапезу которых садятся сами боги. Вверх по этой священной реке, в тех местах, куда никогда не проникала людская неправда и грех, если угодно будет судьбе, он, быть может, встретит златокудрую Елену!

«Да, если судьбе будет угодно, – мысленно повторил он, – но ведь и все случившееся со мной до сих пор было угодно судьбе, которая во сне показала меня Мериамун». И Одиссею казалось, что как он плыл по течению во мраке через кроваво-красное море к берегам Кеми, так ему суждено брести в крови до берегов Судеб, предназначенных богами.

Но спустя немного он отогнал от себя эти скорбные мысли, встал, совершил омовение, натираясь благовонными маслами, расчесал свои темные кудри, опоясался мечом и надел свои золотые доспехи, так как ему вспомнилось, что сегодня тот день, когда чудесная Хатхор, стоя на пилоне храма, будет призывать к себе людей, – и Скиталец решил увидеть ее, а если нужно, то и сразиться с ее стражей. Помолясь Афродите о помощи и содействии, он сделал возлияние вина на ее алтарь и стал ждать, но ждал напрасно: ответа не было на его мольбу. Но в тот момент, когда он повернулся, чтобы уйти, взгляд его случайно упал на его собственное отражение в большой золотой чаше, из которой он делал возлияние, и ему показалось, что он стал прекраснее и моложе, что черты его утратили отпечаток прожитых лет, лицо стало нежно и юно, как лицо Одиссея, который много лет тому назад отплыв на черном судне, оставив за собой дымящиеся развалины злополучной Трои.

В этом превращении Скиталец видел вмешательство благосклонной к нему Афродиты, которая хотя и не проявляла своего присутствия в этой стране чуждых ей богов, но неизменно пребывала с ним. При мысли об этом на душе у него стало легко, как у мальчика, которому не знакомы ни горе, ни печали, а мысль о смерти никогда не является даже во сне.

Подкрепив свои силы яствами и вином, Одиссей поднял свой меч, дар Евриала, и собрался выйти из дома, как к нему вошел жрец Реи.

– Куда собрался ты, Эперит? – спросил ученый жрец. – Да скажи, что сделало тебя таким красивым и юным, словно десятки лет упали с твоих плеч?

– Что? Сладкий, крепкий сон! – ответил Скиталец. – Эту ночь я отлично спал, и усталость моих долгих скитаний отлетела от меня; я стал тем, каким был, когда отправлялся в путь через кроваво-красное море во мраке ночи!

– Продай ты секрет этого сна красавицам Кеми! – не без лукавства заметил престарелый жрец. – И ты ни в чем не будешь знать недостатка во всю свою жизнь!

– Я собрался в храм богини Хатхор, так как тебе, вероятно, известно, что сегодня она будет стоять на краю пилона и призывать к себе людей. Пойдешь ты со мною, Реи? – спросил Скиталец.

– Нет, нет, не пойду! Хотя я стар и кровь уже медленно течет в моих жилах, но, как знать, быть может, если я посмотрю на нее, безумие овладеет и мной и я, подобно другим, устремлюсь на свою погибель! Конечно, есть возможность слышать голос Хатхор и не погибнуть навек: это дать завязать себе глаза, как это делают многие. Но и это средство редко помогает, так как почти каждый срывает повязку с глаз и смотрит на нее, а затем умирает. Не ходи ты туда, Эперит, прошу тебя, не ходи! Я люблю тебя, сам не знаю за что, и не хочу видеть тебя мертвым, хотя, быть может, для тех, кому я служу, было бы лучше, чтобы ты умер! – добавил задумчиво жрец как бы про себя.

– Не бойся, Реи! – успокоил его Скиталец. – Что суждено, того не миновать! Пусть никто не скажет, что тот, кто шел с оружием в руках против Сциллы, устрасился какой бы то ни было опасности или какой бы то ни было любви!

Слушая его, Реи ломал руки и чуть не плакал, так как ему казалось ужасным, чтобы такой хороший человек и такой великий герой пал такую смертью. Но Скиталец не внял его мольбам и вышел из города. Жрец пошел проводить его. Скоро они вышли на дорогу, уставленную по обеим сторонам каменными сфинксами, которая вела от кирпичной наружной городской стены до самых садов храма Хатхор. По этой дороге двигались теперь толпы мужчин всех народов и всех возрастов и сословий, начиная с принца, которого несли в драгоценных носилках богато одетые рабы, и молодого родовитого богача в раззолоченной колеснице, кончая обрызганными грязью, изможденными рабами, несчастными калекками, слепцами. За каждым мужчиной шли плачущие женщины. То были жены, матери, сестры или невесты путников. Ласковой речью и слезной мольбой старались они удержать своих близких от путешествия к Хатхор.

– Ах, сын мой, сын мой! – воскликнула престарелая женщина. – Внемли голосу матери, не ходи туда, не смотри на нее! Ты увидишь ее и должен будешь умереть, а ты один остался у меня: два брата было у тебя, я их родила и вырастила, и оба они умерли, а теперь и ты тоже идешь на смерть! Откинь от себя это безумие! Ты мне дороже всех! Вернись

со мною в город, вернись, сын мой!

Но сын не слушал матери и спешил все вперед и вперед к воротам Желания Сердца.

– О мой супруг, мой ненаглядный супруг! – с плачем молила молодая женщина знатного рода, прекрасная собой, с младенцем на руках; одной рукой она держала свое дитя, другой ухватилась за шею мужа. – Я ли не любила тебя? Я ли не берегла тебя, не угождала тебе? Зачем же ты идешь туда смотреть на смертоносную красоту Хатхор? Ведь говорят, что она поражает красотой смерти! Разве ты совсем не любишь меня? Не любишь меня больше, чем ту, которая умерла пять лет тому назад, ту Меризу, дочь Рои, которую ты любил раньше меня? Смотри же, вот твое дитя! Ему всего еще одна только неделя... Я встала с ложа болезни, ты это знаешь, чтобы последовать за тобой, и, быть может, поплачусь за это жизнью. Вот твой ребенок! Пусть он умолит тебя! Ради него откажись от своего безумия... Пусть я умру, если так суждено, но ты не иди на смерть! То не богиня, то злое наваждение, злой дух, вырвавшийся из преисподней, и ради нее ты идешь на гибель! Если я не по душе тебе, возьми лучше другую жену, я охотно приму ее в свой дом, только не ходи туда, где тебя ждет верная смерть!

Но глаза мужа были устремлены на край пилона, он не слушал голоса жены, а та продолжала молить его, истощая последние силы, пока не упала на краю дороги, где несчастная женщина и ребенок, наверное, были бы растоптаны несущими

щимися к храму Хатхор колесницами, если бы Скиталец не отнес их в сторону от дороги.

И отовсюду неслись мольбы и слезы женщин, а толпы мужчин, невзирая на них, шли на смерть.

– Видишь теперь власть любви над людьми? – сказал жрец Реи. – Видишь, что женщина, если только она достаточно хороша, может привести к гибели всех мужчин?!

– Вижу странное зрелище, – отвечал ему Скиталец, – и верю, что много крови и слез лежит на совести у этой богини Хатхор!

– А ты хочешь еще отдать ей и свою!

– Этого я не хочу, но взглянуть на нее, видеть ее лицо я должен, и ты не говори больше об этом!

Разговаривая таким образом, два друга пришли на громадную площадь перед бронзовыми воротами пилона, ведущими во внешний двор. Здесь столпилась многотысячная толпа; вскоре к воротам подошел жрец Хатхор и, взглянув сквозь решетку ворот, провозгласил:

– Желающие войти во двор и видеть святую Хатхор пусть подойдут ближе! Слушайте, Хатхор будет принадлежать тому, кто сумеет добыть ее; если же он не сможет пройти к ней, то падет, будет схоронен под храмом и никогда больше не увидит лица Солнца. С того времени, как Хатхор вновь вернулась в Кеми, 703 человека отправились добывать ее, и 702 трупа лежат теперь под сводами этого храма, так как из числа всех их один только фараон Менепта вернулся живым. Но

места много еще для желающих – и потому кто хочет видеть чудесную Хатхор, пусть войдет.

Тут вопли и мольбы женщин вновь огласили воздух, с плачем повисли они на близких сердцу. После долгих усилий некоторые сумели восторжествовать, но таких счастливиц было немного.

– Нет, ты, конечно, не войдешь во двор, – упрашивал Скитальца Реи, удерживая его за руку. – Образумься, молю тебя, отвори лицо от смерти и вернись к жизни!

– Не трудись удерживать меня, Реи, я решил войти и войду! – отвечал Скиталец.

Тогда жрец Реи посыпал главу прахом и громко заплакал, потом, накрывшись плащом, побежал, не останавливаясь, ко дворцу царицы Мериамун.

Тем временем жрец у бронзовых ворот храма Хатхор отодвинул засовы, и мужчины, которыми овладело безумие страсти, один за другим стали входить в ворота. Два других жреца стали желающим завязывать глаза, чтобы они не видели красоты Хатхор, а только слышали сладкозвучный, манящий голос ее. Однако двое посетителей не пожелали идти с завязанными глазами; один из них был супруг той женщины, которая упала при дворе, другой же был слепцом от рождения. Хотя последний не мог надеяться увидеть Хатхор, но был охвачен безумием страсти от одного звука ее голоса.

Когда все уже вошли, кроме Скитальца, сквозь толпу прорвался человек, запыленный от дальнего пути, с черной бо-

родой и растрепанными волосами, с горящими от возбуждения черными глазами и орлиным носом, придававшим ему сходство с хищной птицей.

– Стойте! Стойте! Не запирайте ворот! – кричал он. – День и ночь я спешил сюда, оставив жену, детей и стада, забыв про обетованную землю, бежал сюда от Апура, ушедших в пустыню, бежал для того только, чтобы еще раз взглянуть на красоту Хатхор!

– Ну, проходи, проходи! – проговорил насмешливо жрец. – Таким путем мы избавимся хоть от одного из тех, которых Кеми вскормила и вспоила для того, чтобы они ограбили ее².

В тот момент, когда жрец уже запирали за запоздавшим безумцем ворота, в них вошел Скиталец, и ворота захлопнулись. Ему также предложили было надеть повязку на глаза, но он отказался, заявив, что пришел сюда, чтобы видеть все, что можно видеть.

– Иди же, безумец, иди и умри, подобно другим! – проговорил жрец, и отвели его и всех остальных на середину двора, откуда можно было видеть верх пилона. Затем жрецы и себе завязали глаза и распростерлись на земле лицом вниз. Все стихло как во дворе, так и за стеною: все ожидали явления Хатхор.

Скиталец обернулся и взглянул сквозь бронзовую решет-

---

² Как известно, израильтяне при исходе из Египта захватили много драгоценностей египтян.

ку ворот на толпу, оставшуюся на площади перед храмом. Там все стояли неподвижно, в каком-то оцепенении, даже женщины перестали плакать. Глаза всех были устремлены вверх, на пилон. Наступал полдень, яркий, знойный полдень, красный диск солнца достиг зенита, и его сверкающие, палящие лучи ослепительным снопом падали на край пилона.

Вдруг издалека стали доноситься нежные звуки сладкого, чарующего голоса, звуки все росли и приближались, становясь все нежней. При первых нотах их из груди каждого вырвался вздох, невольный вздох, от которого и Скиталец тоже не мог удержаться.

Наконец находившиеся вне двора, на площади, издали увидели Хатхор – и глухой не то рев, не то стон пронесся над толпой. Безумие овладело людьми; подобно бурному пенящемуся потоку, с диким бешенством устремилась толпа на бронзовую решетку ворот, на высокую каменную стену ограды. Мужчины бились грудью и головой об эту преграду, теснили, давили друг друга, взбирались на плечи одни другим, грызли решетку зубами, между тем как жены и матери, сестры и невесты этих безумцев старались образумить их, посылая проклятия чародейке, красота которой лишала рассудков этих людей, превращая их в бешеных безумцев, не помнивших себя.

Скиталец также поднял глаза. Перед ним на краю пилона вся залитая солнцем стояла женщина. При ее появлении все смолкло, точно замерло. Она была высока и стройна, в

сияющей белой одежде; на груди ее был громадный кроваво-красный рубин в виде звезды; и звезда эта роняла, словно капли крови, красные пятна на ее белые одежды, но пятна эти вновь бесследно исчезали, не нарушая ее девственной белизны. Золотистые кудри чародейки разметались по плечам, ниспадая до земли, руки и плечи были обнажены. Одною рукой она прикрывала лицо, как бы желая затенить отчасти свою ослепительную красоту. Да, это была сама красота!

Те, кто еще не любил, находили в ней свою первую любовь; те же, что уже любили, видели в ней ту первую любовь, которую каждый из них утратил. И все вокруг нее было блеск, свет и красота! Голос ее был дивной музыкой, ласкающей слух и томящей душу, в нем было что-то сулящее счастье, усладу и негу, что-то манящее душу в неизведанную даль и будившее в каждом мечты и желания.

Сердце Скитальца дрожало в ответ на ее песню, как дрожат струны арфы под искусной рукой вдохновенного певца.

А пела она странную песнь:

Та, к кому страстно манила тебя

Чистой любви мечта,

Та, о ком долго скорбела душа,

Видишь, она твоя!

Та, что другому была отдана,

Забыла обет свой любя,

Та, что давно для земли умерла,

Воскресла вновь для тебя!

Она смолкла, и стон страстного томления прозвучал над толпой. Скиталец увидел, что стоявшие вокруг него люди срывали свои повязки судорожно дрожащими пальцами, только одни жрецы не шевелились, оставаясь распростертыми на земле, хотя и они тоже стонали тихо и протяжно. Между тем Хатхор вновь запела, продолжая закрывать лицо своей рукой. Теперь она пела о том, что все, так страстно ищущие ее, толпящиеся у подножия пилона, забывают, что она должна погибнуть от меча любви, покорившей ее, от любви, смявшей ее подвенечный наряд и цветы. Она пела еще, что любовь и красота живут только в воображении людей, что красота меркнет от первого прикосновения, что она блекнет в ночные часы, гаснет при свете зари, а с рассветом умирает любовь.

Певица смолкла, кругом царило молчание. Вдруг она подалась вперед на самый край пилона, так, что, казалось, должна была упасть, и, протянув вперед руки, как бы желая обнять всех толпившихся внизу, предстала им во всей своей ослепительной красоте, лучезарная и сияющая, торжествующая и манящая.

Скиталец взглянул на нее и тотчас же опустил глаза в землю, как человек, ослепленный ярким лучом полуденного солнца. Ум его помрачился, весь мир перестал существовать для него, в душе воцарился хаос, а в ушах стоял шум безум-

но кричавшей и волновавшейся толпы.

– Смотрите! Смотрите! – воскликнул один. – Видите вы ее волосы? Они чернее вороньего крыла, а глаза ее темны, как ночь!.. О несравненная!..

– Глядите! Глядите! – кричал другой. – Небо бледнеет перед бирюзой ее глаз! Какая статуя, какой мрамор сравнится с ней в белизне!

– Да, именно такую была та, которую я много лет тому назад назвал своей женою! – шептал третий. – Да, это она, такой она была, когда я в первый раз откинул ее покрывало!

– Видал ли кто такой царственный стан, такое гордое чело? – восхищался четвертый. – Видите эти темные, страстные очи, эту бурю страстей, отраженную в них, видите эти полные губы, этот вызывающий вид?.. Поистине, это богиня, перед которой все должно преклоняться!

– Нет, не такой вижу я ее! – кричал человек, бежавший из пустыни от Апура. – Она бледна и бела, как лилия, стройна, высока и хрупка, как хрустальный сосуд. Как каштаны, темны ее шелковистые кудри, как глаза лани, широко раскрыты прекрасные карие очи ее. Печально смотрят они на меня, молят меня о любви!..

– Я прозрел! – восклицает слепец. – Глаза мои раскрылись при блеске ее красоты. Я вижу высокий пилон, вижу яркое солнце. Любовь коснулась моих очей, и они прозрели, но в моих глазах у нее не один облик, а множество обликов самых различных. Это сама красота! Язык не в силах передать ее.

Дайте мне умереть. Дайте умереть, так как я прозрел и видел воплощение красоты, и теперь знаю, чего напрасно ищут все люди по свету, из-за чего мы умираем, чего жаждем и что надеемся найти в смерти, – это тот же идеал вечной красоты.

Глава XIV. Стражи- охранители священных врат

Шум и гомон толпы то рос, то замирал, эти люди взывали к разным женщинам, умершим или живым, которых они некогда любили; некоторые хранили безмолвие, точно оцепенев при виде этой красоты. Скиталец же только раз взглянул на Хатхор, затем опустил глаза на землю и теперь стоял, закрыв лицо руками. Он один из всех старался собраться с мыслями и дать себе отчет в том, что происходило в его душе, остальные же всецело поддались безумию страсти или были поражены, как громом, чудесной красотой этой женщины.

Что же он такое видел? Неужели ту, которую он искал всю свою жизнь, искал на морях и на суше, сам не зная, чего он искал; то, чего жаждал он всю жизнь, и теперь еще томимый голодом по неизвестному, по тому идеалу красоты, которому нет воплощения. Он явился сюда – и неужели, неужели, неужели он нашел наконец удовлетворение всему?

Между нею и ним лежала еще непреодолимая преграда – смерть! Неужели ему суждено преодолеть эту преграду и восторжествовать там, где все до него встречали погибель. Или то был обман зрения? И он видел лишь образ, созданный его воображением, видел мимолетное видение, вызван-

ное каким-нибудь тайным колдовством страны воспомина- ний?

Он снова взглянул и увидел там, на краю пилона, краса- вицу девушку с бронзовой урной на голове, он сразу узнал ее. Да, он видел ее такой при дворе царя Тиндара в то время, как он на своей колеснице переезжал через поток Эрота; та- кою же видел он ее и в своем сне на безмолвном острове.

Он снова вздохнул и снова взглянул на нее, но теперь уви- дел перед собой прекраснейшую женщину с лицом той же девушки, но ставшим еще прекраснее, хотя печальнее и вме- сте с тем тронутым явным сознанием стыда или позора. Та- кою он видел ее в башнях Трои, куда прокрался в одежде нищего странника из лагеря ахейян; такую видел ее, когда она спасла ему жизнь в Илионе. Да, это была златокудрая Елена.

Между тем чародейка стояла на краю пилона, простирая вперед руки и устремив глаза вдаль с лучезарной, сияющей улыбкой на светлом, прекрасном лице, улыбкой, подобной бесконечной улыбке рассвета. И Скиталец понял, что это и есть воплощение самой красоты, ниспосланной на землю бессмертными богами на усладу и гибель людей.

Там стояла златокудрая, прекрасная Елена, раскрывая свои объятия миру, ослепленному красотой, и в то время, когда люди вблизи едва смели дышать, она призывала всех прийти и взять то, что так ревниво оберегается ото всех на земле, что так недоступно смертным.

Она снова запела и постепенно стала удаляться, пока на-

конец не скрылась совершенно из глаз людей, и от чудесного видения не осталось ничего, кроме сладких звуков ее постепенно замирающего голоса.

Вскоре все смолкло, и снова безумие овладело людьми. Те, что видели и слышали ее, не помнили себя, а люди вне двора опять устремились на решетку ворот, на каменную стену ограды; женщины же с плачем отчаяния проклинали красоту Хатхор и обвивали руками шеи своих близких. Вскоре почти все, находившиеся во дворе, кинулись к решетчатым воротам внутреннего двора, где стоял алебастровый храм святилища Хатхор. Некоторые бросились на землю и впивались пальцами в прутья решетки или извивались, подобно раненым змеям, на земле в припадке бешеной страсти, другие в безумном порыве устремлялись на ворота, спотыкались о камень, падали и ползли на руках, затоптанные другими такими же безумцами. Из всех этих людей, проникших во внешний двор и видевших красоту Хатхор или слышавших ее голос, очень немногие возвращались назад; все были заранее обречены на гибель и смерть.

Между тем жрецы сняли повязки со своих глаз и широко распахнули ворота. Всего в нескольких шагах от безумцев заколыхалась, словно от порыва ветра, завеса святилища, так как двери за этой завесой были теперь раскрыты, и сквозь тяжелую тирскую ткань завесы снова доносились томительно сладкие, манящие звуки голоса Хатхор.

– Подходите! Подходите ближе! – взывал старый жрец. –

Пусть тот, кто желает овладеть прекрасною Хатхор, подходит ближе!

В первый момент Скиталец готов был кинуться вперед, но в нем страсть еще не успела всецело поработить рассудок, и он укротил свое пылкое, бурно kloкотавшее сердце, уступив место другим, чтобы видеть, что будет с ними.

Между тем несчастные безумцы то устремлялись вперед, то отбегали назад под влиянием страсти или страха смерти, пока наконец слепец не пробрался вперед.

– Чего вы боитесь, трусы? – крикнул он. – Я не боюсь ничего! Лучше еще раз взглянуть на лучезарную красоту Хатхор и умереть, чем оставаться живым и не видеть ее более! Ведите меня прямо туда, жрецы, ведите прямо к ней, в худшем случае я могу только умереть!

Жрецы подвели его к самой завесе и сами отступили назад, а он с громким криком рванулся вперед, но тотчас же завертелся, как оторванный лист в осеннюю пору при ветре, и был откинут назад. Опять поднялся он на ноги и снова устремился вперед, и опять был отброшен назад. Он еще повторил свою попытку, раздавая бешеные удары направо и налево своей клюкой. Вдруг послышался глухой звук как бы от расколотого щита, клюка раскололась в щепки, лязг мечей и шум ожесточенной битвы наполнил воздух. Затем все стихло, и слепец упал мертвым на землю, хотя Скиталец не мог заметить на нем ни одной раны.

– Подходите! Подходите ближе! – зывали жрецы. – Этот

пал, очередь за другими. Пусть желающий овладеть несравненной Хатхор подходит ближе!

Тогда кинулся вперед беглец из пустыни, но был тотчас же отброшен, а на третий раз, когда он повторил свою попытку, вновь послышался лязг мечей – он тоже пал мертвым.

– Подходите! Подходите! – снова приглашали жрецы. – Пал и этот, очередь за другим!

И вот один за другим безумцы стали кидаться вперед, и один за другим падали мертвыми под ударами невидимых стражей-охранителей святилища, пока наконец не остался один только Скиталец.

– Неужели и ты хочешь идти на верную смерть? – обратился к нему один жрец. – Видишь, сколько их было тут? Пусть это послужит тебе уроком! Одумайся и откажись от роковой мысли!

– Никогда! – воскликнул Скиталец. – Никогда не отступал я ни перед человеком, ни перед призраком! – И, выхватив из ножен свой короткий меч, пошел вперед, защищая голову своим широким щитом.

Жрецы отступили, чтобы видеть, как он будет умирать.

Скиталец успел заметить, что никто из его предшественников не был сражен прежде, чем оказывался на самом пороге святилища, и, вознеся моление к Афродите, стал медленно подходить, на расстоянии длины одного лука от порога он остановился и стал прислушиваться. Теперь он мог даже разобрать слова песни Хатхор. И так прекрасна была эта

песня, что он на некоторое время позабыл о стражах-охранителях врат святилища и о том, как бы побороть их, проложив себе путь мимо них. Все внимание его поглотила песня, которую волшебница пела на его родном ахейском языке:

«Воспойте на струнах, золотых и пурпурных, все битвы и войны героев из-за меня, из-за прекрасной аргивянки Елены! Воспойте бури и разорения на море и на суше, сказанья любви и печали, что были в прошедшем и будут еще. Воспойте ее золотистые кудри, до которых не коснулись седины за долгие годы минувших времен. Воспойте ее красоту, всесильную властительницу мира и его жалких рабов. Гбре, мне, любимой некогда всеми героями, но никого не любившей! Горе мне, которой слышны стоны героев, павших за меня посреди развалин их родных городов, разоренных до тла. Неужели ж нет ни богов, ни смертных, нет ни одного, чье бы сердце отозвалось на призыв моей тоски и кого бы я полюбила прежде, чем всему придет конец?»

И песня замерла.

Тогда Скиталец вдруг вспомнил о стражах-охранителях и предстоящей борьбе с ними. Он уже приготовился накинуться на невидимого врага, как вдруг снова раздалась дивная музыка и вновь приковала его к месту. Теперь Хатхор пела о том, что в груди ее проснулась жажда любви, что сердце вострепелось и просит былых радостей.

Когда певица снова смолкала, Скиталец, мысленно призвав на помощь богов, львиным прыжком очутился на поро-

ге, и щит его громко сшибся с другими щитами, преграждавшими ему путь. Чьи-то сильные невидимые руки схватили его, чтобы отбросить назад. Но не слабый, бессильный юнец был Скиталец, а сильнейший из людей, оставшихся в живых после смерти Аякса, сына Теламона. Жрецы Хатхор невольно изумлялись, видя издали, как он сыпал удары меча, не отступая ни на шаг назад. Вдруг раздался лязг мечей, и со всех золоченых доспехов Скитальца, которые некогда носил богоподобный Парис, со щита, шлема, с нарамников и нагрудника дождем посыпались искры, словно из железа на наковальне под ударами тяжелого молота кузнеца.

Точно град, сыпались на Скитальца удары невидимых мечей, но того, кто в своих золоченых доспехах неустрашимо стоял под ними, не коснулся ни один удар. Вдруг Скиталец понял, что невидимых врагов, преграждавших ему доступ, не стало, так как никто больше не наносил ему ударов, и его меч не встречал другого меча, а только свистал в воздухе.

Тогда он рванулся вперед и очутился за завесой в самом святилище.

В тот момент, когда завеса упала за ним, там снова раздалось тихое пение. Скиталец не в силах был двинуться дальше и стоял, как прикованный, устремив свой взгляд в глубь святилища.

Лязг железа о железо, удар стали о сталь.

Слышишь, звуки эти опять раздаются.

То воюет со смертью, и смерть побеждает всех смертных.
Живых убивают убитые!

Лязг железа о железо, словно музыка, вторит песне моей.
Словно музыка, вторит он жизни моей.

Духи тех, что когда-то любили меня, но любовь вашу
сразила всесильная смерть.

Но ненависть вашу и смерть победить не могла.

Неужели же нет никого, кто бы мог овладеть мной из
всех, в ком еще сохранилось дыхание жизни?

Неужели же нет никого, кто бы зависть коварной судьбы
превозмог?

Песня замерла. Скиталец поднял глаза и увидел перед собой три тени, тени могучих людей в полных ратных доспехах. Всмотревшись в них, он узнал их: то были герои, давно уже павшие в брани: Пейритой, Тезей и Аякс. При виде его все трое воскликнули вместе:

– Приветствуем тебя, Одиссей из Итаки, сын Лаэрта!

– Приветствую тебя, Тезей, сын Эгея, – воскликнул, в свою очередь, Скиталец. – Помню, ты некогда ходил в жилище Гадеса и живым возвратился оттуда! Разве ты вновь переплыл Океан и живешь, как и я, под лучами горячего солнца? Я когда-то искал тебя в жилище Гадеса и не нашел тебя там!

Тень Тезея отвечала ему:

– В жилище Гадеса я пребываю и теперь, а то, что ты видишь перед собой, только тень, посланная сюда царицей

Персефоной стоять на страже красоты златокудрой Елены!

– Привет тебе, Пейритой, сын Иксилона! – сказал Скиталец. – Овладел ли ты наконец грозной Персефоной? Почему Гадес разрешает своему сопернику бродить под солнцем? Некогда я искал тебя в жилище Гадеса и не нашел тебя там.

Тень героя отвечала:

– В жилище Гадеса я пребываю и теперь, а то, что ты видишь, лишь тень, что следует всюду за тенью Тезея! Где он, там и я, наши тени неразлучны, мы оба охраняем здесь красоту златокудрой Елены!

– Приветствую тебя, Аякс, сын Теламона! – возгласил снова Скиталец. – Ты еще не забыл своей ненависти ко мне из-за этого проклятого оружия Ахиллеса, Пелеева сына. Я когда-то говорил с тобою в жилище Гадеса, но ты не сказал мне в ответ ни единого слова: так велик был твой гнев на меня!

И отвечала ему тень героя:

– Я ответил бы тебе ударом меча на удар меча и гулом меди, если бы был еще живым человеком и глаза мои видели солнечный свет. Но я могу сражаться только призрачным копьем и призрачным мечом, и под ударами их могут пасть только заранее обреченные на смерть люди: я ведь только тень Аякса, пребывающего в жилище Гадеса. Царица Персефона послала меня охранять красоту златокудрой Елены!

Тогда сказал им Скиталец:

– Скажите же мне, герои, сыны героев, воспрещают ли боги мне, оставшемуся в живых, вопреки всему идти дальше

и увидеть то, что вы так ревниво охраняете, несравненную красоту златокудрой Елены, или же путь свободен?

И все трое кивнули ему утвердительно в ответ на его слова, каждый из них ударил по его щиту и сказал:

– Проходи, но не оглядывайся до тех пор, пока не увидишь мечты своей, Мечты всего мира!

Тогда Скиталец, минуя их, вошел в святая святых алебастрового святилища и остановился перед туманной завесой, за которой скрывалась «Мечта мира», Хатхор, не решаясь нарушить ее уединение.

И вот голос Хатхор запел новую песню, песню солнца, и лучше всех прежних, так что щит выпал из ослабевшей руки Скитальца и ударился о мраморные плиты пола, но он едва заметил это, внимая песне Хатхор.

Духи тех, что когда-то любили меня, – любовь
Вашу сразила всемогущая смерть!
Но ненависть вашу и смерть победить не могла!
Неужели же нет никого, кто бы мог овладеть мной из
всех, в ком еще сохранилось дыхание жизни?
Неужели же нет никого, кто бы зависть коварной судьбы
превозмог?
Никого, кто бы мог невредим от невидимых копий
пройти?
Клянусь Зевсом! Один из людей это может,
Он идет, и мой дух им смущен, как смущают Деметру
слезы!

Слезы ранней весны и горячий поцелуй жаркого солнца!
Он идет, и зазябшее сердце мое вдруг размякло, как снег
на полях,
Вдруг растаяло и расцвело, как цветок!

Последний аккорд этой песни замер в тихом рыданье. На него отозвалось сердце Скитальца – оно дрогнуло и застонало, как струна нежной лиры, на которой только что замер аккорд. С минуту герой стоял неподвижно, весь дрожа, с бледным лицом и вдруг кинулся вперед и порывисто сдернул дорожную завесу, которая тут же упала тяжелыми складками к его ногам.

Глава XV. Тени в свете солнца

Разодрав драгоценную ткань завесы, Одиссей тем самым сорвал и последний покров с красоты чудной, таинственной Хатхор, в серебристом сумраке алебастровой ниши сидела златокудрая Елена, дочь и супруга Тайны, «Мечта мира»!

Сложив в коленях руки и опустив голову на грудь, сидела та, чей голос был отголоском всех сладкозвучных женских голосов, та, чей образ был отражением всех видов женской красоты, чья изменчивая, таинственная красота, как говорят, была дочерью причудливого и изменчивого месяца. В кресле из слоновой кости сидела Елена, сияя красотой, в ослепительном ореоле распущенных золотистых кудрей. Мягкими серебристо-белыми складками ниспадали ее одежды, а на груди горела, искрясь, багрово-красная звезда из драгоценного рубина, ронявшего, словно капли крови, красные блики на белые складки одежды, оставляя их незапятнанными.

На лице красавицы читался ужас. Скиталец недоумевал, вдруг он заметил, что Елена смотрит на его золотые доспехи, когда-то принадлежавшие Парису, на его золотой щит с изображением белого быка, на шлем с низко опущенным забралом, совершенно скрывавшим его лицо и глаза. Из груди ее вырвался крик:

– Парис! Парис! Парис! Видно, смерть выпустила тебя из

своих рук и ты пришел сюда увлечь меня к себе, увлечь меня опять на стыд и на позор! Парис, мертвый Парис, что могло дать тебе мужество одолеть рать теней, тех людей, тех героев, с которыми ты в жизни не осмеливался стать лицом к лицу в бою?

И она с отчаянием заломила руки. Скиталец отвечал ей, но не своим голосом, а сладким, вкрадчивым, насмешливым голосом изменника Париса, который он слышал, когда тот давал свою ложную клятву перед Илионом:

– Так, значит, ты, госпожа, все еще не простила Париса? Ты прядешь еще старую пряжу, и поешь еще старые песни, и все так же сурова, как и прежде?

– Разве мало тебе, – продолжала Елена, – что ты обманул меня под видом моего престарелого господина и супруга? Для чего же ты пришел сюда? Чтобы издеваться надо мной?

– В любви все средства хороши! – отвечал Скиталец голосом Париса. – Многие любили тебя за твою красоту, и все пали за тебя, только моя любовь к тебе была сильнее смерти. Теперь никто не может помешать нам. Троя пала давно, все герои превратились в прах, только одна любовь по-прежнему жива! Хочешь ли узнать, какова любовь тени?

Опустив голову, слушала Елена его речь и вдруг рванулась вперед с разгоревшимися глазами и ярко вспыхнувшим лицом и вскричала:

– Уходи! Уходи!.. Да, герои все пали за меня и к позору моему! Но жив еще мой позор! Уходи! Никогда в жизни или

в смерти уста мои не коснутся лживых уст твоих, обманом, ложью похитивших мою честь, и глаза мои не посмотрят на лукавое лицо твое, носившее облик супруга моего!

(Предание и певцы говорят, что Парис обманул Елену колдовством и подобием внешности ее мужа.)

Тогда Скиталец продолжал сладким голосом Париса, Приамова сына:

– Подходя к храму где пребывает твоя прославленная красота, я слышал, как ты пела о пробуждении сердца, о рождении любви в твоей душе и о приходе того, кого ты любила давно и будешь любить вечно! Я услышал твою песню и пришел, я, Парис, который был любим тобою и любим тобою сейчас!

– Я пела так, как внушили лишь боги, как внушило мне сердце. Он, не ты был в моих мыслях, не ты, лживый, лукавый и хитрый Парис! Моими мыслями владел тот, кого я однажды видала, будучи еще в девушках, на колеснице переезжавшим поток Эроta, к которому я приходила за водой. Одиссея, Лаэртина сына, я любила, люблю и буду любить до конца моего бессмертия, хотя боги и отдавали меня другим в праведном гневе своем на стыд и позор, вопреки моей воле!

Услышав свое имя в ее устах, Скиталец осознал, что Елена Прекрасная любила одного его, и сердце его чуть не порвалось в груди, язык не повиновался ему. Он только поднял с лица забрало и взглянул ей в лицо. Она тоже смотрела теперь на него и узнала в нем Одиссея из Итаки, но, прикрыв

глаза рукою, она воскликнула:

– Ах, Парис, ты всегда был лжив и коварен, но последний обман хуже всех остальных: ты принял теперь вид погибшего героя и подслушал о нем такие слова, каких Елена никогда не говорила до сих пор. Стыд и проклятье тебе, недостойный Парис, я воззову к всеильному Зевсу, чтобы он поразил тебя громом, или нет, не к Зевсу, а к самому Одиссею. Одиссей! Одиссей! Приди из царства теней и порази своим мечом этого злого обманщика и чародея Париса!

Она смолкла и, простирая вперед свои руки, тихо шептала:

– Одиссей, Одиссей, приди!

Медленно стал Скиталец приближаться к златокудрой Елене, погружая упорный взгляд своих темных глаз в ее голубые глаза.

– Елена-аргивянка, – проговорил он, – я не тень и не призрак, пришедший из преисподней мучить тебя. О Парисе Троянском мне ничего не известно. Я – Одиссей. Одиссей из Итаки, живой человек среди людей, живущих в поднебесной. Я явился сюда, чтобы отыскать тебя, так как там, в далекой Итаке, богиня Афродита во сне посетила меня, приказав мне странствовать по морям, пока я не найду тебя и не увижу багрово-красной звезды на твоей груди. Наконец я нашел тебя! Я угадал, что ты сразу узнала доспехи Париса, бывшего твоим супругом, и, чтобы испытать тебя, говорил с тобою голосом Париса! Я выманил сладкую тайну твоей любви из

скрытного сердца твоего!

Вся дрожа, Елена долго недоверчиво вглядывалась в него и наконец сказала:

– Помнится, когда я омывала Одиссея, то заметила большой белый шрам у него под коленом. Если ты Одиссей, а не призрак, покажи мне тот шрам!

Скиталец с улыбкой прислонил щит свой к колонне, снял золотой наколенник, и глазам Елены предстал большой белый шрам от клыка кабана на Паросском холме, когда Одиссей был еще мальчиком.

– Да, – сказала Елена, – этот тот самый шрам. Теперь я верю, что ты не призрак и не обманчивый облик, а сам Одиссей, явившийся сюда стать моим супругом! – И она ласково заглянула ему в глаза.

Теперь уже Скиталец не сомневался более и, обняв ее, прижал к своей груди.

Та с тихим вздохом прошептала:

– Ты, Одиссей, хитрейший из людей! Своею хитростью ты сумел выманить у меня мою тайну, тайну моей любви к тебе! Теперь я вся твоя! Знаю, любовь наша даст нам мало радости и будет кратковременна, но не смертью кончится она. Я дочь богов, и хотя облик мой постоянно меняется в глазах обреченных на смерть людей, все же я не умираю и не умру никогда. Что же касается тебя, то хотя ты и смертный, но смерть для тебя будет так же кратковременна, как весенняя ночь, отмечающая конец одной и зарождение другой зари.

Ты снова оживешь, Одиссей, и будешь жить, как прежде, и жизнь за жизнью мы будем встречаться и любить друг друга до скончания веков!

Слушая ее, Скиталец снова вспомнил о сне царицы Мериамун, о котором говорил ему жрец Реи, но он ничего не сказал об этом Елене.

– Хорошо будет жить, госпожа, если в каждой жизни я буду встречать тебя и буду любим тобою.

– Да, в каждой жизни ты будешь встречать меня, Одиссей, то под тем, то под другим видом, то в этом, то в ином образе, так как Вечная Красота, дочь богов, имеет много образов, а любовь имеет много имен. Ты будешь встречать меня, чтобы вновь утратить!

– Когда же мы станем супругами? – спросил Одиссей.

– Завтра, за час до полуночи, приходи к воротам моего храма, я выйду к тебе, ты узнаешь меня по этой рубиновой звезде, которая будет светиться во мраке. Тогда веди меня, куда хочешь! Ты станешь моим господином, а я твоею супругою! А там, как угодно будет богам, так и будет. Но я хочу бежать из этой страны Кеми, где месяц за месяцем в течение целого года боги заставляют людей умирать за меня. А пока прощай, Одиссей, обретенный наконец после стольких лет!

– Прощай, госпожа! Завтра я буду ждать тебя у ворот, а там сам я держу в мыслях, как бы покинуть эту страну тайн, колдовства и ужасов, но не могу сделать этого раньше, чем возвратится фараон, отправившийся воевать и поручивший

мне охранять его дворец!

– Об этом мы поговорим после, а теперь иди, так как здесь, в этом святилище, нам не должно говорить о земных вещах! – сказала златокудрая Елена. Одиссей прильнул губами к ее руке и затем молча вышел из святилища.

Глава XVI. Отделение духа Реи

Жрец Реи бежал от врат Смерти, охраняемых духами умерших героев, от святилища, двери которого раскрывались только перед людьми, обреченными на смерть. Тяжело было на сердце у старика: он любил Скитальца. Среди темнокожих сынов Кеми старик не знал ни одного, который бы равнялся этому ахейцу, ни одного столь красивого, столь сильного и могучего, столь ловкого и искусного в боях! Потом Реи вспомнилось, как он спас жизнь той, которую он любил больше всех женщин в мире, – Мериамун, дочь светлого месяца, красивейшую из цариц, когда-либо восседавших на троне Египта, красивейшую и ученейшую после Тайя. Вспомнилась Реи красота чужеземца, когда тот стоял на подмостках, в то время как длинные копья летели в него; вспомнилось видение Мериамун. И чем больше он думал, тем сильнее смущение овладевало им. В одном только он был уверен – это в том, что эти сны и видения насмеялись над Мериамун и что человек, явившийся ей в этих видениях, никогда не будет ее супругом, так как он на его глазах пошел на смерть в храм Погибели.

Спотыкаясь, спешил Реи во дворец и, минуя великолепные залы, хотел пройти в свое помещение, но у дверей, ведущих в собственные покои царицы, стояла сама царица Мериамун во всей своей величественной красоте, точ-

но изваянная из драгоценного мрамора, в царственном одеянии, увенчанная убором из золотых змей на черных как смоль волосах, ниспадавших широкой волной, точно мантия, вдоль стройной спины и горделивого стана. Как-то загадочно странно смотрели ее большие черные глаза из-под густых ресниц и точно проведенных кистью художника бровей, оттенявших матовую белизну ее высокого, гладкого, как слонобая кость, лба. Низко склонившись перед ней, Реи хотел пройти мимо, но она остановила его.

– Куда ты идешь, Реи, и почему так печально лицо твое? – спросила она.

– Я иду по своему делу, царица. А лицо мое печально потому, что от фараона нет никаких вестей и никто не знает, что случилось с ним и с сонмом Апура, которых он пустился преследовать!

– Быть может, ты говоришь правду. Реи, но не всю правду! Зайди ко мне, я желаю поговорить с тобою! – сказала царица, и старик послушно последовал за нею в ее покои, где по приказанию ее сел в то самое кресло, в котором сидел Скиталец. Вдруг царица Мериамун опустилась перед ним на колени, слезы стояли у нее на глазах, грудь ее порывисто вздымалась от подавленных рыданий.

– Что с тобой, царица, приемная дочь моя? – спросил старик.

– Слушай меня, старый друг, единственный друг мой! – отвечала Мериамун. – Помнишь тот день, или, вернее, ту

ночь, когда я прокралась к тебе? То было в ночь, следующую за той ужасной ночью, когда я стала женою фараона и рассказала тебе тот страшный сон, который не давал мне покоя!

– Я хорошо помню это странное видение, о котором ты говорила мне тогда, только разъяснить его не в силах мой слабый ум!

– Помнишь, что видением тем был блестящий воин в золотых доспехах, которого мне суждено любить, в золотом шлеме, в который вонзился бронзовый наконечник копья?

– Да, помню!

– А знаешь, как зовут этого человека? – уже шепотом спросила она, глядя на старика широко раскрытыми глазами. – Не зовут ли его Эперитом, Скитальцем? Не он ли явился сюда с наконечником копья в шлеме? Я полюбила его в тот самый миг, когда впервые увидела его во всей его славе и во всей красе! Теперь я узнала его настоящее имя; это Одиссей, сын Лаэрта, Одиссей из Итаки. Я узнала это своим колдовством, вырвав истину у хитрейшего из людей. Хотя мне казалось, что он отстраняется от меня, все же мне удалось выпытать от него, что он странствовал долго и издалека, чтобы отыскать меня, богами назначенную и обещанную ему супругу!

При последних словах ее старый жрец вскочил со своего кресла.

– Госпожа! – воскликнул он. – Опомнись! Ты забываешь, что ты царица Кеми и супруга фараона! Кроме того, я дол-

жен сообщить тебе, что твой избранник навсегда потерян для тебя и для всего мира!

При этих словах Мериамун вскочила со своего ложа и, как львица, встала над старым жрецом с лицом прекрасным, но искаженным от бешенства и страха.

– Он умер! – прошипела она сквозь зубы над самым ухом Реи. – Умер, и я об этом не знала. Так ты убил его! Смотри же, как я отомщу за это! – И она выхватила из-за пояса тот кинжал, которым она некогда нанесла удар Менепте, брату своему, когда тот вздумал поцеловать ее, и занесла его высоко над головой Реи.

– Нет! – воскликнула она, опуская кинжал. – Ты умрешь другою, более медленной смертью!

– Царица, – взмолился жрец, – выслушай меня. Не я убил его. Напротив, я старался удержать его, но он пошел в храм Погибели, чтобы видеть чудесную Хатхор, а ты знаешь, что всякий, кто видел ее, должен сражаться с невидимыми духами и потом отправиться в преисподнюю!

Теперь лицо Мериамун стало бледно, как лик луны, как алебастр стен ее покоя, она громко вскрикнула и упала на свое ложе, сжимая голову тонкими пальцами.

– Как мне спасти его?.. Как вырвать его из когтей этой проклятой чародейки? Увы! Теперь уже слишком поздно... – стонала она. – Но я хочу знать его конец, хочу слышать о красоте той, которая виновата в его смерти. Реи! – прошептала она молящим голосом и не на языке Кеми, а на

том древнем, мертвом языке мертвого народа. – Не гневайся на меня, а сжался над моей слабостью, над моим безумием. Ведь ты знаешь тайну отделения духа, ты же сам обучил меня этому. О, Реи, позволь мне послать дух твой в храм ложной Хатхор и узнать, что там делается!

– Это недоброе дело, Мериамун, и страшное дело, – отвечал жрец, – там мой дух повстречается со стражами-охранителями. Кто знает, что из-этого выйдет, когда бестелесный, но имеющий еще земную жизнь, сойдется с бестелесными, уже давно не имеющими ее!

– Да, но ты все же сделаешь это из любви ко мне. Ты один можешь сделать это! – молила Мериамун.

– Никогда я ни в чем не отказывал тебе, Мериамун, – сказал старый жрец, – и теперь не откажу тебе. Прошу только об одном: если дух мой не возвратится оттуда, прикажи схоронить меня в той гробнице, которую я приготовил себе близ Фив, и, если возможно, постарайся силой своего колдовства вырвать дух мой из власти этих страшных стражей-охранителей врат святилища. Ну, теперь я готов. Заклинание ты знаешь, произноси его!

Он откинулся на резную спинку кресла и стал смотреть вверх, а Мериамун подошла к нему близко-близко и стала смотреть ему в глаза упорным, настойчивым взглядом, нашептывая какие-то таинственные слова на мертвом языке. По мере того как она шептала, лицо Реи становилось точно лицо умирающего, тогда она отступила назад и произнесла

громко и повелительно:

– Отделился ли ты, дух Реи, от тела его?

И губы Реи произнесли медленно ей в ответ:

– Я отделился от плоти. Куда прикажешь идти?

– Во двор храма Хатхор перед святилищем ее!

– Я там, где ты приказала!

– Говори: что ты видишь?

– Вижу человека в золотых доспехах, а перед ним, преграждая ему путь, столпились тени умерших героев, хотя он не может видеть их своими телесными очами. Из святилища доносится женский голос, поющий странную, красивую песнь.

– Повтори, что ты слышишь!

И отделившийся дух Реи-жреца повторил царице Мериамун все слова песни златокудрой Елены. Из нее она узнала, что в святилище Хатхор восседает Елена-аргивянка. Сердце царицы упало, колени ее подломились, она едва не лишилась чувств, только желание узнать больше поддержало ее.

– Говори, что видишь теперь! – приказала она отделившемуся от плоти духу Реи, и тот послушно передал ей, как Скиталец сражался с невидимыми стражами-охранителями красоты Елены и все, что с ним было дальше. Мериамун громко вскрикнула от радости, узнав, что чужестранец прошел невредимым в самое святилище. Затем дух постепенно передал ей все, о чем говорили между собой в святилище Одиссей и Прекрасная Елена.

– Скажи мне, какое лицо у этой женщины! – приказала царица Мериамун. – Какою ты видишь ее?

– Лицо ее той красоты, какая, точно маска, легла на черты умершей Натаски, на черты Баи и на лицо Ка, когда ты беседовала с духом той, которую убила!

Мериамун громко застонала, понимая, что приговор над нею свершился.

Затем дух Реи рассказал о любви Одиссея и Елены-аргивянки, ее бессмертной соперницы, об их поцелуе, обручении и свадьбе, назначенной на следующую ночь. На все это царица Мериамун не промолвила ни слова, но, когда все было кончено и Скиталец покинул святилище, она принялась снова нашептывать какие-то заклинания в ухо Реи-жреца, затем призвала дух его в тело, и тогда он проснулся, как человек, спавший крепким сном и ничего не знающий о том, что с ним было во время сна.

Реи раскрыл глаза и увидел перед собой царицу, сидевшую на ложе с лицом бледным, как у мертвеца, черные круги легли вокруг ее больших, глубоких, темных глаз.

– Что такое ужасное слышала ты, Мериамун? – тревожно спросил старик, взглянув на нее.

– Слышала я многое, чего не следует повторять! – ответила она. – Но тебе скажу: тот, о ком мы говорили, прошел невредим мимо духов героев и увидел ложную Хатхор, эту проклятую женщину; теперь он так же невредим возвращается сюда. Ну, а теперь иди, Реи! Я должна быть одна!

Глава XVII. Пробуждение спящего

Реи удалился с тяжелым сердцем, а царица Мериамун прошла в свою опочивальню и, приказав евнухам никого не пускать, заперла дверь и, кинувшись на свое ложе, зарыла лицо в подушки. Долго лежала она неподвижно, точно мертвая: в груди ее сердце нестерпимо горело; жгучие слезы залили ее лицо. Теперь она знала, что смутное предчувствие, временами пугавшее и временами манившее и дразнившее ее, должно было теперь осуществиться. Она знала, кто ее соперница.

Мериамун была хороша, так хороша, что равной ей по красоте не было женщины в целом Кеми, но подле златокудрой Елены красота ее меркла, как меркнет яркий огонь перед солнечным светом. Скиталец искал Елену и ради нее объездил моря и земли, а она, Мериамун, думала, что он стремится к ней. Нет, думала мстительная царица, если он не может принадлежать ей, то и Елене не будет принадлежать, лучше она увидит его мертвым!

Завтра Одиссей и Елена должны встретиться за час до полуночи. Значит, завтра он должен умереть. Но как? Курри-сидонец может подать ему чашу с ядом, а после этого она может убить Курри, сказав, что он отравил Скитальца из-за ненависти к нему. Но нет, если она убьет Скитальца, то как будет жить без него? И она тоже должна тогда искать свое-

го счастья в царстве, управляемом Осирисом, но там она не могла рассчитывать на блаженство. Что же ей делать? Ответа на этот вопрос не было.

Вдруг Мериамун вспомнилось, что есть некто, кто должен ей ответить и помочь. Она встала с постели и ощупью, впотьмах, так как теперь уже совершенно стемнело, добрела до резного сундука с инкрустацией из слоновой кости и, достав из-за пояса ключ, раскрыла его. Здесь хранились разные драгоценности, зеркала, запястья, уборы, редкие алебастровые сосуды и смертельные яды, но их она не тронула, а, запустив руку глубоко, на самое дно сундука, достала оттуда ларец темного металла, считавшийся народом «нечистым», ларец, сделанный из Тифоновой кости, как называли египтяне сталь. Нажав секретную пружину, Мериамун раскрыла крышку и вынула из этой шкатулки другую, маленькую, которую поднесла к своим губам, и стала над нею шептать какие-то слова на языке мертвого народа, после чего крышка этой шкатулки сама собою медленно приподнялась, и луч света узкой полосой вырвался из-под крышки, тонкой змейкой заиграв во мраке комнаты.

Тогда Мериамун заглянула в шкатулку и содрогнулась, но тем не менее запустила в нее руку и, прошептав: «Выйди, выйди, Первородное Зло!» – вынула что-то на ладонь вытянутой вперед руки. Вдруг это нечто загорелось, точно красный уголек в серой золе очага. Потом из красного оно стало зеленым, затем белым и мертвенно синеватым, с виду пред-

мет этот походил на свившуюся клубком змею, сделанную из опала и изумруда.

Некоторое время Мериамун смотрела на нее как бы в нерешимости.

– Спи лучше, гадина... Дважды уже я смотрела на тебя и рада бы никогда более не смотреть!.. Нет, я все же решусь!.. Ты – дар древней премудрости, замерзший огонь, спящий грех, живая смерть, в тебе одной обитает премудрость!

Порывисто обнажив свою белоснежную грудь, Мериамун положила сверкающую безделушку, казавшуюся змейкой из драгоценных камней, к себе на грудь, но при холодном прикосновении ее невольно содрогнулась: эта крошечная змея была холоднее смерти. Обхватив обеими руками одну из колонн комнаты, царица стояла, содрогаясь от нестерпимой боли, которую она молча выносила некоторое время, пока то, что было холодно, как лед, не стало горячо, как огонь, и не стало светиться ярким, ослепительным блеском сквозь шелковую ткань ее одежды. Так она стояла около часа, затем, проворно сбросив с себя свои одежды и распустив свои шелковистые черные волосы, ниспадавшие до пола, предстала во всей наготе. Склонив голову на грудь, она стала дышать на то, что лежало у нее на груди, так как Первородное Зло может ожить только под дыханием человека. Трижды она дохнула на него и трижды прошептала: «Проснись! Проснись! Проснись!»

Когда она дохнула в первый раз, драгоценная безделуш-

ка шевельнулась и засверкала. Во второй раз она распустила свои блестящие кольца и вытянула голову почти на уровень головы Мериамун. На третий раз она скользнула на пол и, обвившись вокруг ног царицы, медленно стала расти, как вырастает растение под магическим взглядом факира.

Все больше и больше становилась змея, светясь подобно факелу в маленьком склепе, и стала обвиваться вокруг тела Мериамун, опутывая ее своими кольцами: наконец подняла свою голову на уровень ее головы, и глаза ее глянули прямо в глаза Мериамун, точно пламя сверкнуло в них, и в этот момент лицо змеи стало лицом прекрасной женщины, лицом Мериамун.

Теперь эти два лица смотрели в глаза друг другу. Царица Мериамун стояла, бледная и неподвижная, подобно каменному изваянию богини, вокруг всего ее тела и в ее густых черных волосах светились тяжелые кольца сверкающей змеи. Вдруг змея заговорила голосом Мериамун на мертвом языке мертвого народа:

– Скажи мне, как меня зовут?

– Грех твое имя, прародительский грех и Первородное Зло! – отвечала царица.

– Откуда я происхожу?

– От зла, которое лежит во мне!

– А куда пойду?

– Туда, куда пойду я, ведь я отогрела тебя у себя на груди, и ты обвилась вокруг моего сердца!

Тогда змея подняла свою человеческую голову и страшно расхохоталась.

– Ты хорошо все это знаешь! Я люблю тебя так же, как ты любишь меня! – И, склонившись к царице, она поцеловала ее в самые губы. – Да, я Первородное Зло, я – грех и преступление, я та смерть, которая живет в живой жизни! Из жизни в жизнь, ты всегда находила меня готовой к твоим услугам то в том, то в ином образе. Я научила тебя колдовству и чародейству, научила, как добыть престол. Ну, а теперь чего ты хочешь?

– Приложи твое ухо к моим губам и губы к моему уху, – сказала царица Мериамун, – и я скажу тебе, чего хочу от тебя, Первородное Зло!

И они стали шептаться друг с другом во мраке темной комнаты.

Наконец змея высоко подняла свою женскую голову и снова громко рассмеялась.

– Он ищет добра и найдет зло: ищет света и будет бродить во мраке! Хочет любви и найдет себе погибель! Желает овладеть златокудрой Еленой, но прежде найдет тебя, Мериамун, а через тебя – смерть! Далеко странствовал он, но еще дальше придется ему странствовать, так как твой грех станет и его грехом. Мрак примет образ света. Зло будет сиять подобно добродетели! Я отдам его тебе, Мериамун, и он будет твой, но вот мой уговор: я не должна более лежать холодной и мертвой во мраке, в то время когда ты ходишь под лучами

яркого солнца. Нет, я должна постоянно обвиваться вокруг твоего тела, но не бойся, я буду казаться всем не более как простым украшением твоего наряда, искусной работы поясом вокруг пышного и гибкого царственного стана. Отныне я всегда буду с тобой и, когда ты умрешь, умру с тобой! Согласна ли ты?

– Согласна! – отвечала царица.

– Так уже однажды отдавалась ты мне! – продолжало Зло. – То было давно-давно, под золотистым небом другой благословенной страны, где ты была счастлива с избранником твоего сердца. Но я впиалась в твое сердце и обвилась своими кольцами кругом него, и из двоих нас стало трое. Тогда породилось все зло, скорбь и горе, какое было. Что ты, женщина, посеяла, то и пожнешь! Ты – та, из которой произошли все скорби и в ком исполнилась вся любовь! Слушай! Завтра ночью ты возьмешь меня, обовьешь вокруг своего стана и на время примешь образ Елены Прекрасной; в образе Елены ты обольстишь Скитальца, и он хоть на один этот раз станет твоим мужем. Что будет дальше, я не могу сказать, я ведь только советник. Может быть, из этого произойдут несчастья, войны и смерть. Но что из этого, если желание твое исполнится, и он согрешит, поклявшись тебе змеем, он, который должен был бы клясться звездой! И тогда он будет связан с тобою неразрывными узами! Решай же, Мериамун!

– Я решила, – произнесла царица. – Я согласна принять образ Елены и быть хоть раз супругой того, кого я люблю,

а там пусть все гибнет! А теперь засни, Первородное Зло, засни, я не могу больше видеть твоего лица, хотя оно мое собственное лицо!

Змея снова высоко подняла свою женскую голову и засмеялась злым, торжествующим смехом, затем, медленно распуская свои блестящие кольца, скользнула на пол и стала съедаться, пока наконец не приняла вновь вида драгоценного украшения из опалов, изумрудов и аметистов.

Между тем Скиталец, выйдя из святилища Хатхор, не встретил более стражей-охранителей врат, так как боги отдали Одиссею красоту Елены-аргивянки, как это было предсказано заранее. А за завесой жрецы приветствовали его низкими поклонами, с удивлением смотря на этого героя, именуемого Эперитом, который стоял теперь перед ними жив и невредим, и страх объял их.

– Не бойтесь! – сказал Скиталец. – Побеждает тот, кому боги даруют победу: я сразился со стражами-охранителями и прошел мимо них во святилище. Я видел лицо Хатхор и остался жив и в полном рассудке. А теперь дайте мне есть, так как я устал и силы мои нуждаются в подкреплении.

Жрецы провели его в свою трапезную, предложив все, что у них было лучшего из пищи и питья. Утолив голод и жажду, Скиталец простился со служителями храма Хатхор и вернулся в свое помещение во дворце фараона. Но здесь у его дверей стоял жрец Реи и, увидев его, еще издали поспешил к нему навстречу и заключил в свои объятия, так он был рад,

что Скиталец остался жив.

– Не надеялся я, Эперит, увидеть тебя живым! – произнес старик. – Если бы не это желание царицы... – и вдруг он спохватился и прервал свою речь на полуслове.

– Что ты говоришь о царице?..

– Ничего, Эперит, ничего, я хотел только сказать, что она была очень огорчена, узнав, что ты пошел в храм Хатхор. Я не знаю, бог ты или человек, но клятва одинаково связывает и богов, и людей, а ты клялся фараону охранять царицу до его возвращения. Скажи мне, намерен ли ты сдержать эту клятву? Намерен оберегать честь царицы, жены фараона, честь, которая даже дороже самой ее жизни?

– Да, Реи, я намерен сдержать клятву, данную мною фараону!

Тогда старик продолжал как-то загадочно:

– Думается мне, какой-то недуг овладел царицей Мериамун, и она страстно желает, чтобы ты уврачевал ее. Все, как видишь, складывается теперь так, как предсказывало видение царицы, о котором я говорил тебе, и потому я говорю, Эперит, будь ты бог или человек, если ты нарушишь клятву, будешь клятвопреступником и негодяем!

– Разве я уже не сказал тебе, что не имею даже в мыслях нарушить эту клятву. Но ты как будто не доверяешь моим словам... Выслушай же меня, Реи, я имею сказать тебе нечто! Ты, если захочешь, можешь помочь мне и тем самым помочь себе и фараону, которому я давал клятву, и той, чьей

честью ты так дорожишь. Но если ты выдашь меня, Реи, то клянусь, ни твой преклонный возраст, ни твое высокое положение, ни даже та дружба, которую ты постоянно выказывал ко мне, не спасет тебя от моего меча!

– Говори, Одиссей, сын Лаэрта, Одиссей из Итаки, жизнью своей ручаюсь тебе, что не выдам твоей тайны, если только она не во вред тем, кому я служу и кого люблю!

– Нет, прежде скажи мне, как знаешь ты это имя? – воскликнул Скиталец, наступая на Реи.

– Я знаю это имя и нарочно сказал тебе его, чтобы заранее убедить тебя, что твоя хитрость со мной ни к чему не приведет и что тайна твоя сохранена будет у меня, как и это имя!

– Быть может, оно мое, быть может, не мое. Но это все равно. Знай только, что я боюсь твоей царицы и если пришел сюда искать себе по сердцу женщину, то не ее пришел искать, там, в святилище Хатхор, я нашел ту, которую искал по свету. Завтра ночью я пойду к пилону храма и у ворот его встречу ее. Я приведу ее сюда, и мы повенчаемся с ней. Если ты хочешь помочь мне, Реи, то приготовь для нас судно и людей, чтобы мы с первыми же лучами рассвета могли бежать из этой страны. Правда, я клялся фараону охранять царицу в его отсутствие до самого его возвращения, но, как ты сам знаешь, мудрый Реи, я всего лучше сберегу ее моим бегством, а если фараон усомнится во мне, то, видно, уж так суждено!

Реи несколько призадумался, затем отвечал:

– Признаюсь, я страшусь увидеть эту богиню, но ради тебя решусь. Скажи же, по чему я могу узнать ее завтра у ворот храма?

– Ты узнаешь ее по багрово-красной звезде, горящей у нее на груди. Не бойся: я буду с нею. Скажи же, обещаешь ли ты приготовить нам судно и людей?

– И судно, и люди – все будет готово завтра к ночи, Эперит! Горячо любя тебя, я от души желаю, чтобы ты теперь уже мчался по волнам морей, омывающих берега Кеми, а с тобою вместе и та, которая называется Хатхор, та богиня, которую ты желаешь обладать, та, которую все люди на земле называют «Мечтой мира»!

Глава XVIII. Клятва Скитальца

В эту ночь Скиталец не видел царицы Мериамун. Но на другой день она прислала ему сказать, что зовет его к себе на пир в эту ночь. Реи также позвали на пир. Когда они пошли туда, Реи успел шепнуть Эпериту, что все готово и что он сам будет ночью на условленном месте. Вдруг дверь широко распахнулась, и перед ними появилась во всей своей красе царица Мериамун в сопровождении своих прислужниц и приближенных. Царственное одеяние ее сверкало драгоценными камнями, но лицо было бледно и надменно, а большие, темные, глубокие глаза ее сверкали каким-то необычайным блеском. Скиталец низко поклонился ей, а она горделиво склонила ему в ответ свою царственную голову и протянула ему свою руку, чтобы он вел ее к ее месту. За пиром они сидели рядом, но царица говорила мало в этот день, и когда заговорила, то только о фараоне и о сонме Апура, о которых до сих пор не было известий.

По окончании пира Мериамун пригласила Скитальца в свои покои, он покорно последовал за нею, хотя и против воли. Реи же царица не позвала, и таким образом Скиталец и Мериамун остались одни, так как прислужниц своих царица отпустила. Оставшись наедине со Скитальцем, Мериамун долгое время молчала, но он чувствовал все время на себе ее упорный, пронизательный взгляд, словно она пыталась про-

честь самые сокровенные тайны на дне его души.

– Я утомилась, – произнесла наконец она, – Расскажи мне что-нибудь о твоих скитаниях, об осаде Илиона, о многогрешной Елене, навлекшей на страну все эти беды и несчастья; Расскажи, как ты в одежде нищего прокрался из лагеря ахейян, чтобы повидать эту Елену, столь справедливо лишенную жизни богами.

– Да, – отвечал Скиталец, – нехорошо, что столько героев погибло из-за красоты одной неверной женщины. Я сам задумал даже убить ее, когда говорил с нею в стенах Трои, но боги удержали мою руку!

– Так ли это было, полно! – сказала царица, загадочно улыбаясь. – А если бы она была еще жива и ты увидел бы ее теперь, убил бы, Одиссей?

– Ее нет уже в живых, царица!

– Да... скажи мне теперь, Одиссей, ты вчера ходил в храм Погибели, в святилище Хатхор! Что ты видел в этом храме?

– Я видел прекрасную женщину, быть может, бессмертную богиню, которая, стоя на пилоне храма, пела сладкозвучную песню. Все видели и слышали ее, теряли рассудок, а затем пытались пробить себе дорогу между духами, охраняющими врата святилища, и падали один за другим под ударами невидимых мечей!

– Но ты, Одиссей, не потерял рассудка и не старался прорваться сквозь невидимую преграду?

– Нет, Мериамун, в молодости я видел красоту Елены-ар-

гивянки, которая была много прекраснее той, которую вы называете Хатхор; никто из людей, выдавших Елену, не пожелает обладать этой Хатхор!

– Но, быть может, те, кто видел Хатхор, пожелают обладать Еленой-аргивянкой! – медленно и многозначительно промолвила царица, и Скиталец не знал, что ему ответить.

Так они беседовали некоторое время. Мериамун, зная все, невольно удивлялась хитрости и лукавству Скитальца, но ничего не дала ему заметить. Наконец он встал и с глубоким поклоном объявил царице, что должен идти осмотреть стражу, расставленную вокруг дворца и ворот его. Царица посмотрела на него страшным загадочным взглядом и затем разрешила удалиться. Одиссей вышел, искренно радуясь, что избавился от ее присутствия, стеснявшего его. Но едва только тяжелая завеса пала за ним, как Мериамун вскочила на ноги со своего мягкого ложа, и страшный огонь решимости блеснул в ее глазах. Она ударила в ладони и приказала всем сбежавшимся на ее зов прислужницам ложиться на покой, так как сама она тоже собирается отойти ко сну и ни в ком из них не нуждается. Когда женщины ушли, оставив ее одну, Мериамун прошла в свою опочивальню, не задумываясь, подошла к резному сундуку, и достав из секретной шкатулки Первородное Зло, отогрела его на груди, вдохнув в него дыхание жизни. И вот оно выросло и, обвившись вокруг нее, стало нашептывать ей, чтобы она одевалась в белый венчальный наряд и обвила вокруг стана змею Зла, думая

все время о красоте, которую видела на лице мертвой Натаски, Баи и Ка, и все время следила за своим отражением в зеркале. Вот лицо ее стало мертвенно-бледным, безжизненным, туманным. И затем стало мало-помалу оживать, но вся красота ее изменилась; темные кудри, как змеи, спадавшие с плеч, стали золотистой волной кудрей. Глубокие темные глаза ее стали небесно-голубыми глазами Елены, и вся горделивая и величественная красота ее сменилась ласковой, чарующей улыбкой Елены. Еще мгновение, и она стала воплощенной красотой и чуть было не лишилась чувств при виде своей несравненной прелести.

– Так вот какую должна быть Хатхор! – прошептала она, и голос ее звучал как-то непривычно для ее слуха: то был чарующий, ласковый голос Елены, и, смущенная своею собственной красотой, угнетенная сознанием своего тяжкого греха, Мериамун вышла из своей опочивальни и, подобно звездному лучу, стала скользить по уснувшим пустынным залам своего дворца, мимо статуй грозных предков и богов; ей казалось, что они шептались друг другу о страшном грехе, совершенном ею, и о тех бедах и несчастьях, которые она навлекла этим на свой дом, на весь народ и всю страну. Но она не хотела их слушать и ни на минуту не замедлила шага.

Тем временем Скиталец в своих покоях готовился встретить златокудрую Елену. Странные видения прошлого теснились в его мозгу, видения какой-то бесконечной будущей любви. Сердце его горело в груди, подобно яркому факелу.

ду, освещающая его прошлое. Ему показалось, что вся прежняя жизнь была сном, а действительность в жизни мужчины – это только любовь; совершенство в жизни – красота, одевание любви; а единственное стремление и цель – это сердце любящей женщины, сердце златокудрой Елены, этой «Мечты мира»; она – мир, радость и покой.

Надев свои золотые доспехи и взяв лук Эврита, Одиссей расчесал свои кудри и, помолившись богам, вышел из своего помещения, выходящего в большой зал с колоннами.

Бесконечные ряды колонн тонули во мраке, только посредине сквозь прозрачный потолок свет луны, падая широким потоком, заливал белые мраморные плиты пола и ложился широкой пеленой, казавшейся светлым прудом среди туманных темных берегов. По привычке Скиталец окинул залу рассеянным взглядом, и ему показалось, что вдали, в противоположном конце, между колоннами движется какая-то белая тень. Схватив свой черный лук, он наложил руку на колчан, так что стрелы в нем зазвенели.

Тень в конце залы как будто уловила этот звук или же увидела золотые доспехи, на которые случайно упал луч света, только она стала приближаться, пока не дошла до края бывшего среди залы бассейна, и остановилась. Скиталец тоже остановился, недоумевая, что бы это значило. Но вот тень медленно вошла в освещенное пространство, и он увидел, что то была женщина в белом; вокруг ее стана обвивался змеею золотой пояс, украшенный драгоценными камнями, го-

ревшими разноцветным изменчивым блеском, подобно глазам змеи.

Стройна и прекрасна, как статуя Афродиты, была эта женщина, но кто она была, трудно было угадать, так как голова ее низко склонялась на грудь.

С минуту она стояла так, совершенно неподвижно, Скиталец приблизился к ней и, в свою очередь, очутился в полосе света. Тогда белая фигура вдруг подняла голову, так что свет упал ей прямо в лицо, и протянула к нему свои белые, точно изваянные из мрамора руки. Лицо это было лицом Елены-аргивянки! Одиссей невольно залюбовался ее красотой, ее небесно-голубыми глазами и золотистой волной кудрей, медленно, беззвучно, не проронив ни слова, он стал приближаться к ней. Вдруг смутное чувство страха закралось в его душу. Однако он поборол его и произнес:

– Госпожа, ты ли это? Ты ли Елена-аргивянка, которую я вижу перед собой? Или же ты только видение, смеющееся надо мной?

– Разве я не говорила тебе вчера в святилище Хатхор, что в эту ночь мы повенчаемся с тобой? Почему же ты теперь принимаешь меня за призрак, причисляешь к бесплотным? – сказала тень.

Скиталец прислушался к звуку ее голоса: то был голос Елены. Глаза, смотревшие на него, были тоже глазами Елены, но он почему-то боялся обмана: сердце его не доверяло глазам и слуху.

– Правда, так говорила мне Елена-аргивянка, – произнес он, – но она сказала мне, что я встречу ее у пилона храма и сам приведу ее оттуда, как невесту. Я и иду туда за нею теперь. Если ты Елена, то где же твоя багрово-красная звезда, роняющая кровавые слезы об убитых людях, звезда, по которой я должен узнать тебя?

– Кровавая роса уже не падает со звезды на моей груди, Одиссей, так как с той минуты, как ты овладел мною, люди не будут больше умирать за меня, за мою красоту! Звезда войны закатилась. Смотри, теперь разум и мудрость царят вокруг меня. Вот. Символ бессмертного Змея, означающий вечную любовь! Ты шел за мною, а я пришла к тебе. Разве ты хочешь, чтобы я оставила тебя, Одиссей, и ушла от тебя?

Тут разум хитроумного Одиссея помутился; забыв слова Афродиты, предостерегавшие его, что Елену он узнает только по красной звезде на груди, он теперь уже не сомневался, что видит перед собой злотокудрую Елену.

Между тем та, которая носила образ Елены, протянула к нему свои руки и улыбнулась такой бесподобной улыбкой, что Скиталец забыл обо всем на свете.

Через мгновение она, неслышно скользя по мраморному полу, пошла перед ним, а он – за нею по длинному ряду зал и коридоров, точно во сне; она все манила его своей обольстительной улыбкой. Наконец они вошли в опочивальню царицы и встали у золотого ложа фараона. Тогда она сказала ему:

– Одиссей, ты, кого я любила от начала веков и буду

любить до скончания веков, посмотри, видишь, перед тобою стоит та красота, которую боги предназначали для тебя! Прими же свою невесту в свои объятия. Но прежде положи руку свою на эту золотую змею, что повилась вокруг моего стана, и на этом новом свадебном подарке богов поклянись мне в любви и неизменной верности, произнеси твой супружеский обет, вовеки нерушимый. Клянись так, Одиссей: «Я люблю тебя, женщина или богиня, люблю тебя одну, каким бы именем ты ни звалась и в каком бы образе ни являлась! Тебе я буду верен, и к тебе прикипит душа моя, к тебе одной до скончания веков. Я прощаю тебе твои грехи, облегчу твои скорби и никого не допущу стать между мной и тобой». Клянись, Одиссей, сын Лаэрта, или оставь меня!

– Это великая, страшная клятва! – сказал Скиталец. Хотя теперь всякая мысль об обмане была далека от него, но эта клятва была ему не по сердцу.

– Выбор свободен, – продолжала между тем царица. – Клянись так или оставь меня, чтобы никогда больше не видеть!

– Отказаться от тебя я не хочу и не могу, если бы даже хотел! Прими же мою клятву! – И он, положив руку на голову золотой змеи, произнес ту страшную клятву, позабыв слова богини и Елены, поклялся змеем – когда должен был клясться звездой, – змеем, символом зла и коварства... В то время когда уста его произнесли эту клятву, глаза змеи сверкали злорадным огнем, а глаза той, которая носила образ Елены,

сияли торжеством; черный же лук Эврита тихо задрезжал, предрекая смерть и войну.

Но Скиталец в это время не думал ни об обмане, ни о смерти, ни о войне: поцелуй той, которую он принимал за Елену, горел на его устах, и, опьяненный восторгом, он опустился на золотое ложе царицы, жены фараона.

Глава XIX. Пробуждение Скитальца

Жрец Реи, как было условлено, отправился к храму Хатхор и стал ждать в тени, у ворот пилона, Скитальца. Время шло, а его друга все еще не было. Наконец калитка в решетке ворот тихо скрипнула, и из нее вышла женщина под густым покрывалом; на груди у нее горела багрово-красным цветом большая звезда. Женщина эта остановилась и, посмотрев на залитую серебристым лунным светом дорогу, также отошла в тень пилона и притаилась, так что ее не было видно, зато звезда на ее груди сияла и горела в тени. Страх объял старика, он понял, что перед ним чудесная и смертоносная Хатхор, и подумал, что и ему суждено теперь погибнуть, подобно всем, кто только видел ее лицо. Он хотел бежать, но не мог, а глаза его продолжали смотреть на дорогу, но все кругом было пустынно. Красная звезда все светила во тьме, а «Мечта мира» ждала у стены, как какая-нибудь покинутая деревенская девица.

Вдруг, пока жрец Реи в душе молил богов о приходе того, кто не приходил, сладкозвучный голос, нежнее звуков золотой арфы, спросил его:

— Кто ты такой и зачем скрываешься здесь в тени, что побудило тебя, Одиссей, явиться ко мне в образе преклонного

старца, жреца, служителя богов? Я уже видела тебя в одежде нищего и признала тебя! Почему же мне не признать тебя и в белой одежде жреца?

– О, богиня! – заплетающимся и коснеющим от страха языком вымолвил наконец Реи. – Я не тот человек, за которого ты меня принимаешь! Эта белая одежда присвоена мне по праву! Я – Реи, глава строителей фараона, казначей казны Кеми и советник царицы. Если ты – богиня этого храма, молю тебя, будь милостива, не поражай меня твоим гневом, я не по своей воле пришел сюда, а по просьбе того, про которого ты сейчас упоминала! Будь же милостива и пощади меня!

– Не бойся, Реи, – продолжал тот же чарующий голос, – я не намерена причинять тебе зло! Где же тот человек, которого ты ожидаешь?

Тогда Реи поднял глаза на Елену и увидел, что в глазах ее не было гнева и они светились, мягким, ласковым светом, подобно звездам в вечернем небе, и воспрянул духом.

– Я не знаю, бессмертная, где он, знаю только, что он просил меня встретить его здесь за час до полуночи, сообщив, что в эту ночь он и ты, чудесная Хатхор, повенчаетесь и хотите тайно покинуть эту страну Кеми. Он просил меня, своего друга, прийти сюда – переговорить с тобою и с ним о вашем бегстве!

– Слушай, Реи, – отвечала Елена, – вчера Одиссей из Итаки, Одиссей, Лаэртов сын, сразившись с бесплотными стра-

жами, хранителями врат святилища, предстал предо мной, и я говорила с ним. Я видала, что чей-то дух невидимо присутствовал при нашем свидании, и теперь узнаю в твоём лице лицо того духа, а в твоём облике – облик его!

При этих словах страх снова объял Реи, и сердце его замерло в груди.

– Теперь приказываю тебе, Реи, сказать мне всю правду, – продолжала Елена. – Иначе тебя постигнет беда не от моей руки, а от руки тех бесплотных, которые стоят на страже у меня. Скажи, что делал твой дух в моём святилище? Как осмелился ты войти туда – смотреть на мою красоту?

– О великая богиня, – взмолился Реи, – я скажу тебе всю правду, но прошу тебя, не обрушивайся гневом на меня. Не по своей воле нарушил я уединение твоего святилища, я сам не знаю, что мой дух видел или слышал там. Я был послан туда тою, кому я служу и которая обладает всеми чарами и колдовством тайного знания; ей мой дух передал все, что видел и слышал, я же ничего не знаю!

– А кому ты служишь, Реи, и почему послали они твой дух следить за мной?

– Я служу царице Мериамун, она послала меня разузнать, что постигло Скитальца, отправившегося сражаться с бестелесными духами.

– А он ничего не сказал мне об этой царице! Скажи мне, Реи, хороша она?

– Это прекраснейшая из всех женщин, живущих на зем-

ле, – сказал старик.

– Из всех, говоришь ты? Ну, смотри! – и Елена порывистым движением сбросила с себя покрывало, представ перед жрецом во всей своей красоте. – Скажи мне, Мериамун, которой ты служишь, неужели прекраснее Елены, которую вы здесь называете Хатхор?

Реи поднял глаза, взглянув на ту, что была воплощением красоты, и, ослепленный ею, точно ярким солнечным светом, закрыл лицо руками.

– Нет, ты прекрасней ее! – сказал жрец! – С твоей красотой не сравнится никакая красота!

– Теперь скажи мне, почему царица Мериамун, которой ты служишь, захотела узнать судьбу того, кто пошел сражаться с бесплотными?

– Если ты хочешь это знать, бессмертная, то я скажу тебе: через тебя только я могу спасти от греха и позора ту, которой я служу и которую люблю! Она любит того человека, супругой которого ты хочешь стать!

Услышав то, златокудрая Елена прижала руку к своему сердцу.

– Я этого боялась, предчувствовала это! Она любит его, и он не приходит сюда... Если так, то отправимся, Реи, туда, во дворец твоей царицы, и там узнаем всю правду! Не бойся, я не сделаю зла ни тебе, ни той, которой ты служишь. Проводи только меня во дворец, Реи, проводи скорее!

Между тем Скиталец сладко спал в объятиях царицы Ме-

риамун, принявшей образ Елены-аргивянки. Его золотые доспехи лежали у подножия фараонова ложа, тут же в ногах стоял и черный лук Эврита. Начало светать, вдруг тетива лука тихо запела:

Проснись, проснись, безумный! Дороже объятий любви
И слаще поцелуя возлюбленной звучит шум битвы в ушах
героя и война!

Глас бранной трубы сладкозвучнее нежной музыки
голоса женщины!

Змея, обвившаяся вокруг стана царицы, услышала песню и обвилась теперь и вокруг тела Скитальца, связав их своими кольцами в общности греха. Тогда, высоко подняв свою прекрасную женскую голову, она тоже запела:

Спи, спи, спи, наслаждайся покоем, какой вкусить
думают люди по смерти,

Под тем деревом, где спали первые супруги, сторожила
их я, как теперь сторожу и его!

Песнь черного лука и песнь змеи слились в одну, так как лук тот был смертью, а смерть – дочь греха; грех же – это змей, а лук был из древа познания добра и зла, которое было пособником греха; поэтому песня и была сходна и слилась в одну, наконец пробудив спящего Скитальца.

Он вздрогнул, протянув свои мощные руки, раскрыл глаза

и, увидев вдруг над собой лицо Мериамун на змеиной шее, вскрикнул и вскочил с ложа. Видение исчезло. Первые лучи рассвета прокрались в опочивальню и упали на брачное ложе царицы, жены фараона, и на золотые доспехи и лицо спящей женщины. Теперь только Скиталец припомнил все, что с ним было, как он в эту ночь стал супругом Елены и как ему приснился под утро скверный сон – лицо Мериамун на шее змеи. Да, вот тут лежит златокудрая Елена, супруга его, и он склонился над нею, чтобы пробудить ее поцелуем. О, как прекрасна она во сне. Но что это? Не такую казалась она ему там, в святилище храма Хатхор, не такую была она и вчера в большом зале при свете луны, когда он клялся ей той страшной клятвой. Кто же эта красавица? Да это царица Мериамун, это ее горделивая красота, слава и гордость фараона!

Скиталец продолжал смотреть на ее прекрасное лицо, и страх объял его при виде этой красоты. Как же все это случилось? Что он сделал?

Всюду кругом на стенах боги Кеми, а над ложем изображенные священными знаками Кеми имена Менепты и Мериамун. Значит, не со златокудрой Еленой, а с женой фараона разделил он ложе! Ей и клялся страшною клятвой, она явилась ему в образе Елены, но теперь заговор снят, и перед ним Мериамун в своей гордой красоте. Герой стоял пораженный и не мог отвести глаз. Но вот силы вернулись к нему, и он, схватив свои доспехи, стал снаряжаться, но, ко-

гда он взял шлем, тот выскользнул из его рук, со звоном упал на мраморные плиты пола и пробудил спящую. С громким криком вскочила она на ноги и встала величественная и прекрасная в своем ночном одеянии, схваченном вокруг стана золотую змеей, которую она теперь осуждена была носить всегда. Между тем Скиталец схватил свой меч и сбросил с него драгоценные из слоновой кости ножны.

Глава XX. Мщение Курри

Теперь Скиталец и царица, жена фараона, стояли друг против друга в полусвете царской опочивальни. Оба молчали. Горькая досада, жгучий стыд и гнев светились в его глазах. Лицо же Мериамун было холодно и мертво, а на губах играла та загадочная улыбка, что встречается на лицах сфинксов, только грудь ее порывисто вздымалась с каким-то надменным торжеством.

– Зачем смотришь ты на меня такими странными глазами, мой господин и возлюбленный супруг? И к чему ты надел свои боевые доспехи, когда лучезарный Ра только что поднялся со своего ложа, где он отдыхал на груди Нут? – начала она.

Но Одиссей не произнес ни слова. Тогда она протянула к нему свои руки.

– Отойди от меня! – воскликнул наконец тот сдавленным голосом. – Отойди! Не смей касаться меня, ведьма, не то я забуду, что ты женщина, и уложу на месте своим мечом.

– Этого ты не можешь сделать, Одиссей, – спокойно произнесла Мериамун. – Ведь я твоя жена, ты навеки связан со мною своею клятвой.

– Я клялся не тебе, не царице Мериамун, а Елене-аргивянке, которую я люблю так же, как ненавижу тебя.

– Ты клялся мне, клялся словами: «Клянусь тебе, женщи-

на или богиня, в каком бы то ни было образе и каким бы именем ты ни звалась, любить только тебя, тебя одну». И что из того, в каком образе ты видишь меня? Моя бессмертная любовь к тебе все та же, а красота не более как внешняя оболочка! И разве я не прекрасна! Все равно я твоя судьба, и, что бы ты ни делал, мы должны вместе плыть по реке жизни, до берегов смерти. Не отталкивай же меня, каким бы колдовством я ни привлекла тебя в свои объятия, все же отныне они – твой дом и твой очаг! – И она снова приблизилась к нему.

Но Скиталец взял стрелу из своего колчана и, натянув лук, направил стрелу на Мериамун.

– Подойти теперь! – сказал он. – И я заключу тебя в свои объятия. Знай, я люблю одну только Елену, и найду ли я ее вновь или потерял ее навек через твое колдовство, все равно буду любить ее до скончания века, а тебя ненавижу и буду ненавидеть до конца за то, что ты навлекла на меня величайший позор, сделав бесчестным человеком в глазах фараона и всего народа Кеми. Я созову стражу, вождем и начальником которой сделал меня фараон, и расскажу ей про твой позор и мое несчастье. Я буду кричать об этом на улицах и площадях, объявлю всенародно с кровель храмов, когда фараон вернется, скажу ему, всем и каждому, пока все живущие в Кеми не будут знать, что ты такое на самом деле, и не увидят все твоего позора.

С минуту царица стояла как бы в раздумье, затем спроси-

ла:

– Это твое последнее решительное слово, Скиталец?

– Да, царица! – сказал он и пошел к двери.

В одно мгновение она опередила его и, разодрав на груди свою одежду и разметав волосы, побежала с диким криком отчаяния мимо него к двери.

Завеса дрогнула. Дверь распахнулась, и в спальню вбежала стража, евнухи и прислужницы.

– Спасите! Спасите! – кричала царица, указывая на Скитальца. – Спасите мою честь от этого скверного человека, которому фараон поручил охранять меня. Вот как он охраняет меня. Он осмелился, как вор, прокрасться ко мне, к царице Кеми, когда я спала на золотом ложе фараона! – И в безумном отчаянии она бросилась на пол и стала рыдать и стонать, точно в предсмертных муках.

Стражи, увидев, что случилось, с криком бешенства со всех сторон накинулись на Одиссея, подобно стае голодных волков. Но тот успел отскочить к краю ложа и с луком в руках стал пускать в них стрелу за стрелой. Ни одна из них не пропадала даром, попадая в цель и неся смерть нападающим. Тогда враги отхлынули назад, и ни один не смел приблизиться к нему, укрывшись за высокими колоннами или прячась в тени глубоких ниш, они стали осыпать героя копьями и стрелами, но тот стоял горд и невредим, отражая оружие своим щитом.

В числе нападающих был и Курри, негодный сидонец,

жизнь которого пощадил Скиталец, подарив его царице, которая сделала его своим ювелиром. Курри, увидев, что Скиталец в беде, задумал, пользуясь этим случаем, отомстить ему за то, что благодаря ему он из богатого купца Сидона стал теперь не более, как рабом царицы Кеми.

Прокравшись тайком вдоль стены, Курри взобрался на золотое ложе фараона с другой стороны и своим длинным копьем мог свободно пронзить стоявшего к нему спиной Скитальца. Но нет, копье могло скользнуть по его золотым доспехам, не причинив герою вреда, и тогда Скиталец, обернувшись, заколол бы врага своим мечом: лучше дать ему умереть на пытке, а в этом деле Курри был великий мастер и надеялся получить от фараона разрешение приложить к этому свою руку. Поэтому, выждав удобный момент, лукавый сидонец своим длинным копьем с медным наконечником перерезал тетиву у лука Скитальца, в тот самый момент, когда тот натянул его, готовясь пустить стрелу.

Стрела беспомощно упала на пол, а Скиталец обернулся, чтобы увидеть, кто это сделал, но в этот момент Курри схватил пурпурную ткань покрывала с фараонова ложа и накинул ее на голову Скитальца. Этим моментом воспользовалась стража, более двадцати человек набросилось на него разом, опрокинули и повалили на пол. Один из них спросил царицу: «Смотри, царица, лев запутался в тенетах; теперь он в наших руках, что прикажешь с ним делать?»

Мериамун, следившая все время за Одиссеем сквозь

пальцы рук, которыми она закрывала лицо, отвечала:

– Заткните ему рот, снимите золотые доспехи и свяжите руки и ноги кандалами, а затем бросьте в подземелье крепостной башни дворца и прикуйте медными цепями к стене башни. Там пусть он останется до возвращения фараона, так как он погрешил против чести фараона и позорно изменил своей клятве, которою он клялся фараону. Фараону и подobaет решить, какую смертью он должен умереть.

Услыхав эти слова, Курри понял приговор Скитальцу, но, видя беспомощное положение героя, подкрался к нему со спины и шепнул в ухо:

– Это я, Курри-сидонец, перерезал тетиву твоего лука, Эперит, я, людей которого ты перебил и которого ты сделал рабом! Я накинул тебе на голову покрывало с постели фараона, а если он вернется, я буду молить его, чтобы он мне поручил пытки и мучения, к которым ты будешь присужден. Тогда в моих руках ты проклянешь день, когда был рожден.

– Лжешь, сидонская собака! – воскликнул Одиссей. – В твоих глазах написано, что ты сам умрешь страшную смертью через какой-нибудь час!

Это были последние слова Одисея, так как ему вложили железный шар в рот и связали кандалами, как приказала царица.

Мериамун же прошла теперь в свою уборную и поспешно накинула на себя одежды, перепоясавшись золотой змеей, волосы же свои оставив в беспорядке; она не стерла даже

следов слез с лица, желая казаться в глазах всех убитой своим позором и скорбью.

Между тем Реи и златокудрая Елена спешили по пустынным улицам спящего города и вскоре прибыли к воротам дворца, но Реи, рассчитывавший вернуться со Скитальцем, бывшим начальником, не знал пропуска стражи; теперь приходилось ждать до рассвета.

– Мне нетрудно было бы заставить пропустить меня во дворец, – сказала Елена, – но лучше мы подождем, быть может, тот, кого мы ожидаем, сам выйдет к нам навстречу!

Они вошли под портал храма Осириса, стоявшего против ворот дворца, и стали ждать, пока заалееет восток. Когда же первые лучи света зазолотили кровлю храма Осириса, Елена сказала:

– Теперь пойдем во дворец. Сердце предвещает беду, хотя я немало видела горя, но такова, знать, моя судьба.

Они подошли к воротам. Стороживший их воин пропустил жреца Реи и женщину, пришедшую с ним, причем невольно подивился красоте ее.

– Где же вся стража и караул? Отчего ты здесь один? – спросил Реи.

– Не знаю, господин, – отвечал воин, – только не так давно во дворце поднялся сильный шум, и начальник этого караула со всеми людьми побежал во дворец, оставив меня здесь одного.

– Видел ли ты высокорожденного Эперита?

– Нет, господин, с самого ужина я не видел его, он в эту ночь даже не обходил караулов, как это у него в обычае!

Тогда Реи, а с ним и Елена вошли во дворец и увидели, как множество людей бежало к зале пиршества. Оттуда доносился шум и голоса, зала же эта была рядом с покоями царицы. Из дверей ее опочивальни выходила теперь толпа воинов, прислужниц и евнухов.

– Вот видишь, тут завеса, спрячься за нею, чтобы тебя не увидели! – шепнул Реи Елене. – Я же узнаю, что тут случилось, и приду сказать тебе!

– Что случилось? – спросил Реи у бежавшего мимо него человека.

– Скверные дела, господин, – отвечал, тот. – Эперит Скиталец, которого фараон поставил начальником стражи и телохранителей царицы, недавно покушался на честь царицы, но она бежала от него, и крики ее разбудили стражу; те настигли Скитальца в самой опочивальне царицы. Некоторых он убил, других ранил, но в конце концов толпа одолела его, и теперь его связали цепями и тащат в подземелье крепостной башни, где он должен будет ждать приговора фараона. Видишь, вот они тащат его!

При этой позорной вести сердце златокудрой Елены преисполнилось такой скорбью, что, будь она смертна, она, наверное, умерла бы. Боги еще раз насмеялись над ней: без любви прожила она всю жизнь, хотя и была любима всеми; а когда сердце ее наконец познало любовь, то любовь эта не

дала ей ничего, кроме скорби и разочарования.

Между тем в дверях появилась толпа, десять человек воинов несли на носилках связанного цепями Скитальца, как охотники несут связанного, затравленного ими оленя. Но даже и закованный и безоружный, тот казался грозным и могучим, глаза его сверкали злобным огнем, так что толпа при виде его отшатывалась в сторону.

Так-то увидела Елена-аргивянка своего избранника сердца, когда его, опозоренного и скованного, пронесли мимо нее; крик вырвался у нее из груди.

– Как низко ты пал, Одиссей, ты, бывший из людей лучшим и доблестнейшим! – воскликнула она.

Он услышал эти слова и узнал этот голос, и, хотя был скован цепями, жилы на шее его напряглись до того, что готовы были лопнуть, а движения были так сильны, что он выкинулся из носилок и упал на пол. Но ни встать, ни крикнуть он не мог, воины подняли его, уложили на носилки и понесли дальше, предварительно привязав его к носилкам.

Вслед за ним шла толпа разных дворцовых служителей, только старый Реи не трогался с места; он был убит горем, оттого что человек, которого он любил, мог совершить такое страшное дело; старик стонал, закрыв лицо руками и глубоко скорбя о случившемся.

– Уведи меня отсюда, – вдруг прошептал над ним голос Елены, – и проводи в мой храм, там я буду пребывать, пока боги не укажут мне своей воли!

Не проронив ни слова, старик пошел вслед за Еленой, но вдруг остановился, так как царица преградила ему путь. Платье и волосы ее были в беспорядке; лицо носило следы слез; с нею не было никого, кроме Курри-сидонца, движения ее были порывисты, как движения безумной.

– Кто эта царственная женщина? – спросила Елена Реи.

– Это царица Мериамун, опозоренная Скитальцем! – ответил старик дрогнувшим голосом.

– Подожди, я хочу сказать ей нечто!

– Нет, нет, госпожа, не делай этого: она не терпит тебя и убьет!

Глава XXI. Возвращение Фараона

Но и Мериамун увидела жреца Реи и женщину под покрывалом, на груди у которой светилась кроваво-красная звезда, горевшая ярким пламенем, и царица узнала в этой женщине Елену-аргивянку.

– Скажи мне, Реи, кто эта женщина? – спросила она.

– Это богиня, пребывающая в храме Хатхор, позволь ей уйти с миром отсюда! – произнес Реи.

– Что ты говоришь, старый дурак: богиня! Нет у нас здесь богини, есть только колдунья, накликавшая все беды и несчастья на нашу страну Кеми. Из-за нее люди умирают сотнями, так что своды храма Хатхор скоро не в силах будут вмещать трупов убитых из-за нее, казнь за казнью и проклятие за проклятием обрушивались на сынов Кеми. Вода обращалась в кровь, мрак покрывал землю, невидимая рука убивала наших первенцев, в числе которых был и мой сын. А ты осмелился привести ее сюда! А ты, – она указала рукой на Елену, – ты как осмелилась прийти сюда? Эй, раб! – обратилась она к Курри. – Возьми свой нож и вонзи его по рукоятку в грудь этой женщины, ты получишь тогда свободу и вернешь себе все свои богатства.

– Откажись от своих слов, госпожа! – проговорила Елена. – Хотя я никому из людей и не желаю зла, но меня нельзя безнаказанно оскорблять.

Курри стоял в нерешимости.

– Коли, коли! – настойчиво приказывала Мериамун. – Слушайся моего приказания, не то ты сейчас же сам погибнешь от этого самого ножа.

При этих словах сидонец, хорошо зная нрав царицы, выхватил свой громадный нож и кинулся на женщину, лицо которой было скрыто покрывалом. Но та поднята свое покрывало и глянула на сидонца. Ослепленный ее красотой, он остановился, точно пораженный громом. Вдруг безумие овладело им, и он, не сказав ни слова, вонзил свой громадный нож по самую рукоятку себе в грудь и тут же упал мертвым к ногам Елены.

– Видишь, госпожа, – сказала Елена, указывая на мертвого сидонца, – ни один мужчина не может причинить мне вреда!

Царица стояла с минуту в нерешимости, затем воскликнула:

– Уходи отсюда, воплощенное проклятие, уходи! Зачем пришла ты сюда, в этот дом скорби и смерти, увеличивать число смертей и скорбей?

– Я уйду и не буду больше тревожить тебя! Я пришла сюда за тем, кто был моим избранником, но кого боги допустили до страшного позора, за Одиссеем, сыном Лаэрта, который из всех людей был доблестнейшим и чье имя стало теперь позором и посрамлением! Ты прекрасна, царица Мериамун, но суди сама, кто из нас прекраснее! – И она, сбросив с себя

покрывало, предстала во всей своей лучезарной красоте перед темной и мрачной красотой царицы Кеми.

– Да, ты прекрасна и прекраснее тебя нет женщины! – должна была сознаться Мериамун. – Но на этот раз твоя красота не смогла удержать твоего избранника от постыдного поступка и греха. Видно, мало любил тебя этот человек, если прокрался ко мне, словно вор, чтобы похитить мою честь!

– Сдается, египтянка, что в этой стране ложь и правда странно сливаются в твоих словах! – проговорила Елена. – Трудно поверить, чтобы Одиссей из Итаки совершил такой подлый поступок, о каком ты говоришь! Кроме того, я читаю в твоих глазах, что ты любишь этого человека, которого называешь негодяем! Что же касается меня, то хотя я любила его и любовь к нему расцвела в моем сердце, но так как он изменил мне, я с корнем вырываю эту любовь из моего сердца, а сама ухожу в святилище. Не бойся, Мериамун, я недолго останусь здесь, в этой стране, и люди не будут более умирать из-за моей красоты. А тебе говорю: обращай хорошо с тем, кого ты вовлекла в грех, и дай тебе боги больше счастья, чем Елене-аргивянке.

Закрыв лицо покрывалом, Елена повернулась, чтобы идти. Царица с минуту стояла неподвижно, пристыженная и безмолвная, но не успела Елена отойти от нее, как гнев вскипел в душе царицы: неужели она даст уйти этой женщине, которая одна из всех живущих прекраснее ее? Ведь пока эта женщина жива, она, царица Кеми, не будет знать ни сна, ни

покоя! Когда же той не станет, быть может, ей удастся при-
вязать к себе Скитальца!

– Заприте ворота, задвиньте засовы! – громко приказала
Мериамун своим людям, и те побежали исполнять ее прика-
зание, так что, прежде чем Елена дошла до дверей дворца,
ворота были заперты.

– Держите чародейку, ведьму! – крикнула Мериамун, и
воины скрестили свои копья, преграждая путь Елене, но та
подняла свое покрывало и взглянула на них. Тогда руки их
выпустили копья, и они смотрели на нее, пораженные ее кра-
сотой.

– Отоприте! – ласково сказала Елена, и все разом кину-
лись отворять двери. Одарив их улыбкой, она прошла, а за
нею стража, Реи и сама царица Мериамун. Был только один
человек, который не видал ее красоты, он старался задержать
Елену в тот момент, когда она уже выходила из дверей. Те-
перь она уже подходила к воротам.

– Стреляйте в нее! Убейте эту ведьму! Если она пройдет в
ворота, клянусь своим царским словом, каждый из вас умрет
сегодня же! – кричала царица. Но только трое натянули свои
луки, и то у первого из них порвалась тетива, у второго стре-
ла сорвалась и вонзилась ему в ногу, а стрела третьего, укло-
няясь от линии полета, пронзила сердце солдата, стоявшего
ближе всех к царице, этот человек был тот самый, который
пытался удержать Елену в дверях.

– Не приказывай своей страже стрелять в меня, – сказа-

ла странная женщина, – не то стрелы, предназначенные мне, вонзятся в твое сердце. Помни, что мне ни один мужчина не может нанести вреда! Эй, отоприте ворота и дайте пройти Хатхор!

И вся стража у ворот выронила свое оружие, ворота распахнулись настежь.

Она вышла, и все, кто тут был, пошли за нею, но вдруг она затерялась в толпе и исчезла.

Мериамун побелела от бешенства, поняв, что Елена-аргивянка, которая была ей ненавистнее всего на свете, ускользнула из ее рук. Обернувшись к тем, которые отворили дверь и пропустили Елену в ворота, разъяренная царица приговорила всех к немедленной смерти. Тщетно Реи, опустившись на колени, умолял ее пощадить их жизни, увещевая царицу, что от этого только произойдет горе и несчастье.

– Вспомни, – говорил он, – что постигло того сидонца, который осмелился поднять руку на богиню! Не убивай этих людей, не то недобрые вести смутят твой покой!

Но царица с бешенством взглянула на него.

– Слушай, Реи! Посмей повторить такие слова, и я, хотя раньше любила тебя, первого из слуг фараона, клянусь: ты первый умрешь! Уходи же с глаз моих, чтобы я не видела тебя! Не то я убью тебя тут же на месте. Отнимаю у тебя все твои почести и отрешаю от всех твоих должностей, отбираю все твои сокровища в мою казну! Уходи отсюда нищим и не попадайся мне больше на глаза!

Не прибавив больше ни слова, старик повернулся и бежал, бежал без оглядки, зная, что лучше было стоять перед львицей, у которой отняли ее детенышей, чем перед этой женщиной, когда она была в гневе.

За ним захлопнулись ворота, а начальника стражи, охранявшей ворота, потащили к тому месту, где стояла царица, и здесь, не прося пощады, так как душа его все еще была полна сознания красоты Хатхор, тот безмолвно принял смерть.

Реи, следивший издали за всем происходившим во дворе дворца, громко застонал: царица приказала продолжать казни. Но в этот момент с улицы донесся скорбный плач и слезы. Все с недоумением переглянулись, но вот послышались голоса: «Фараон вернулся! Фараон идет во дворец!» Вслед за тем раздался стук в ворота.

Теперь Мериамун, уже не помышляя более в казнях, приказала распахнуть ворота и двинулась навстречу фараону. Во двор вошел запыленный от дороги, истомленный и измученный человек, глаза его сверкали диким огнем безумия, волосы и борода были всклокочены, а лицо так изменилось, что с трудом можно было признать фараона Менепту, так оно было искажено выражением горя и ужаса.

Он взглянул на царицу, взглянул на убитых, лежавших у ее ног, и дико рассмеялся.

– А-а! – воскликнул он. – Еще мертвые! Разве нет конца смерти, нет предела ее жатве! Нет, здесь, как вижу, смерть поработала мало! Может быть, и ее рука наконец приутоми-

лась! Покажи мне, царица, где твои убитые? Покажи мне, много ли их?

– Что случилось с тобою, Менепта? Что за странные речи слышу я от тебя! – сказала царица. – Та, которую называют Хатхор, сейчас прошла здесь, и это следы, оставленные ею на ее пути... Но говори, что такое с тобой случилось?

– О, я расскажу тебе все, царица! – продолжал фараон с горьким, душу надрывающим смехом. – Я расскажу тебе веселую повесть. Ты говоришь, что здесь прошла Хатхор, что это следы, оставленные ею на пути. Ну а я скажу тебе, царица, что тот, кого Апура называют Иегова, прошел там, по Чермному морю, и там лежит великое множество – это тоже след, оставленный им на его пути!

– Где же твои воины, весь сонм твоих воинов, Менепта? – воскликнула царица. – Отчего их не вижу я? Ведь осталось же хоть сколько-нибудь...

– Все остались, царица, все, только не в живых, а там... Только я один вернулся! Они же, как щепки, плавают теперь на волнах Чермного моря и тысячами лежат на его берегах... Коршуны клюют их очи, львы пустыни раздирают их тела, все они лежат несхороненные и шлют свои стоны морским ветрам. Слушай меня, я настиг непокорных Апура на берегу Чермного моря! Время клонилось к закату, густая пелена мрака отделила меня и мое войско от сонма Апура, так что мы не могли их видеть. Но всю ночь я слышал как бы топот десятков тысяч ног, скрип колес, блеяние стад и лязг оружия,

голоса женщин и детей, а под утро увидел, что перед ними воды Чермного моря расступились и стояли, точно хрустальные стены, оставив между этими двумя водяными стенами сухое дно, по которому спокойно проходили Апура. Тогда я поднял своих военачальников и приказал своим воинам преследовать Апура; те, повинувшись моему приказанию, устремились за ними. Но колеса наших колесниц вязли в мокром песке, так что прежде чем все мои воины успели спуститься на дно моря, Апура уже вышли на тот берег. Вдруг, когда я последним из всех спускался на дно моря, грозный ветер, бушевавший всю ночь и все это время, внезапно стих, воды моря сшиблись со страшным шумом и потопили всех сынов Кеми со всеми их колесницами и конями. Я же успел повернуть своих коней и бежать назад. На мгновение мои воины, кони и колесницы всплывали, затем шли ко дну, а люди, точно щепки на хребтах волн, ныряли, пока их не выбрасывало на берег. Только один страшный вопль вознесся к небесам, и затем разом все смолкло: от всех моих сонмищ остался только я один, чтобы пересказать людям об этом.

Все слушавшие этот ужасный рассказ громко застонали от горя.

– И все будет так, – произнесла царица, – пока эта ложная Хатхор будет пребывать в нашей родной стране Кеми!

В это время снова послышался стук у ворот, и чей-то голос прокричал: «Отворите! Отворите! Посланный к царице, жене фараона».

Мериамун приказала отворить ворота, хотя знала, что посланный принес недобрые вести. Вошел человек, в глазах которого светился ужас, а уста заикались, так что он не мог выговорить ни слова. Царица приказала подать ему кубок вина, он выпил, и, упав на колени перед царицей, так как не узнал фараона, произнес, запинаясь:

– Пусть царица простит меня и отвратит гнев свой от меня! Вести мои недобрые. Многочисленное войско идет на город. Оно, войско, собранное со всех стран, от народов севера из страны Тулиша, из Шакалишу и Лику и от Шаирдана. Они быстро надвигаются, грабя и разоряя все по пути: там, где они прошли, не остается ничего, кроме опустошенных полей и курящихся развалин городов и селений да тучи хищных коршунов над телами людей!

– Ну, что же, все? – спросила царица с видимым спокойствием.

– Нет, Мериамун, жена фараона, не все еще! – продолжал гонец. – С войском этим надвигается еще и многочисленный и сильный флот из восточного устья Сихора, на судах сидит 12 тысяч отборного войска, лучших воинов Акуаиуша, сынов тех людей, что разорили Трою.

Громкий вопль вырвался у всех слышавших эту весть. Мериамун сказала:

– Вот и Апура покинули нашу страну, по вине которых, как вы говорите, обрушились на Кеми все несчастья и беды. Они бежали, эти Апура, а проклятье, тяготеющее над нашей

бедной страной, осталось, и все так будет до тех пор, пока ложная Хатхор будет пребывать на земле Кеми.

Глава XXII. На одре мучений

Вечерело. Фараон восседал за столом подле царицы. Мериамун. Сердце его было переполнено скорбью: мысли останавливались то на бесчисленных воинах его, погибших в водах Чермного моря, то на сонме Апура, которые теперь смеялись над ним в своей пустыне; но всего дольше останавливались они на тех вестях, мрачных и грозных, которые принес ему сегодня гонец. Весь этот день фараон провел в зале совета, посылая гонца за гонцом на восток, на север и юг с приказанием набирать наемные войска со всех городов и провинций, чтобы идти войной на врагов, так как здесь, в его белокаменной столице Танис, оставалось всего только 5 тысяч воинов. Наконец истомленный и телом и душой, измученный и усталый, Менепта уселся за стол и вдруг вспомнил о том доблестном чужестранце, которому он поручил, покидая столицу, охранять и беречь дворец и царицу Мериамун.

– Где же тот великий Скиталец, что носил золотые доспехи? – спросил он. – Почему я не вижу его?

– Я должна рассказать тебе о нем страшную повесть! – ответила Мериамун. – Я не сказала тебе ничего до сих пор, видя, что ты и без того был так огорчен и озабочен! – И, склонившись к уху супруга, она долго шептала ему что-то. Лицо фараона стало страшным и мрачным, как ночь, наконец, не дослушав, он вскочил на ноги, в диком бешенстве восклик-

нув:

– Этого-то врага мы можем одолеть и уничтожить! Я и ты, Мериамун, сестра и супруга моя, мы так далеки друг от друга, как далеко небо от кровли храма! Любви между нами никогда не было, но я жизни своей не пожалею, чтобы стереть это пятно позора с твоей чести, которая вместе с тем и моя честь!

И он ударил в ладони, сзывая слуг, которым приказал отправиться в крепостную башню, привести оттуда Скитальца в залу пыток и созвать палачей, чтобы те немедленно приготовились приступить к пыткам, когда он, фараон, прикажет им. Отдав эти приказания, Менепта стал пить вино, пока не явился раб с докладом, что приказание его исполнено. Тогда фараон встал, спросив жену:

– Пойдешь ты со мной, Мериамун?

– Нет! – ответила та. – Я не хочу больше видеть лица этого человека, да и тебе советую не ходить туда сегодня ночью. Пусть палачи дадут ему пищи и питья вволю, чтобы смерть ему была тяжелее, затем прикажи зажечь огонь у него в головах и в ногах и оставить его одного в месте мучений до рассвета, чтобы он претерпел сотни смертей прежде, чем настанет для него время умереть!

– Как желаешь! – сказал фараон. – Придумай сама для него наказание, а завтра, выспавшись, я пойду смотреть на его мучения! – И, подозвав слуг, фараон распорядился так, как того желала царица.

Между тем Скитальца действительно привели в комнату пыток, накормили и напоили вволю. Теперь силы его вернулись к нему, он воспрянул духом, хотя душа его была полна скорби и печали.

Он лежал на жестком каменном ложе и думал: «Вот каков конец моим скитаниям! Вместо отдыха на груди прекрасной Елены это каменное ложе!» Где же все боги, которым он поклонялся? Неужели ему не суждено уже слышать звук военной трубы богини Паллады? Ах, зачем он отвратил свое лицо от нее и стал приносить жертвы на алтарь лживой Афродиты? Так-то она сдержала свою клятву. Так она оплачивает своим поклонникам!

Так думал герой и вдруг увидел, что полумрак подземелья озарился лучезарным облаком, наполнившим все помещение мрачного подземелья; из облака раздался в тишине голос Афродиты:

– Не сетуй на меня, Одиссей! Не я ли предупреждала тебя, что только по красной звезде на груди узнаешь ты Елену-аргивянку? Да и она повторила тебе то же в святилище Хатхор! А ты, когда пред тобою предстала женщина, опоясанная змеей, забыл мои слова, страсть отуманила тебя, ослепила твои глаза, в ты не сумел отличить Мериамун от Елены. Красота изменчива и многообразна, и каждый видит ее такую, какую хочет видеть, но звезда всегда остается звездой, а змей змеем!

Она смолкла. Скиталец громко застонал, воскликнув:

– О царица! Я согрешил! Но неужели же нет прощения моему греху?

– Прощение есть, Одиссей! – продолжал голос богини. – Но прежде следует наказание. Никогда больше в этой жизни ты не станешь супругом златокудрой Елены, никогда не достигнешь звезды, которая, однако, продолжает сиять для тебя и будет сиять для тебя сквозь туманную дымку смерти. Но смотри, когда ты пробудишься к новой жизни, чтобы твои глаза были открыты и уловили ее сияние. А теперь скажу тебе в утешение: здесь ты не умрешь, и пытки не коснутся тебя, так как смерть придет тебе от воды. Но перед смертью ты еще раз увидишь златокудрую Елену и услышишь от нее слова любви, узнаешь сладость ее поцелуя, хотя твоею она не будет. Знай, что громадное войско идет на Кеми и с ним большой флот ахейян. Иди им навстречу и сражайся против твоего родного народа, так предопределено судьбой. Рази мечом сынов тех, с кем ты бок о бок бился под стенами Илиона; в этой битве ты найдешь смерть, а в смерти – то, чего ищут все люди, испытавшие объятия бессмертной Елены. Хотя люди думают, что она живет на земле, но, в сущности, они видят только ее тень: в долинах смерти она царит, в садах царицы Персефоны, где змей не может казаться звездою и грех не властен разъединить тех, кто составляет одно. Укрепи сердце свое и поступи так, как велит тебе твой рассудок. Прощай!

Так проговорила богиня из светозарного облака и скры-

лась, а сердце Скитальца преисполнилось радости, так как теперь он знал, что утратил Елену не безвозвратно и что позорная смерть в пытках не грозила ему.

Было уже за полночь. Фараон крепко спал. Но царица Мериамун не спала. Она поднялась со своего ложа и, накинув на себя темный плащ, скрывавший даже ее лицо, и взяв потайной фонарь, крадучись прошла длинный ряд зал, отворила скрытую в стене дверь и стала быстро спускаться по узкой и темной секретной лестнице. На последней площадке стоял страж, она, толкнув его ногою, разбудила и показала ему большой перстень царицы Тайя с изображением Хатхор, поклоняющейся солнцу. Страж с низким поклоном пропустил ее, отворив железную калитку в стене.

Длинными ходами, уходившими глубоко в подземелье, шла царица и наконец остановилась у дверей небольшой сводчатой комнаты, где мерцал огонь. Там говорили мужские голоса: она с минуту стояла, прислушиваясь к ним. Незнакомцы говорили громко и злобно хохотали. Она толкнула дверь и вошла. Тут было шестеро безобразных черных негров, сидевших на полу вокруг восковой фигуры нагого человека, которую они резали своими ножами, рвали щипцами, давили тисками, кололи громадными железными иглами, применяя и другие отвратительные орудия пытки. Это были палачи, упражнявшиеся в своем деле накануне казни Скитальца, над которым им предстояло применить все свое искусство в присутствии самого фараона.

Мериамун прошла мимо них, держа на виду перстень, и те пали лицом ниц, не смея поднять глаз. Проходя мимо, Мериамун наступила со всей силой ногой на восковую фигуру и растоптала ее.

В противоположном конце комнаты была небольшая дверка, ведущая в другой темный проход, а в конце этого прохода стояла полуотворенной каменная дверь. У этой двери Мериамун остановилась с сильно бьющимся сердцем, из нее доносились звуки знакомого голоса, который пел:

Мужайся, сердце мое, недолго тебе терпеть позор и мучения!

И добро, и зло миновали, близок конец!

Подле трона Зевса стоят два сосуда,

Из них он сыплет и радость, и скорбь умирающим людям!

Мужайся, сердце, и с честью выйди из последнего смертного боя,

И перейди в те поля, где ждут тебя рыцарский Гектор

И все те, кто сражались за Троию!

Мериамун, слушая эту песню, невольно изумлялась мужеству этого человека, который мог петь в такую минуту перед пыткой. Она тихонько отворила дверь и вошла. Место мучений было ужасно: всюду железные крюки, цепи и всякие орудия пыток, а посреди стояло каменное ложе, к которому был прикован цепями Скиталец. На нем не было одежды, кроме узкого опоясания, прикрывавшего наготу; в ногах и в голо-

ве ложа горели медные жаровни, бросавшие красные пятна света на орудия пытки, на мрачные своды и стены, украшенные изображением пыток.

Крадучись, пробралась Мериамун за изголовье Скитальца, где он не мог ее видеть, но ей показалось, что его чуткий слух уловил какой-то звук, так как он перестал петь свою песню и стал прислушиваться. Она стояла молча, не шевелясь, затаив дыхание и не спуская глаз с того, кого она любила, кто был для нее прекраснее всех мужчин на свете.

– Кто ты такой? – спросил наконец герой. – Если ты один из палачей, то приступай к своему делу! Ты мне не страшен, никакие твои ухищрения не вырвут у меня ни стога, ни звука. Но знай, что боги справедливы и отомстят за меня! Уже сейчас тьмы и тысячи войска надвигаются сюда, а суда ахейян, грозных в бою, подобно стаду хищных волков, налетят на страну эту, предавая все мечу и огню!

При этих словах Мериамун склонилась над ним, чтобы прочесть в его глазах то, что в них было написано, и облик ее отразился на медной поверхности жаровни у него в ногах.

Одиссей узнал, кто стоит за его изголовьем.

– Скажи, Мериамун, царица Кеми, опозоренная жена фараона, зачем ты пришла сюда? – спросил он. – Зачем ты прячешься от меня, встань так, чтобы я мог тебя видеть! Не бойся, я крепко связан и не могу поднять на тебя руку!

Тогда Мериамун, не проронив ни слова, обошла вокруг одра мучений и, сбросив с себя плащ, встала перед ним во

всей своей величественной красоте.

– Злая женщина, зачем пришла ты сюда смотреть, как твои рабы будут раздирать мое тело на части и гасить эти огни моею кровью? Пусть так, но знай, что твои мучения превысят мои во столько крат, во сколько звезды неба превышают свою численностью землю. И здесь, и в будущей жизни, до скончания века ты будешь томиться такою неутолимой жаждой любви, что проклянешь день своего рождения. Во все века и во всех странах будешь ты под разными именами снова переживать свою пытку.

– Замолчи и не вливай еще нового яда в мою отравленную ядом душу! – воскликнула Мериамун. – Я потеряла разум от любви, обезумела от бешенства и обиды... Ты спрашиваешь, зачем я пришла сюда? Я пришла спасти тебя! Но время летит, слушай! Правда, громадное войско варваров надвигается на Кеми, хотя я не могу понять, как тебе это стало известно; правда также и то, что фараон возвратился один и все его войско, все всадники и колесницы поглощены в волнах Чермного моря. Горе, беды и скорбь обрушились на нас и на эту страну, но, несмотря на все это, я хочу спасти тебя, Одисей! Я внушу фараону помиловать тебя и послать навстречу неприятелю, но ты должен поклясться мне, что останешься верен фараону и разобьешь неприятельское войско, кто бы ни был этот враг Кеми.

– Клянусь, – сказал Скиталец, – я сдержу свою клятву, хотя рука не подымается на своих братьев! Но будь спокойна,

я не изменю фараону.

– Кроме того, ты должен дать мне еще другую клятву. Та, что зовут здесь в Кеми Хатхор, отвергла тебя, вырвав из своего сердца любовь к тебе за то, что ты стал моим супругом в прошедшую ночь. Ты связан со мной нерушимой клятвой и, в каком бы образе я ни была и каким бы именем ни звалась, вечно будешь связан со мной. Поклянись же мне, что никогда не скажешь ничего о прошедшей ночи фараону!

– И в этом клянусь! – сказал Скиталец.

– А еще клянись, что, если бы фараон был отозван в царство Осириса и случилось бы так, что та, которая зовется Хатхор, подобно ему, переселилась бы в преисподнюю, ты, Одиссей, возьмешь меня, Мериамун, себе в жены и будешь верен мне во всю свою жизнь!

На этот раз Одиссей призадумался, поняв, что Мериамун держала в уме сжить со света и фараона и Елену. Но судьба фараона мало тревожила его; что же касалось Елены, то он знал, что она неуязвима и хотя постоянно меняет свой образ, но не умрет до тех пор, пока не вымрет все человечество. Кроме того, он знал, что теперь ему предстоит идти на смерть, которая придет ему от воды, и потому он ответил царице:

– И в этом я готов поклясться тебе!

Тогда Мериамун опустилась на колени подле ложа Одиссея и, глядя любовно ему в глаза, промолвила:

– Хорошо, Одиссей, быть может, вскоре я потребую от те-

бя исполнения твоей клятвы! Но не думай так дурно обо мне. Если я погрешила, то только потому, что любовь к тебе довела меня до безумия. Много лет тому назад тень твоя упала на мое сердце, и я отдала душу этому призраку, а теперь ты явился, и я, увидя тебя перед собою, полюбила на свою погибель... О, я поборолa в себе свою гордость, и боги дали мне другой образ, образ той, которую ты любишь, и ты сделал меня своей женой... Ах, Одиссей, когда я видела тебя во всей твоей красоте и силе и когда этот негодяй сидонец Курри перерезал тетиву твоего лука...

– Курри! – воскликнул Скиталец. – Скажи мне, царица, что с ним стало, да заставь его перенести все те пытки, к которым приговорен я!

– Ты просишь об этом слишком поздно! – сказала Мериамун, – ложная Хатхор взглянула на него, и он пронзил себя ножом на ее глазах. А теперь мне пора, ночь проходит. Фараон должен видеть знаменательный сон до рассвета. Прощай же, Одиссей! Жестко твое ложе в эту ночь, но мягко царское ложе, ожидающее тебя! – закончила царица и, завернувшись в свой темный плащ, удалилась.

– Да, Мериамун! – прошептал Скиталец ей вслед. – Жестко мое ложе сегодня ночью, но мягко ложе царей, тех царей, что ожидают меня в царстве царицы Персефоны! Но не ты будешь делить со мной это ложе! Жестко сегодня мое ложе, но твое будет много жестче во все ночи, какие будут в жизни и смерти!

Глава XXIII. Сон фараона

Фараон спал тяжелым сном, измученный горем и заботами, когда царица Мериамун вошла в его опочивальню и, встав в ногах его золотого ложа, воздела вверх руки и посредством разного колдовства стала вызывать видения, мнимые сны в мозгу спящего.

И фараону стало сниться, что гигантская фигура Пта, творца вселенной, сойдя со своего каменного пьедестала у врат храма, явилась к его постели и, стоя в ногах золотого ложа, точно громадная скала, стала смотреть на него упорным взглядом. И снилось фараону, что он проснулся и, распростершись ниц перед божеством, спросил его, что означает его приход. На это Пта ответил ему:

– Менепта, сын мой, ты которого я возлюбил, слушай меня! Варвары с девятью луками наводняют древнюю страну Кеми, девять народов надвигаются на твою столицу и разоряют страну. Но я дарую тебе победу, и ты уничтожишь своих врагов, как поселянин срубает высохшую пальму. Они падут, и ты поживишься добычей их. Слушай меня: не сам ты должен вести войска против врагов; там глубоко в подземельях крепостной башни твоего дворца лежит могучий и искусный вождь, опытный в военном деле, посетивший многие земли и страны. Освободи его от оков и поставь во главе своих ратников, а о преступлении его забудь! Он доставит тебе

победу! Проснись, Менепта, проснись! Вот тот лук, которым ты победишь врагов.

Мериамун положила на ложе фараона черный лук Скитальца и неслышно удалилась в свою опочивальню. Ложный сон фараона исчез, и тот проснулся.

Рано поутру фараон, увидев жену, спросил ее:

– Знаком ли тебе этот лук?

– Да, я узнаю его! – ответила Мериамун. – Он спас нас от разъяренной толпы в ночь смерти наших первородных. Это лук Скитальца, который теперь лежит на одре мучений в ожидании казни за содеянное им преступление.

– Но ему суждено спасти землю Кеми от варваров! – сказал фараон и пересказал царице свой сон.

– Хотя обидно, что человек, нанесший мне и тебе такое оскорбление, должен с почетом встать во главе твоих войск, но как решили боги, так должно быть! – произнесла с притворною покорностью хитрая царица.

Фараон приказал привести Скитальца к себе и надеть на него золотые доспехи, но не давать никакого оружия. А когда тот предстал пред фараоном, последний рассказал ему свой знаменательный сон, проговорив:

– Выбирай одно из двух: или иди и сражаться во главе моих войск против твоих единоплеменников и доставить победу моему оружию, или вернуться в руки палачей и под пыткой окончить жизнь! Так как клятве твоей верить нельзя, то я не беру с тебя клятвы, но знай, что если ты попытаешься

изменить мне, то моя рука достигнет тебя, где бы ты ни был. Тогда тебе не избежать жесточайших пыток.

На это Скиталец отвечал:

– Против того обвинения, которое возводят на меня, я мог бы многое сказать тебе, фараон, но так как ты теперь не говоришь об этом, то и я промолчу. Клятвы ты с меня не берешь, и я не даю ее тебе, но если ты дашь мне 10 тысяч человек и сотню колесниц, я разобью врага и доставлю победу твоему оружию, хотя тяжело поднимать руку на своих единоплеменников.

Тогда фараон приказал посадить Скитальца на колесницу и препроводить его под сильным конвоем в город Оп, где собирались его войска, наказал своим военачальникам при первой попытке Скитальца бежать или изменить фараону убить его на месте; в бою же повиноваться ему беспрекословно, как самому фараону.

Скиталец слышал этот наказ, но не сказал ни слова и сел на колесницу. Тысяча всадников сопровождала его, а царица Мериамун со стен столицы следила, как избранник сердца ее отправлялся на войну и как пыль пустыни длинным облаком стлалась позади его поезда.

Оглянувшись на город и Скиталец, когда белокаменный Танис остался далеко позади, и тяжело было у него на сердце: там вдали виднелось святилище храма Хатхор, где пребывала Елена, считавшая его изменником и неверным. Да, горька участь, уготованная ему богами!

Уныло тянулась дорога по бесплодной пустыне, кругом ни деревца, ни куста, ни одного живого существа. Вдруг на одном песчаном кургане показался неподвижно стоявший верблюд, на котором сидел человек, словно поджидавший здесь колесницы и всадников фараона. Когда они были уже недалеко, человек на верблюде круто повернул свое животное лицом к отряду и, воздев руки к нему, громким и властным голосом крикнул:

– Остановитесь!

– Кто ты такой, что смеешь сказать всадникам фараона «остановитесь»? – надменно спросил начальник конницы.

– Я тот, кто может сообщить вести о сонмищах варваров, надвигающихся на Кеми! – отвечал незнакомец, сидевший на верблюде.

Теперь и Скиталец взглянул на него. Это был очень малорослый, сморщенный старик, лицо его было темно и опалено солнцем; тело облекало нищенское рубище, хотя верблюд был накрыт пурпурным чепраком, расшитым золотом и драгоценными камнями. Скиталец стал пристально вглядываться в его лицо, и оно показалось ему знакомым.

Между тем начальник конвоя приказал задержать колесницу и сказал старику, чтобы тот подъехал ближе – сообщить те вести, о которых он говорит.

– Никому я не скажу ни слова, кроме того человека, которому фараон поручил вести войска против врагов! – и подойдет ко мне, и ему я скажу все.

– Этого я не могу разрешить! – сказал начальник конвоя, которому было приказано не разрешать Скитальцу говорить на пути ни с кем из посторонних.

– Как желаешь! – отозвался таинственный старец. – Иди на свою гибель! Ты не первый отгоняешь посланников богов и не первый навлекаешь беды и несчастья на эту страну!

– Я готов приказать людям убить тебя тут же на месте! – крикнул взбешенный военачальник.

– Тогда тайна моя ляжет со мною в могилу, вытечет с кровью моей в песок пустыни и с последним вздохом моим разлетится по ветру, безумец! – отвечал бесстрастно старец.

Египтянин смутился, не зная, что ему делать, и подозрительно взглянул на Скитальца. Но тот казался совершенно безучастным. Тогда, посоветовавшись с товарищами, начальник конвоя попросил Скитальца сойти со своей колесницы и выступить на двенадцать шагов навстречу старику, а тот со своей стороны сделает то же. Так они сошлись на глазах и стражи и всадников фараоновых, а их те не могли слышать.

– Привет тебе, Одиссей из Итаки! – сказал старик в нищенском рубище.

Теперь и Скиталец, в свою очередь, узнал своего собеседника.

– Привет тебе, жрец Реи, начальник и хранитель сокровищницы фараона!

– Я только жрец, и ничего более, Скиталец, так как цари-

ца Мериамун в своем гневе лишила меня всех этих званий, почестей и даже всего скопленного мною имущества из-за тебя, Скиталец, из-за бессмертной, любовь которой ты приобрел! Но слушай: я узнал путем тайной магии о сне фараона и о том, что ты будешь послан воевать с врагом и, передевшись нищим, взял самого быстрого в Танисе верблюда, поспешив сюда окольным путем встретить тебя. Мне хотелось только узнать, как это случилось, что ты обманул бессмертную в ту ночь, когда она и я ждали тебя у пилона храма Хатхор. Оттуда я по ее настоятельной просьбе проводил ее во дворец и за то лишился всего, а воплощенная красота вернулась в свое святилище и теперь горько оплакивает твою измену!

– Скажи мне и ты, Реи, знаешь ли ты чары и колдовство Мериамун, знаешь ли, каким образом она привлекла меня к себе и овладела мною в образе златокудрой Елены-аргивянки?

И герой в нескольких словах рассказал старому Реи все случившееся с ним, как он поклялся змеем, когда должен был клясться звездой.

Когда Реи услышал, что Скиталец поклялся змеем, он невольно содрогнулся.

– Ну, теперь я знаю все! – воскликнул он. – Не бойся, Скиталец, не на тебя обрушатся все беды и несчастья и не на бессмертную, которую ты любишь. Змей, обманувший и соблазнивший тебя, отомстит за тебя!

– Реи, – произнес Скиталец, – одно я поручаю тебе! Ты знаешь, что я иду на смерть! Прошу тебя, повидай ту, которую ты зовешь Хатхор, и расскажи, как я был обманут и как я несчастлив; если она будет знать об этом, я умру спокойно. Скажи ей также, что я молю ее о прощении и люблю только ее одну!

– Это я обещаю тебе! – отвечал Реи. – Но смотри, всадники ропщут: нам пора расстаться. Знай, однако, что войско неприятельское надвигается с востока по восточному рукаву Сихора. На расстоянии одного дня пути от Опа горы спускаются к самому краю реки; в этих горах есть скалистое ущелье, через которое должен пройти неприятель. Там ты устрой засаду и там у Просониса разобьешь врагов. Прощай! Я разыщу Хатхор и скажу ей все, о чем ты просил меня, но предупреждаю тебя, что руки судеб тяготеют над страной этой. Странные видения роятся в моем мозгу, предвещая недоброе. Прощай.

С этими словами старец вернулся к своему верблюду и, объехав войско, быстро скрылся в облаке пыли.

Скиталец и конвой продолжали свой путь. Первый никому ничего не сказал о том, что ему сообщил старик, заметив только, что он уверен, что это был посланник богов, преподавший ему наставление, как вести войну.

Вскоре они прибыли в Оп, где уже собрались войска фараона на огромном, обведенном высокой стеной пространстве перед храмом Ра. Здесь они раскинули свой лагерь у

подножия обелиска, стоявшего у ворот внутренней решетки храма, воздвигнутой строителем Реи по образцу обелиска Фив, поставленного божественным Рамсесом Мериамуном во славу Ра на все века.

Глава XXIV. Голос мертвеца

Когда колесница, на которой уезжал Скиталец, скрылась в облаке пыли в необъятной пустыне с глаз следившей за нею царицы Мериамун, она сошла со стены и спустилась с кровли дворца в свои покои, где оставалась одна, пока не настала ночь. В окружавшем ее мраке преступные мысли одна за другой родились в ее душе. Не клялся ли Скиталец, что, когда умрет фараон, а Елена-аргивянка переселится вслед за ним в царство теней, он возьмет ее себе в жены? Все равно не впервые она решается на кровавое дело! Ей суждено путем преступления достигать того, чего она желает, она пойдет и теперь этим путем.

Приложив руки к двуглавой змее, опоясывавшей ее стан, царица произнесла таинственным шепотом:

– Осирис призывает тебя, Менепта! Осирис призывает тебя! Тени тех, что погибли из любви к тебе, Елена-аргивянка, собрались у ворот. Фараон, ты умрешь в эту ночь! Завтра в ночь ты, богиня красоты, перестанешь быть тем, что есть. Мужчины не могут причинить тебе вреда, но огонь не откажется отомстить за всех... А в женских руках, готовых разжечь твой похоронный костер, недостатка не будет!

Просидев еще некоторое время в глубоком раздумье. Мериамун вдруг поднялась и ударила в ладоши. Когда явились слуги, она приказала нарядить себя в лучшие царские одеж-

ды и убрала голову свою уреусом, этим кольцом двуглавой змеи, знаком могущества, затем опоясала себя поясом змеи, знаком мудрости. Потом, достав что-то из потайной шкатулки, она скрыла это у себя на груди и, блистая красотой и царственным величием, прошла в длинную залу, служившую преддверием залы пиршества. Здесь собрались все принцы царской крови и царедворцы. Когда фараон взглянул на нее, то поразился ее красоте, и уязвленное, скорбное сердце его позабыло на мгновение все печали; он снова полюбил ее как много лет тому назад, когда она овладела им во время игры в фигуры. Мериамун же уловила в его глазах взгляд любви, и вся накипевшая у нее на сердце ненависть всплыла со дна души, но уста ее ласково и приветливо улыбались фараону и шептали ему добрые слова. Царица сама подливала фараону вино, глаза ее сверкали все ярче и ярче, она улыбалась все приветливее и заманчивее, пока наконец фараон ничего так не желал, как только вновь насладиться ее красотой.

Когда кончился пир и все разошлись, в длинной зале, служившей преддверием зале пиршества, в покоях фараона остались только фараон Менепта и царица Мериамун. Он приблизился к ней и робко взял за руку, заглядывая ей в глаза. Мериамун не отдернула своей руки и не сказала ему никакого гневного слова.

Тут же на краю золотого стола лежала лютня, а также доска для фигурной игры и сами фигуры из чистого золота самой художественной работы, а также и кости для игры.

– Мериамун, – сказал фараон, – за эти последние пять лет мы с тобою не знали друг друга. Я потерял твою любовь одним неудачным ходом, как при игре в фигуры, дитя наше умерло, войска погибли и рассеяны; враги обступают нас со всех сторон. Теперь одна любовь осталась нам, Мериамун.

Она взглянула на него ласково, как будто скорбь и печаль смягчили ее жестокое сердце, но не сказала ни слова, и фараон продолжал:

– Может ли умершая любовь вновь ожить и воскреснуть, может ли заснувшее чувство вновь пробудиться, а прогневанная любовь – простить?

Мериамун взяла со стола лютню, и пальцы ее стали беззвучно перебирать струны.

– Я не знаю, – отвечала она, – да и кто может знать?

– Ну, так вот что! Послушай! Когда-то ты выиграла у меня в фигуры корону. Не дашь ли ты мне сегодня выиграть твою любовь?

Она призадумалась на минуту, затем отвечала:

– Хорошо! Постарайся выиграть, господин: весьма возможно, что на этот раз я проиграю. Позволь мне, государь, расставить фигуры и принести тебе чашу вина.

Расставив фигуры, она перешла в другой конец залы и, взяв там с поставца большую золотую чашу, поставила ее под руку фараона. Последний был так увлечен и так озабочен ходом игры, что ни разу не притронулся к чаше губами. Глаза царицы горели, щеки пылали в полумраке длинной

залы, освещенной только несколькими светильниками. Кругом было тихо, во дворца все спали. Счастье попеременно склонялось то на ту, то на другую сторону, наконец Мериамун проиграла, и фараон с торжеством снял фигуры с доски и, высоко подняв чашу, залпом осушил ее. Но едва поставил он чашу на место, как воскликнул: «„Фараон“ умер!»

– Фараон умер! – повторила Мериамун, глядя ему прямо в глаза.

Менепта побледнел, как мертвец: он знал уже этот взгляд, тот, когда она убила Натаску.

– Фараон умер! Великий фараон умер! – крикнула она пронзительным, шипящим голосом. – Не успеешь ты сосчитать до ста, как минуты твои будут сочтены. Завтра ты, Менепта, будешь восседать в объятиях смерти на коленях Осириса! Умирай, фараон, умирай. Но прежде знай, что я никогда никого не любила, кроме Скитальца! Его одного я только люблю, и любовь его я украла у него своими чарами и колдовством. Я ложно обвинила его, опозорив в глазах всех. Но он вернется победителем! Это так же верно, как то, что ты завтра будешь сидеть на коленях Осириса, он будет сидеть на твоём престоле!

Менепта, услышав эти слова, собрав последние силы, поднялся и, шатаясь, стал наступать на нее, ударяя по воздуху руками. Она медленно отступала от него шаг за шагом, а он все наступал, страшный и грозный, но вдруг остановился, вскинул вверх руки и упал мертвым на мозаичный пол. То-

гда Мериамун подошла и долго смотрела на него странным, загадочным взглядом.

– И это был фараон, в руках которого лежали сотни тысяч человеческих жизней! – прошептала она. – Ну что ж, дело сделано, и хорошо сделано! Хорошо было бы, если бы и то, что должно быть сделано завтра, было бы уже кончено сегодня: Елена-аргивянка лежала так же, как теперь лежит Менепта. Теперь только выполоскать чашу и скорее спать! Да, если только сон придет ко мне. Куда он бежит от меня теперь? А завтра его найдут мертвым... Что ж, цари часто так умирают!.. Какой он страшный! Никогда его глаза не были так безобразны, так страшны и так отвратительны.

Солнце начинало золотить кровли храмов и дворцов, люди просыпались, спеша к своим дневным трудам. Мериамун, лежа на своем золотом ложе, прислушивалась к шуму пробуждающейся жизни во дворце. Вот захлопали двери, засуетились люди; одни бежали туда, другие сюда; и вдруг раздался крик: «Фараон умер! Проснитесь! Проснитесь, все, фараон умер!»

Тогда Мериамун притворилась спящей. В комнату ее вбежала прислужница и, пав на колени, сообщила ей страшную весть. Царица вскочила с постели и, едва прикрыв свою наготу, побежала со всеми своими приближенными туда, куда бежали все царедворцы и слуги.

– Кто видел этот страшный сон? – воскликнула она. – Кто

смеет давать волю своему бреду?

– О, царица, то не сон, пройди в этот покой, видишь, фараон лежит мертвый, и на нем нет ни раны, ни следов борьбы.

Громко вскрикнув, Мериамун разметала волосы свои покрывалом на лицо, слезы закапали из ее глаз, при виде холодного трупа фараона она с минуту стояла над ним, точно окаменев от горя, затем кинулась на пол и, простирая вперед руки, громко воскликнула:

– Все еще проклятие тяготеет над страной Кеми и народом его! Видите, фараон мертв, и нет на нем следа раны. Я знаю, что он убит злобным колдовством ложной Хатхор. О супруг мой, взлюбленный супруг мой! – воскликнула она и, положив свою руку на его грудь, продолжала: – Этим мертвым сердцем твоим клянусь тебе отомстить твоей убийце! Возьмите эти бранные останки того, кто был величайшим из царей, оденьте в смертные одежды и посадите на колени Осириса в храме Осириса. Затем идите по городу и возгласите народу это приказание царицы из улицы в улицу, из дома в дом, чтобы всякая женщина в Танисе, потерявшая сына, мужа, брата, жениха или возлюбленного через колдовство и чародейство ложной Хатхор, или благодаря бедствиям, ниспосланным ею на Кеми, или в преследовании Апура, которых она побудила бежать в пустыню, – пусть все они явятся с закатом солнца в храм Осириса, где я буду ждать их, и там, перед лицом самого бога и мертвого величия фараона, мы решим, как отплатить этой ложной Хатхор!

Приказание царицы было исполнено. Менепту одели в смертные одежды и посадили на колени Осириса, где он должен был оставаться один день и одну ночь. А глашатаи стали обходить весь город, вызывая всех женщин к закату в храм Осириса. Кроме того, Мериамун разослала рабов по десяти и двадцати человек собирать по всему городу дрова, щепки и прутья, вообще всякий горючий материал, приказав нести все это во двор, смежный с храмом Хатхор.

Между тем измученный слишком быстрым бегом верблюд жреца Реи не выдержал и на обратном пути, не достигнув города, упал и не мог уже подняться. Тогда Реи закончил путь пешком. Когда он никем не замеченный в своем нищенском рубище тихонько пробирался по улицам Таниса, его слух был поражен плачем женщин. Осведомившись у одного прохожего, какое новое несчастье обрушилось на Кеми, и узнав, что умер фараон, Реи тотчас же угадал, кто его убийца. Возмущенный старик хотел пойти прямо во дворец упрекнуть царицу и затем принять смерть от ее руки, но затем одумался и поспешил туда, где он скрывался: закусив, чтобы восстановить свои силы, и сбросив с себя рубище, оделся в чистые одежды, поверх накиннул старушечье покрывало, потом вмешался в толпу женщин, спешивших теперь к храму Осириса.

Солнце уже зашло, и факелы были зажжены, чтобы осветить мрак громадного мрачного храма Осириса. Завеса святилища была задернута, а самый храм представлял собою

море голов с поднятыми вверх лицами. Вот двери храма закрыли и заперли на засовы, и из-за завесы раздалось: «Слушайте!»

И все смолкли. Тогда завеса святилища отдернулась, и огонь, горевший на жертвеннике, осветил каменное изображение Осириса, на коленях которого сидел мертвый фараон Менепта. Как каменная фигура Осириса, так и покойник были запеленуты в погребальные пелены, и в руки их были вложены скипетр, жезл и бич как у одного, так и у другого. Рядом с идолом Осириса стоял черный мраморный трон, на котором восседала теперь царица Мериамун во всем своем великолепии и красоте, в полном царском одеянии и двойной золотой короне Кеми, с змеею уреуса на голове, с хрустальным крестом жизни в руке и в пурпурной мантии, из-под складок которой сверкали глаза змея, обвившего ее стан.

Некоторое время она хранила молчание, затем, возвысив голос, начала:

– Женщины Таниса, пусть каждая из вас убедится в том, что среди вас нет ни одного мужчины, чтобы он, увлекаемый своим безумием, не выдал ненавистной ложной Хатхор нашей тайны! Слушайте! Бедствие за бедствием обрушились на Кеми: наши первенцы убиты невидимой рукой; наши рабы ограбили нас и бежали; наши воины и колесницы поглощены волнами Чермного моря, варвары, подобно саранче, унижали наши берега. И все это из-за того, что ложная богиня водворилась в Кеми. Она отнимает у нас наших мужей,

сыновей, братьев, женихов, даже жрецов, служителей других богов. Все смотрят на ее красоту и идут на смерть. Не права ли я?

– Увы, царица, ты говоришь правду! – слышалось в толпе.

– Все мы страдаем из-за нее, но всех больше потерпела я. Из-за нее мой единственный сын умер, мои рабы бежали, а теперь отнят у меня и возлюбленный, незабвенный супруг! Помните, ведь он был ваш царь! – И Мериамун, закрыв лицо свое руками, казалось, плакала или молилась.

– Я умоляла богов, – продолжала она после некоторого молчания, – чтобы они открыли нам через мертвые уста фараона, из-за кого мы страдаем, и боги обещали мне дать ответ, такой ответ, который убедил бы всех нас!

С этими словами Мериамун, привстав со своего трона, обратилась к мертвецу, сидевшему на коленях Осириса:

– Умерший фараон! Великий Осирис! Владыка преисподней, первейший из сонмища мертвых, услышь меня и прояви себя через уста того, кто был велик на земле! Проговори его устами языком смертных, чтобы эти женщины могли слышать и понять слово твое. Скажи, кто источник всех наших бедствий? Скажи нам, царь умерших, ты, живущий вечно!

И вот пламя на жертвеннике вдруг погасло, и воцарилось гробовое молчание; мрак окутал святилище, мрачную статую Осириса и белевшее во мраке мертвое лицо фараона. Затем пламя вдруг вспыхнуло, словно молния, и осветило

лицо мертвеца; губы его шевельнулись, и послышался замогильный, сиплый голос, произнесший такие слова:

«Та, которая была проклятьем ахеян, которая была роком Илиона; та, что восседает теперь в храме Хатхор, которой ни один мужчина не может нанести вреда и перед которой все они бессильны, она призывает гнев богов на страну и народ Кеми. Я сказал».

Последние отзвуки этих слов замерли среди мертвой тишины и безмолвия храма; суеверный страх охватил всех собравшихся здесь женщин при звуках голоса мертвеца, так что многие попадали ниц, а другие закрывали лицо руками, чтобы не видеть и не слышать.

– Слышите, сестры! – воскликнула Мериамун. – Поспешим же к храму Хатхор! Вы слышите теперь, кто источник всех ваших бедствий! Мужчины бессильны против нее, но мы не просим и не нуждаемся в их помощи, так как все они ее рабы. Мы сами избавим себя от нее; у нас хватит силы и мужества забыть нашу женскую кротость и мягкость и вырвать с корнем эту тлетворную красоту из родной страны. Пойдем и сожжем храм Хатхор, тогда жрецы ее погибнут у алтарей, а красота этой ложной богини растает, как воск в горниле, от пламени нашей ненависти! Скажите, сестры, дочери Кеми, готовы ли вы идти за мной и выместить наши

слезы и наш позор на этой бесстыдной, ложной Хатхор, наши бедствия и горе – на источнике всех этих бедствий и горя, наших убитых – на убийце?

Тысячи женских голосов ответили ей в один голос, слившийся в один протяжный крик ярости:

– Готовы, Мериамун! Готовы идти за тобой все до одной! Веди нас к святилищу Хатхор. Тащите огонь! Идем, идем к святилищу.

Глава XXV. Сожжение святилища

Реи-жрец все слышал и, прокравшись сквозь обезумевшую от бешенства толпу женщин, побежал из храма, мучимый страхом и стыдом. Он хорошо знал, что фараон умер не от рук Хатхор, а от руки самой царицы Мериамун; знал, что не бог говорил мертвыми устами Менепты, а колдовство той, что была всех женщин искуснее и опытнее в деле колдовства, познания змея, знал, что Мериамун хочет уничтожить Хатхор по той же причине, по какой она отравила фараона: чтобы стать женою Скитальца!

Реи был человек богобоязненный и справедливый, и сердце в нем горело от боли при сознании развращенности и зла той, которую он с раннего детства любил, как родное дитя. Он поклялся в душе, если только успеет предостеречь Елену, передать ей все, что сделала Мериамун и что поручил ей сказать Скиталец. Старые ноги его заплетались, до того он спешил; наконец, едва переводя дух, добежал он до врат храма Хатхор.

– Что тебе надо, старуха? – спросил его жрец, охранявший врата.

– Пропусти меня к бессмертной Хатхор!

– Ни одна женщина никогда не переступала этого порога и не старалась увидеть Хатхор!

Но Реи поспешил сделать жрецу таинственный условный

знак посвященных в сокровенные тайны познания истины, и тот пропустил его, немало удивленный, что женщина могла принадлежать к числу посвященных в тайные науки.

Благополучно пройдя и через внутренние двери храма, Реи очутился перед дверью алебастрового святилища, освещенного огнями изнутри. Осторожно и робко приподняв бронзовую щеколду, он вошел в святилище, шепча молитву, чтобы не быть сраженным невидимыми мечами, и вот достиг наконец самой завесы. На этот раз оттуда не доносились звуки песни Хатхор. Когда Реи, раздвинув слегка завесу, очутился в святая святых храма, то увидел богиню, сидевшую не как обычно за пряжей, а печально опустив руки в колени и, по-видимому, далеко унесшуюся в мечтах. Она даже не заметила его прихода, и, только когда Реи, приблизившись к ней, пал перед нею на колени и распростерся на земле, Елена очнулась и спросила его:

– Кто ты, нарушивший в такой неурочный час мое уединение? Неужели ты в самом деле женщина и пришла ко мне, смертельному врагу всех женщин?

– Я не женщина, Бессмертная Царица! Я старый жрец Реи, которого ты, может быть, помнишь! Я осмелился нарушить твое уединение, чтобы предупредить тебя о грозящей опасности от руки царицы Мериамун, а также передать тебе то, что мне поручил тот, кого мы здесь называли Скитальцем.

– Ты сейчас назвал меня бессмертной, Реи! Как же может грозить опасность, мне, против которой бессильны все люди

и даже сама смерть? Увы, я не могу умереть, прежде чем не настанет конец вселенной, конец всему! Но расскажи мне о том изменнике, о том неверном, которого ты называешь Скитальцем.

– Он не изменник и не неверный, как ты называешь его, госпожа, а несчастный, обойденный, замороченный человек! Послушай меня, и я расскажу тебе все, как было.

И Реи рассказал Елене все, что ему поручил сказать ей Скиталец, как Мериамун оболестила его в ее образе и обманом завладела им, заставив его поклясться змеем, когда он должен был клясться звездой, что он сделал, когда узнал правду, и как царица оклеветала его, как стражи и евнухи одолели его, как он лежал на одре мучений и был спасен царицей и отправлен начальствовать над войском фараона.

Елена слушала его, не прерывая.

– Воистину, – сказала она, когда Реи смолк, – ты радостный вестник, Реи! Теперь, узнав от тебя обо всем, я прощаю его, но за то, что он поклялся змеем, никогда в этой жизни он не назовет меня своей. Но мы с тобой последуем за ним... Слышишь, Реи, что это за крики?

– Это царица Мериамун и женщины Таниса пришли жечь храм и твое святилище. Она убила фараона, чтобы овладеть Скитальцем, и хочет уничтожить и тебя! Беги, госпожа, беги!

– Нет, Реи, мне бежать и спастись незачем! Пусть она сделает свое преступное дело, а ты беги и скажи всем слугителям моим и жрецам, чтобы они бежали с тобою. Беги,

смешайся с толпой и жди меня. Я выйду, и тогда мы последуем с тобой за Скитальцем, как я сказала тебе. Спешите же, Реи, спешите!

И Реи побежал. У входа в святилище толпились жрецы и служители Хатхор.

– Бегите! – крикнул им Реи. – Женщины Таниса осаждают храм и хотят сжечь его, умоляю вас, бегите!

– Эта старая бабка помешалась! – проговорил один из них. – Мы – хранители Хатхор, и пусть сюда ворвутся все женщины мира, мы не можем бежать!

Между тем Реи был уже за воротами храма и притаился в тени за выступом наружных стен его.

Ночь была темная, но со всех концов города, со всех сторон стекались к храму тысячи огней; все ближе и ближе становились они, словно фонарики на водах Сихора в ночь празднества фонарей. То были полчища женщин с факелами в руках, а за ними двигались кони, ослы и мулы, нагруженные сухим хворостом, тростником, дровами. Во главе их ехала на своей колеснице царица Мериамун. Подъехав к воротам храма, она сошла с колесницы и громко крикнула жрецам, чтобы они раскрыли ей ворота.

– Кто ты такая, что осмеливаешься идти с огнем против священного храма Хатхор? – спросил хранитель врат.

– Я – Мериамун, царица Кеми, пришла сюда с женщинами Таниса убить эту лиходейку, колдунью, которую ты охраняешь. Отопри ворота настежь или умри вместе с ней!

– Если ты в самом деле царица, – сказал жрец, – то здесь у нас восседает царица больше тебя! Уходи назад, Мериамун, осмелившаяся восстать на святыню бессмертных богов. Уходи, говорю тебе, не то проклятие поразит тебя!

– Эй, женщины, налегайте на ворота, взломайте их! Ну, дружнее и растерзайте дерзнувшего послушаться меня! – крикнула Мериамун толпе; та с криком выломала ворота и неудержимым потоком ворвалась в храм; там женщины схватили жреца и разорвали его на части, как собаки раздирают загнанного волка.

– Не троньте этих дверей, лучше несите сюда хворост и дрова и поливайте горючим маслом! Так, выше, выше и больше! – приказывала царица.

Женщины валили солому, тростник и щепки до высоты двойного роста человека, затем стали кидать в них зажженные факелы с диким криком бешенства и торжества.

Пламя объяло все святилище со всех сторон, огненные языки его стали лизать белые стены, которые от огня становились еще белее. Вскоре все превратилось в пылающий костер; кровля святилища готовилась уже обрушиться; пламя было так велико, что никто из женщин не мог уже теперь приблизиться к нему. Все они торжествовали, зная, что теперь ложной Хатхор пришел конец.

– Мы сделали задуманное дело, колдунья сгорела! – воскликнула царица Мериамун.

Но не успел еще этот ликующий крик ее замереть в воз-

духе, как громадное пламя длинным языком вырвалось из расплавившихся золотых дверей святилища и метнулось на толпу, опалив группу поджигательниц, которые тут же превратились в обгорелые тела. А в дверях святилища, вся объятая пламенем, стояла спокойная и невозмутимая златокудрая Елена, даже белого одеяния ее не касался огонь, ни лица, ни золотистых распущенных кудрей. Среди пламени по-прежнему горела и искрилась на ее груди багрово-красная звезда. Все женщины при виде этого чуда в испуге отпрянули назад, кроме царицы Мериамун. Елена же, стоя среди облака пламени, тихо пела, и нежный голос ее покрывал шум и свист пожара. Она пела о любви и красоте бесподобной, которую ищут все мужчины в каждой женщине, но никогда не находят, и о бесконечных войнах из-за нее между женщиной и мужчиной.

Затем чаровница медленно, царственной поступью вышла из храма и направилась к воротам, окруженная облаком пламени. Женщины закрывали глаза, когда она проходила мимо них, ослепленные яркостью пламени и блеском ее красоты, и отступали назад, хотя и она принуждена была прикрыть глаза рукою.

Теперь Елена смолкла и стояла уже у внешних ворот храма, там, где была колесница царицы Мериамун. Здесь Елена воскликнула громким голосом, так, что царица, шедшая за ней следом, услышала каждое слово:

– Реи, подойди сюда ко мне и не бойся. Подойди ко мне,

чтобы мы вместе с тобою понесли по стопам Скитальца. Иди сюда, нам надо спешить, так как великий герой накануне своей последней битвы, а я желаю приветствовать его прежде, чем он умрет!

Реи услышал ее голос и приблизился к ней, срывая с себя впотьмах свое женское одеяние, под которым на нем была одежда жреца. Когда он подошел к ней, пламя, окружавшее ее, взвилось кверху, точно огненный плащ, и исчезло в ночном небе, а она протянула ему свою руку со словами:

– Подсади меня на эту колесницу, Реи, и умчимся отсюда!

Старик послушно исполнил ее приказание, затем сам сел подле нее, взяв вожжи и крикнув на коней. Те рванулись вперед и помчались, как вихрь, на глазах всех и, прежде чем кто-либо мог очнуться, скрылись из глаз во мраке ночи.

Глава XXVI. Последний бой Одиссея

Полчища фараона выступили из города Оп. Перед выступлением все военачальники собрались к Скитальцу и согласно приказанию фараона принесли ему присягу в том, что беспрекословно пойдут за ним всюду, куда он их поведет, и будут во всем повиноваться ему на поле битвы. Затем ему принесли большой черный лук и несколько колчанов со стрелами и его чудный меч, дар Евриала; сердце Скитальца возрадовалось при виде всего этого оружия. Сев на бронзовую колесницу, приготовленную для него, Скиталец подал знак выступить в поход.

Всю ночь фараоновы полчища шли ускоренным маршем и на рассвете разбили лагерь под прикрытием длинного песчаного холма. Когда же взошло солнце, Скиталец с несколькими военачальниками взошел на вершину холма и оттуда стал обозревать всю местность. Как раз перед ним тянулось то ущелье, тот узкий горный проход, о котором говорил ему Реи и через который пролегал путь. Миновать или обойти его не было никакой возможности, так как на всем этом протяжении горы спускались отвесными скалами в реку. Тогда Скиталец сошел с холма и, пока воины его варили себе пищу, быстро промчался на своей колеснице в самый дальний

конец ущелья и оттуда окинул глазом весь неприятельский лагерь.

Такого войска Скиталец еще никогда не видал. Каждый народ расположился особо; в центре каждого лагеря виднелась царская ставка их царственного вождя. Каждый из них привел с собой до 20 тысяч своих воинов, так что все необозримое пространство равнины сверкало копьями, а за щетиистой стеной их виднелись на реке величественные очертания бесконечного ряда ахейских судов.

Повернув коней, Скиталец возвратился назад к полчищам фараона, хотя их сравнительно было мало, но душе его незнакомы были робость и сомнение. В его распоряжении было 12 тысяч копейщиков, 9 тысяч стрелков, 2 тысячи конницы и триста колесниц. Скиталец объехал их ряды, увещевая не падать духом и сражаться подобно львам, так как в этот день им суждено было стереть с лица родной земли даже самый след неприятеля. В то время как он говорил им это, справа сорвался с облаков громадный ястреб и в воздухе одним ударом своего железного клюва убил мелкую птицу. Полчища фараона радостно приветствовали эту победу священной птицы Кеми, посвященной богу Ра, видя в этом счастливое предзнаменование; Скиталец тоже был рад и воскликнул: «Так и вы победите и уничтожите врага!»

Затем Скиталец созвал военачальников на совет и отправил нескольких надежных людей в неприятельский лагерь на разведку, чтобы они под видом перебежчиков распространи-

ли среди неприятеля слух, что войско фараона малочисленно и утрачено их грозными полчищами, а потому не решается выйти им навстречу, а поджидает неприятеля под прикрытием песчаных холмов по сию сторону горного прохода.

Начальникам стрелков Скиталец приказал расположить всех своих людей в засаде в скалах и в кустах по обе стороны ущелья и выжидать, пока ему не удастся заманить врагов в ущелье, а при устье ущелья с этой стороны он приказал расположить часть копейщиков, конницу же оставил под прикрытием песчаного холма.

Когда засады были приготовлены и почти все войско, кроме конницы, встали на своих местах, явились разведчики, сообщившие, что неприятельские полчища уже выступили из лагеря, ахейцы же остались охранять лагерь и суда. Тогда Скиталец приказал своей коннице выехать через ущелье на равнину навстречу неприятелю, а при нападении на них отступить, затем после вторичного натиска, как бы не выдержав их напора, бежать перед врагом через ущелье, причем сам Скиталец брался руководить этим мнимым бегством, предводительствуя всадниками со своей колесницы.

Колесницы фараона выехали из ущелья на равнину и там построились в боевом порядке. Неприятель надвигался, сверкая лесом копий на солнце, конницы у него было немного, но колесниц, копейщиков, меченосцев и пращников великое множество. Они надвигались, каждый народ отдельно; посреди полчищ на золотой колеснице восседал царь этого

народа с женщинами, евнухами и рабами, державшими опала под шелковыми навесами, защищавшими их от солнца.

Скиталец как будто прятался за своей конницей, но вот он выслал гонца с приказанием военачальникам своей конницы напасть на первый неприятельский отряд, но сражаться вяло, затем, как только они увидят, что он повернул коней своей колесницы и помчался через ущелье, бежать за ним, но так, чтобы враг мог преследовать их по пятам.

Так военачальники наемной конницы фараона и поступили. Первая их атака была отбита, и они отступили, затем атаковали снова, но не выдержали натиска неприятеля и бежали, преследуемые по пятам неприятелем, который гнался за ними с диким криком торжества.

Скиталец, несшийся впереди своей конницы, оглянулся и засмеялся злорадным смехом; когда все ущелье было занято сплошь неприятелем, он встал и подал условный знак своим стрелкам. В один миг град камней и стрел затмил свет солнца. Неприятель первое время старался сохранять порядок, но раненые и взбешенные кони колесниц давили и топтали людей, а град стрел не переставал сыпаться со всех сторон. Обезумев от ужаса, одни теснились вперед, другие пытались бежать назад, и всюду гибли тысячами, пока наконец неприятельские полчища, разбитые и разрозненные, в беспорядке не стали отступать обратно в равнину. Тогда мощный голос Скитальца скомандовал своей коннице атаковать бегущего неприятеля. Все колесницы, находившиеся в ре-

зерве под прикрытием, теперь тоже ударили на неприятеля и, следуя за Скитальцем, стали преследовать врага. В числе тех, кто еще не успел выйти из устья ущелья, был царь Либу на своей колеснице. Это был громадного роста чернобородый мужчина ужасного вида. Скиталец, натянув свой лук, пустил в него стрелу, и царь упал мертвым со своей колесницы. Тогда его полчища, успевшие выбраться из засады, бросились бежать, но колесница Скитальца врезалась в их ряды, а за ней и всадники его, за всадниками – колесницы фараона, и вскоре от всего неприятельского войска остались жалкие остатки, да и те, объятые страхом и ужасом, бежали. Вся равнина чернела бегущими людьми, остатками полчищ различных народов.

Грозных союзников осталось теперь всего не более каких-нибудь 20 тысяч. Зато ахеяне сплошными рядами стеной стояли на страже своих судов и лагеря. Скиталец собрал своих стрелков и копейщиков и свои колесницы и выстроил их снова в боевом порядке, предоставив одной коннице преследовать бегущих.

Медленно и не торопясь подвел Скиталец свои войска и остановил на расстоянии двух выстрелов от неприятельского лагеря, расположенного в виде лука, тетивую которого явился Сихор. Кругом весь лагерь был окружен глубокими рвами и земляными валами.

Скиталец отправил глашатаев, предлагая тем, кто укрывался в стенах лагеря, сдаться, но те, чувствуя себя в до-

статочной безопасности, отвергли это предложение с бешенством; кроме того, они успели заметить, что по численности своей они не уступали войскам фараона.

Тогда Скиталец разделил свое войско на три корпуса и приказал двум из них атаковать неприятельский лагерь с левой и с правой стороны одновременно, с третьим же отрядом, которым командовал лично, остался против средних ворот лагеря, рассчитывая улучшить удобную минуту, чтобы ворваться в лагерь.

По его команде войска фараона атаковали лагерь одновременно с двух сторон, но их встретили градом стрел и копий, так что они принуждены были отступить. Скиталец вторично послал их атаковать лагерь, и на этот раз они пробили себе дорогу с правого фланга и ворвались в лагерь. Тогда охранявшие главные ворота устремились туда, чтобы отеснить фараонову пехоту, а Скиталец, воспользовавшись этим, приказал своим людям дышлами колесниц выломать ворота, и сам первым ворвался в лагерь на своей колеснице. Но в этот момент наемные войска фараона были вытеснены из лагеря на правом фланге, атаковавшие левый фланг были вновь отбиты и бежали. Те же, которыми предводительствовал сам Скиталец (они должны были ворваться в лагерь вслед за ним), немного замешкались. В это время ворота захлопнулись, и сильный отряд неприятеля преградил доступ, так что Скиталец очутился один во вражеском лагере. Но он не смутился: сердце его не знало страха. Бросив золотой щит

на дно бронзовой колесницы, он натянул свой лук и, громко крикнув вознице, чтобы он несся вперед, ни на минуту не останавливаясь, стал пускать одну стрелу за другой. Каждая из них несла смерть.

Враги с удивлением смотрели на Скитальца, колесница которого носилась взад и вперед. Всех сражали его стрелы, а стрелы его врагов, точно щепки, отскакивали от его золотых доспехов, не причиняя ему вреда. В недоумении, пораженные его мужеством и его красотой, враги восклицали, что это бог войны, явившийся сражаться за сынов Кеми, и бежали от него.

Но вот кем-то брошенный камень угодил между глаз его вознице, и тот пал мертвым с колесницы; вожжи разметались по ветру, а кони, почуяв, что остались без господина, стали беспорядочно метаться во все стороны. Затем, прежде чем Скиталец успел подобрать вожжи, чье-то копье пронзило сердце одного из его коней, и тот пал мертвым. Тогда смелость вернулась к врагам, и они набросились на мертвого возницу, чтобы похитить его золотые запястья и украшения, но это не удалось им. Скиталец соскочил с колесницы и встал над телом убитого с поднятым щитом и копьем.

Вдруг среди обступавшей его со всех сторон толпы произошло движение; он оглянулся и над морем шлемов и султанов, над стеной щитов увидел теперь обнаженную златокудрую голову человека, который был на полторы головы выше всех остальных, даже и самых высоких из них. На нем

не было ни шлема, ни щита, ни доспехов. Но тело его было твердо и изукрашено синими рисунками, изображающими людей, коней, змей и морских чудовищ. На плечи была накинута шкура белого медведя, скрепленная золотым аграфом, изображающим дикого вепря. Голубые холодные глаза его смотрели злобно и жестоко, а в руке у него вместо всякого другого оружия был ствол молодой сосны, на котором был утверждён тяжелый каменный топор.

– Расступитесь! – кричал он. – Расступитесь, жалкая мелкая сошка, и дайте человеку подойти, чтобы помериться силой со своим врагом.

И все расступились, встав кругом, великан выступил вперед, и толпа безмолвно приготовилась присутствовать при единоборстве.

– Кто ты такой? – спросил великан пренебрежительно. – И откуда родом?

– Меня звали Одиссеем, громителем городов, Лаэртovým сыном, князем ахеян, – отвечал Скиталец. – Скажи же и ты, кто ты такой и откуда родом?

– Лестригонами и симмерианами зовут нас люди; родина моя – страна бессолнечной зимы и безночного лета, городов мы не знаем, а живем в темном сосновом бору. Зовут меня Вольф, сын людоеда!

С этими словами он с диким криком устремился на Скитальца с занесенным над его головой тяжелым топором, готовый уложить его одним ударом на месте.

Но пока великан говорил, Скиталец незаметно встал так, чтобы солнце ударяло его противнику прямо в лицо, и в тот момент, когда могучий чужестранец устремился на него, Скиталец неожиданно поднял свой блестящий золотой щит, и солнце, ударив в него, ослепило его противника так, что тот уже не видел, куда попал его удар. Скиталец же в это самое время ударил изо всей силы по локтевому суставу правой руки великана. Удар его был так силен, что рука вместе с тяжелым топором упала к ногам гиганта; даже сам бронзовый меч Одиссея не выдержал, и лезвие его отскочило от рукоятки слоновой кости.

– Почувствовал ли ты что-нибудь, Людоед? – спросил его Одиссей.

Но великан подхватил в левую руку свой топор, оторвал зубами вцепившиеся в топорнице пальцы отрубленной руки и с пенящимися от бешенства устами, с громким, диким ревом накинулся на Скитальца и нанес ему страшный удар по голове. Этим ударом он выбил у него щит и продавил его золотой шлем, так что Скиталец, пошатнувшись, упал на одно колено, в глазах у него потемнело. Но в этот момент рука его оперлась на большой камень, так как место это, где происходило единоборство, было священным местом, на котором некогда стоял храм, разрушенный еще до времени царствования царя Мена. Скиталец обеими руками ухватил этот камень, который оказался базальтовой головой разбитой статуи какого-то бога или человека. Сильным движением Ски-

талец поднял голову эту, и, прежде чем на него упал второй удар каменного топора великана, швырнул ее прямо в грудь гиганта, который отшатнулся назад и упал, как срубленное топором дерево, без стопа и без звука, с проломленной грудью. Вместе с темной кровавой пеной, выступавшей у него на устах, жизнь покинула его тело.

Тогда вся толпа врагов, стоявшая и смотревшая на это единоборство, в ужасе отступила еще дальше, а Скиталец засмеялся, как бог, радуясь этому последнему богатырскому удару Одиссея, громятеля городов.

Глава XXVII. До тех пор, когда Одиссей вернется

Скиталец рассмеялся, как бог, хотя он знал, что его конец близок, а враги в неприятельском лагере и друзья вне его смотрели на него и дивились ему.

– Убейте! Убейте его! – кричали враги на разных языках, но никто не осмеливался подступить к нему и поднять на него руку.

– Пощадите его, пощадите его! – кричали ахеяне, следившие за его единоборством издали, из-за внутренней второй стены, так как они еще не принимали участия в бою, а стояли на страже своих судов.

– Выручайте его! Выручайте! – кричали военачальники фараоновых полчищ, но никто не пытался ворваться в лагерь.

Вдруг громкий крик ужаса и недоумения раздался в рядах фараоновых войск; мало-помалу крик этот перешел в слово «Хатхор!».

– Хатхор! Хатхор! Смотрите, сама Хатхор мчится сюда!

Скиталец обернулся и увидел золотую колесницу, запряженную парой молочно-белых коней в мыле и кровавой пене, мчавшихся с быстротою вихря с песчаного холма к воротам лагеря. Маленький, сморщенный старичок правил коня-

ми, перегнувшись вперед; рядом с ним стояла на колеснице златокудрая Елена, багрово-красная звезда горела у нее на груди, а воздушные белые одежды развевались по ветру, окутывая прозрачным облаком ее стан. Глаза ее смотрели вперед, как бы ища кого-то. Вот она увидела Одиссея, окруженного врагами, и крик радости вырвался из ее груди. Она сорвала с лица своего покрывало, и блеск красоты ее ослепил всех, как ослепляет внезапно выглянувшее из-за тучи полуденное солнце. Она рукою указала на ворота укрепленного лагеря и приказала полчищам фараона следовать за собой. С громким криком люди помчались вслед за ее золотой колесницей, так как куда бы ни вела их Елена, все мужчины должны были следовать за ней по воле и против своей воли, на жизнь и на смерть, на радость и на гибель. Те, кто защищал ворота, при виде красоты женщины, несшейся на них в своей колеснице, точно обезумели и на разных языках кричали, что богиня любви явилась спасти бога войны, и в страхе бежали в разные стороны, закрывая глаза руками, или стояли остолбеневшими, опьянев от вида красоты. Между тем колесница ворвалась в лагерь, давя людей на своем пути, а за нею, подобно неудержимому потоку, ворвались и полчища фараона. Поравнявшись с колесницей Скитальца, Реи осадил лошадей, и Скиталец с криком радости вскочил в колесницу Елены-аргивянки.

– Неужели это ты явилась сюда, чтобы быть со мной в этот последний час мой? – прошептал он ей. – Неужели ты в са-

мом деле та, которую я одну люблю, Елена-аргивянка, или я опьянел от вида крови, ослеплен блеском мечей и коней и предо мной видение осужденного на смерть человека?

– Нет, Одиссей, это я сама; я узнала всю правду и простила тебе твою вину. Но за то, что ты забыл слова богини и поклялся змеем, когда должен был клясться звездой, ты в этой жизни никогда не назовешь меня своею. Ведь это твой последний бой, Одиссей! Смотри, полчища фараона ждут твоего слова, веди их на врага и стяжай в последний раз бессмертную славу!

Повинуясь мановению руки Скитальца, военачальники фараона повели своих людей, и те, как морской прилив, гонимый сильным ветром, устремились на врагов и, подобно лавине, поглощали их полчища одно за другим. И всюду впереди неслась золотая колесница, запряженная молочно-белыми конями; багрово-красная звезда на груди Елены служила путеводной звездой полчищам фараона, и всюду впереди блестели золотые доспехи и шлем Скитальца.

Скоро от всех девяти народов, приведших сюда свои полчища, не осталось уже никого. Воины фараона стояли теперь у стен лагеря ахеян, охранявших свои суда и с удивлением взиравших на необычайное зрелище.

– Кто это? – воскликнул один из ахеян. – Кто ведет против нас полчища фараона в золотых доспехах, скованных по образцу наших?

– Такие доспехи я знавал когда-то, и такой же человек

имел их на себе! Эти доспехи, точно доспехи Париса, Приамова сына, но его давно уже нет в живых! – проговорил один престарелый воин.

– А кто она, эта златокудрая женщина, на груди которой горит и искрится багрово-красная звезда, которая поет сладкозвучные песни в то время, когда кругом нее умирают люди?

И снова отвечал тот же престарелый воин:

– Такую красоту я когда-то видал, и так же она певала тогда; та же звезда блистала у нее на груди. То была Елена-аргивянка, из-за красоты которой мир омрачился от смерти и захлебнулся в крови, но Елена-аргивянка давно умерла!

Между тем Скиталец взглянул на ахеян и на знакомые девизы на щитах тех воинов, отцы которых сражались с ним бок о бок под стенами Илиона, и при мысли о том, что он должен вести против них полки фараона, на душе у него стало так горько, что он заплакал.

– Не плачь, Одиссей, – промолвила Елена, – так предназначено тебе судьбою, и против нее ты бессилен! Веди на них полчища фараона, так как от них, от ахеян, тебе суждено принять смерть!

С тяжелым сердцем двинул Скиталец своих людей на ахеян и сам устремился на них на своей колеснице, но ни одной стрелы не спустил он в них, а их стрелы отскакивали от золотых доспехов Скитальца. Реи и Елена также оставались неуязвимы, хотя вокруг их смерть разила людей. Пока кипел

бой, Реи рассказал Скитальцу о смерти фараона, о сожжении храма Хатхор, о бегстве Елены. Скиталец, выслушав его, заметил:

– Пора кончать, Реи! Мериамун скоро явится сюда разыскивать нас, а мне думается, что я оставил по себе заметный след! – и он указал рукою на груды тел, отмечавших его путь.

Между тем престарелый ахейнин пустил стрелу в стоявших в колеснице, но стрела, едва коснувшись груди Елены, вдруг избрала иное направление, не причинив ей ни малейшего вреда; пораженный этим чудом, он не спускал с нее глаз. Вдруг Елена подняла голову и взглянула прямо ему в лицо, и в этот момент он узнал ее, узнал в ней ту Елену-аргивянку, которую он не раз видал во время осады Трои.

Теперь он узнал и доспехи Скитальца и, объятый ужасом, громко крикнул своим:

– Спасайтесь, ахейне! Бегите! Бегите скорее к своим судам, бегите из этой проклятой страны! Там, на золотой колеснице, стоят Елена-аргивянка, давно умершая, и с нею Парис, сын Приама, явившийся сюда отомстить за бедствия Илиона сынам тех, кто навлек на него эти бедствия! Бегите, пока рок не сразил вас!

Паника охватила вдруг ахейн, когда отряд за отрядом передавал друг другу слова престарелого воина, знававшего некогда Париса и Елену. С минуту ахейне в недоумении смотрели, как смотрят овцы на подкрадывающегося к ним волка, затем, покинув стены, побежали к своим судам.

Воины фараона, взобравшись на стены, ворвались в их укрепленный лагерь и кинулись преследовать их вплоть до самых судов. Однако многие суда были преданы огню; зарево пожара осветило поле битвы, но некоторые суда успели выйти на середину реки и, держа весла наготове, ожидали, чем кончится сражение.

Солнце уже зашло. На поле сражения спустился мрак, так что люди едва могли видеть друг друга. Скиталец, стоя на своей колеснице на берегу, следил за ходом битвы – он был утомлен и измучен.

Вот и последнее судно оттолкнулось от берега. На суше уже не оставалось более врагов. На этом судне стоял юноша, рослый, красивый, могучий и отважный. Одиссей, глядя на него, решил, что из всех ахейн это первый воин, так как он один долго удерживал врага, пока товарищи его спускали на воду судно и готовились отчалить.

Теперь он стоял на корме судна и, увидев отблеск зарева горящих судов на золотых доспехах Скитальца и на золотом его шлеме, натянул свой лук и пустил стрелу, крикнув ей вслед:

– Прими подарок, дух Париса, от Телегона, сына Цирцеи и Одиссея, врага Париса!

Едва эти слова коснулись слуха Одиссея и Елены, как предназначенная богами стрела вонзилась в грудь Скитальца, сразив его насмерть. Тогда Одиссей понял, что судьба его свершилась и что смерть пришла к нему с воды, как то бы-

ло предсказано. Обессилев, он выронил свой щит и черный лук, однако у героя осталось еще сил крикнуть:

– О Телегон, сын Цирцеи, какой грех совершил ты перед жестокими богами, чтобы такое тяжкое проклятие пало на твою голову? Ведь ты убил того, кто породил тебя! Слушай меня, сын Цирцеи! Я не Парис, а Одиссей из Итаки, которому ты с воды послал смерть, как мне было предсказано.

Телегон, услышав эти слова и узнав, что он убил своего отца, знаменитого и прославленного Одиссея, которого он искал по всему свету, от скорби хотел было броситься в реку и утопиться, но товарищи силой удержали его от этого. Так дано было Телегону богами увидеть отца своего в первый и последний раз в жизни и услышать голос его тоже в первый и последний раз. Когда ахеяне узнали, что то был исчезнувший Одиссей, который предводительствовал войском фараона против десяти народов, в том числе и против них, то не стали более удивляться его искусству в деле войны и его мужеству в бою.

Тем временем колесница царицы Мериамун, пустившейся в погоню за Еленой-аргивянкой, уже была близко. Утопая в крови убитых, по телам их неслась она к стенам неприятельского лагеря. Но и здесь ее встречали одни мертвецы, а вместо огня освещало поле сражения зарево догоравших кораблей ахеян. И воскликнула Мериамун:

– Воистину фараон поумнел перед смертью, так как толь-

ко один человек в мире мог с таким малочисленным войском одержать такую громадную победу! Скиталец спас царство и корону Кеми, и она по праву должна принадлежать ему! Клянусь Осирисом!

Теперь колесница Мериамун выехала во внутренний двор укрепленного лагеря ахейян, и здесь воины фараона приветствовали ее громкими криками. Между тем Скиталец умирал на берегу реки, озаренный заревом пожара догоравших кораблей. Елена склонилась над ним, а багрово-красная звезда на ее груди роняла свой отблеск на чело умирающего героя.

– Что значат эти крики? – спросил Одиссей, приподняв голову с груди Елены.

– Они приветствуют царицу Мериамун! – ответил ему Реи.

Мериамун, сойдя со своей колесницы, прошла сквозь ряды расступившихся перед нею солдат, склонявшихся перед ее царским величием, прошла к тому месту, где лежал умирающий Скиталец. Долго она стояла над ним в полном безмолвии. Наконец Одиссей поднял голову и проговорил слабым, угасающим голосом:

– Привет тебе, царица! Видишь, я исполнил поручение фараона: страна Кеми свободна от врагов. Где фараон, чтобы я мог отдать ему отчет во всем прежде, чем умру?

– Фараон умер, Одиссей, – отвечала царица, – а ты живи и будь сам фараоном!

– Ах, царица Мериамун, я знаю все! Да, фараон умер, умер от твоей руки, потому что ты желала овладеть мною, но мной овладела смерть. Тяжким гнетом ляжет на тебя кровь фараона в той стране, куда я теперь иду и куда и ты вскоре последуешь за мной. Ты хотела умертвить Елену, но злоба твоя оказалась бессильной против ее бессмертия. А я умираю, и вот конец всей этой любви и ненависти, борьбы и скитаний.

Мериамун стояла молча, сердце ее надорвалось от горя, она забыла даже свой гнев на Реи и Елену.

Тогда вместо нее заговорила Елена:

– Ты умираешь, Одиссей, но только на короткое время, ты придешь вновь и найдешь меня ожидающей тебя!

– И я тоже вернусь, Одиссей! – воскликнула царица. – И ты будешь любим, и под крылом у истины мы вновь встретимся с тобой.

– Там и в других местах мы будем вновь встречаться, а пока прощай, Елена! Я погрешил против тебя, но тебя одну я любил и люблю...

– Ты найдешь меня по ту сторону врат заката! – сказала Елена и, склонившись к нему, заключила его в свои объятия. Вдруг голова героя откинулась назад, и он умер, умер на груди у «Мечты мира». Так исполнилась клятва Италийской Афродиты, и так возлежал наконец Одиссей в объятиях златокудрой Елены-аргивянки.

А царица Мериамун била себя в грудь, губы ее побелели

от злобы. Но Елена поднялась и, стоя в головах у Скитальца, тогда как Мериамун стояла у него в ногах, сказала ласково и спокойно:

– Сестра моя, ты видишь, теперь конец всему. Тот, кого мы любили, потерян для нас. Что же ты выиграла всеми твоими преступлениями? Не смотри на меня так гневно! Ведь ты не можешь ничего сделать против меня, как и я не могу, да и не хочу причинить тебе никакого зла. Но ты, ты вечно будешь ненавидеть меня, которая ненависти к тебе не питает. И так все будет до тех пор, пока ты не научишься любить меня, а до тех пор преступление и грех будут твоим уделом!

Но Мериамун и на это не сказала ни слова. Тогда Елена обратилась к Реи и шепотом приказала ему что-то, и он в слезах пошел исполнять ее приказания.

Вскоре он возвратился, и с ним множество воинов. Они принялись сооружать громаднейший костер из добычи, оставшейся после неприятеля. Когда все было готово, солдаты подняли тело Одиссея на руки и возложили его на вершину костра, а на грудь положили его большой черный лук, дар Эврита. Затем по слову Елены Реи взял факел и зажег костер. Мериамун стояла все время тут же, неподвижная и безмолвная, точно каменное изваяние.

Вот пламя охватило весь костер. Вдруг Мериамун, громко вскрикнув, сорвала золотую двуглавую змею, обхватывавшую ее стан, и швырнула ее в огонь.

– Из огня ты явилось, Первородное Зло, – воскликнула

она на языке мертвого народа, – и в огонь возвратись, ложный советник!

А Реи воскликнул на том же языке:

– Дурно ты поступила, царица, что отогрела змею у себя на груди. Теперь где будет змея, там и ты будешь!

При этих словах лицо Мериамун вдруг стало мертвенно-неподвижным, какая-то невидимая сила стала медленно притягивать ее к костру. Вот уже пламя коснулось ее, и с громким воплем отчаяния она упала в костер на грудь трупа Одиссея. Змея ожила в огне и стала расти и обвилась своими мощными кольцами вокруг тела Мериамун и вокруг тела Скитальца и, подняв голову, злобно захохотала.

В тот же момент костер рухнул, царицу Мериамун, Скитальца и змея – всех поглотило пламя.

Еще долго златокудрая Елена стояла над костром, следя за умирающим огнем, затем опустила на лицо свой покров и, повернувшись, удалилась в пустыню, исчезнув во мраке ночи с тихою песней, еще долго звучавшей людям издалека.

И так она будет бродить по пустыне до тех пор, пока не вернется Одиссей.

Так вот то, что я, жрец Реи, должен был рассказать людям прежде, чем лягу и усну вечным сном в своей великолепной усыпальнице, которую я приготовил себе близ Фив. Пусть каждый мужчина прочтет и поймет эту повесть так, как ему хочется, и каждая женщина так, как боги помогут ее разумению.